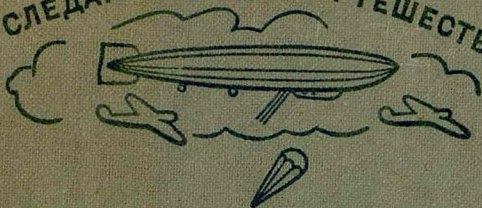
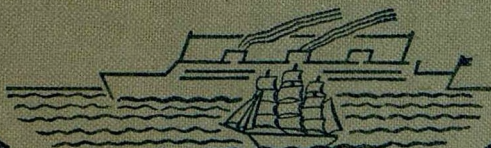

ПО СЛЕДАМ ВЕЛИКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ

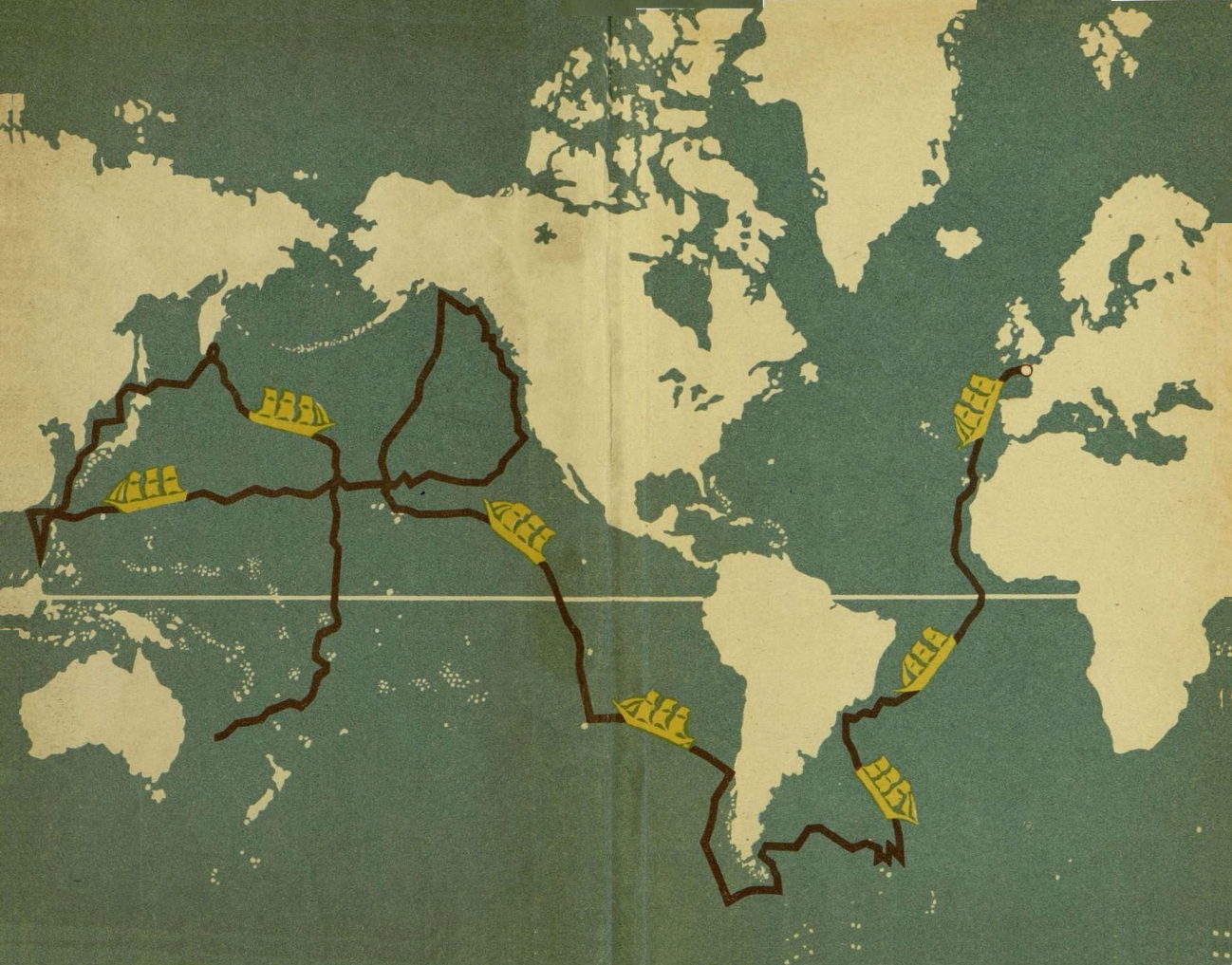

НИКОЛАЙ ФУЮРОВСКИЙ

НА ВСТРЕЧУ ГИБЕЛИ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1936

ПО СЛЕДАМ ВЕЛИКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ

Ла-Перуз.

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

НА ВСТРЕЧУ ГИБЕЛИ

ПОВЕСТЬ

*о плавании и смерти
капитана Ла-Перуза*

*Рисунки художника
М. Разулевича*

ЦЕ ВЛКОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД

**ДЛЯ СТАРШЕГО
И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА**

Ответ. редактор *И. Халтурин*.
Технический редактор *Г. Левина*.
Ответств. корректор *В. Белкина*.
Сдано в производство 9/VI 1936 г.
Подписано к печати 27/IX 1936 г.
Детяздат № 776. Индекс Д-7. Формат 82×110^{1/2}. 13 печ. л. (7,45 авт. л.).
Зак. тип. 2789. Тир. 25 000. Уполномоченный Главлита Б-24 641.
Цена 2 р. 75 к. Переплет 1 р. 25 к.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“.
Москва, Валовая, 28.

Отпечатано с готовых матриц на Днепропетровской Книжно-Полиграфической фабрике им. 25-летия ВКП(б) ОУМП. Заказ № 8338.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

У МИНИСТРА

— Итак, — сказал маршал де-Кастриэс, морской министр Франции, — мы решили, наперекор англичанам, тоже послать научную экспедицию в Тихий океан. Бесспорно, открытия капитана Кука огромны. Но Кук англичанин, и Франция не может вполне доверять ему. Ходят слухи, что английское адмиралтейство самые ценные открытия Кука держит в секрете, чтобы другие нации не могли ими воспользоваться. В Тихом океане остались еще области, совершенно неведомые европейцам. Что нам известно о той части океана, которая лежит между островом Пасхи и Гавайским архипелагом? Ничего! Что мы знаем о северо-западном побережье Америки? Почти ничего. Правда, там побывал капитан Кук, но карта, составленная им, очень поверхностна и не точна. А между тем многие полагают, что именно там находится пролив, соединяющий Тихий океан с Атлантическим.

— Не думаю, чтобы такой пролив существовал, — сказал Ла-Перуз.

— Вы ничему не верите, капитан, — ответил министр. — А между тем открытие этого пролива упростило бы все наши торговые сношения с Азией. Для того, чтобы попасть в Индию или Китай, не нужно было бы огибать Африку. Азиатские товары в Европе подешевели бы втрое, а наши товары живо завоевали бы азиатские рынки. Скажите, а известно вам что-нибудь о тех областях, которые расположены между Калифорнией и Китаем? А разве кто-нибудь знает, что представляет из себя таинственная страна Манчжурия, лежащая между Кореей и русскими владениями на Дальнем Востоке? Ведь ни один европейский капитан еще не был в Японском море. Потом надо посетить Австралию и расположенные рядом с нею острова. Мы предоставляем в распоряжение экспедиции два сорокапушечных фрегата — „Компас“ и „Астролябию“. Это лучшие суда французского военного флота. Они сейчас находятся в Бресте. С экспедицией Академия посылает своих знаменитейших ученых.

Голос министра звучал торжественно. Министр приближался к самому важному месту своей речи.

— Глава такой опасной и трудной экспедиции должен быть не только первоклассным моряком, но и отличным географом и способным администратором. Он должен уметь вести и войну и торговлю. Нам нужен человек, которому мы могли бы без страха доверить жизнь людей. Трудно было найти такого человека. Но теперь он найден. Мой выбор пал на вас, капитан Ла-Перуз.

— На меня! — вскричал Ла-Перуз, вскакивая со своего места.

— Да, на вас, — повторил министр. — Разве это вас удивляет? Вы нам известны как лучший моряк французского флота. Ваши исследования Гудзонова залива блестящи. Ваше бегство из плена во время последней войны с Англией достойно удивления. Как администратор, вы показали себя во время своей деятельности в наших канадских колониях. Вы здоровы и находитесь в самом цветущем возрасте — вам сорок лет...

— Да, — перебил его Ла-Перуз. — Но я слышал, что министерство собиралось назначить главой экспедиции адмирала д'Антраксто...

Министр рассмеялся.

— Эти слухи он сам распускает, — сказал он. — Адмирал д'Антраксто предлагал нам свои услуги в качестве главы экспедиции, но мы от них отказались. Я, конечно, не отрицаю достоинств адмирала д'Антраксто. Он отлично справился с восстанием негров, когда был губернатором Иль-де-Франса. Он высек двенадцать тысяч рабов. А сколько тысяч повесил! Но поручить ему экспедицию мы не можем. Если матросов сечь, как негров, они подымут бунт.

Министр встал.

— Капитан Ла-Перуз, — сказал он, — поезжайте в Брест и примите начальство над обоими фрегатами. Я предоставляю вам самому выбрать себе подчиненных. Прощайте.

Разговор этот происходил в 1785 году, за четыре года до Великой французской революции.

Выйдя из кабинета министра, Ла-Перуз встретился в приемной с высоким надменным челове-

ком в треугольной адмиральской шляпе. Это был адмирал д'Антрасто. Ла-Перуз холодно поклонился. Адмирал д'Антрасто побледнел. Рука его машинально опустилась на рукоятку шпаги. Он стиснул тонкие губы и не ответил на поклон.

СБОРЫ В ПУТЬ

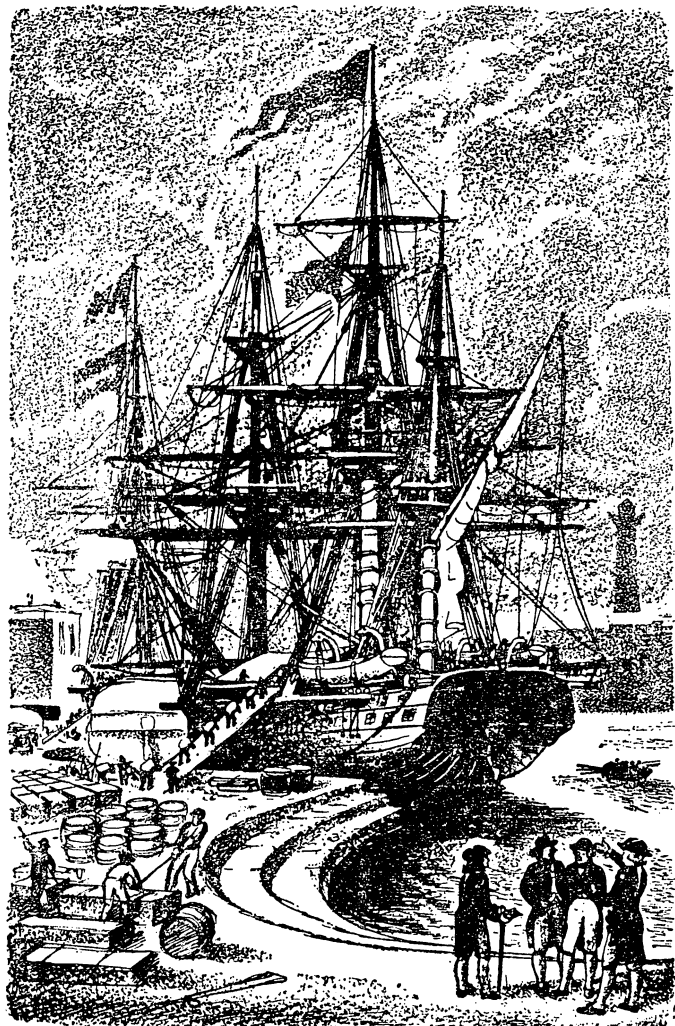
Но неудачливый соперник сразу вылетел у Ла-Перуза из головы. Мысли его заняты были другим. „Командование главным фрегатом — „Компасом“ — я возьму на себя, — думал он. — Но кому поручить „Астролябию“? Конечно, капитану де-Ланглю. Де-Лангль служил под моим начальством во время плаванья в Гудзонов залив, и я знаю, что лучшего моряка не сыщешь, пожалуй, во всей Франции. А старшим лейтенантом на „Компасе“ будет д'Эжюр. Он молод, самонадеян, заносчив, но зато отважен, как лев. Его задор умерит младший лейтенант Бутэн, человек осторожный и опытный“.

Так Ла-Перуз перебрал всех лучших моряков французского флота, и все они согласились отправиться с ним в плаванье.

На другой день начальник экспедиции познакомился с учеными, которые должны были сопровождать его во время путешествия. Академия послала с Ла-Перузом крупнейших представителей науки.

Участники экспедиции выехали из Парижа в Брест.

Портовый город встретил их свежим морским ветром, от которого у моряков сильнее забились

Красавцы фрегаты стояли на причале у мола.

сердца. Красавцы фрегаты, украшенные развевающимися флагами, стояли на причале у мола. Ла-Перуз и его спутники были встречены торжественным пушечным залпом. Эти люди на много лет расставались с цивилизованным миром. Вернутся ли они когда-нибудь на родину? Удастся ли им обогнуть страшный мыс Горн, грозу кораблей? Как встретит их таинственный Тихий океан? Окажется ли он действительно тихим, или их там ждут ураганы? Или, может быть, они будут съедены людоедами, как был съеден капитан Кук? Впрочем, с Ла-Перузом отправились только смелые люди. Они знали опасности, которые их ждут на пути, и умели прямо смотреть им в глаза.

В порту толпились грузчики. Они гуськом тащили на корабли тяжелые деревянные кадки и туго набитые мешки.

Ла-Перуз первым делом спустился в трюм, чтобы посмотреть, каким его снабдили грузом, и вышел оттуда рассерженный.

— Корабли придется перегрузить заново, — сказал он начальнику порта. — Вы заполнили все трюмы мукой да соленой свиной, и там не осталось места ни для чего другого.

— Но мне говорил господин министр, — возразил начальник порта, — что вы проведете четыре года в диких странах. Вот я и снабдил вас на четыре года мукой и на четыре года соленой свиной.

— Чушь! — крикнул Ла-Перуз. — Бессмысленно возить с собой столько съестного. Кук покупал пропитание для своего экипажа на каждом диком островке. Нужно только иметь вещи, годные для

обмена, и дикари доставят нам все, что мы пожелаем.

Солонину и муку потащили из трюмов обратно. А на место выгруженной провизии в трюмы спустили сотни пудов раскрашенных стеклянных бус, тысячи крохотных зеркалец, ящики с топорами и гвоздями.

— За одно такое зеркальце, — говорил Ла-Перуз, — любая дикарка даст нам больше фруктов, рыбы и мяса, чем здесь можно получить за боченок золотых монет.

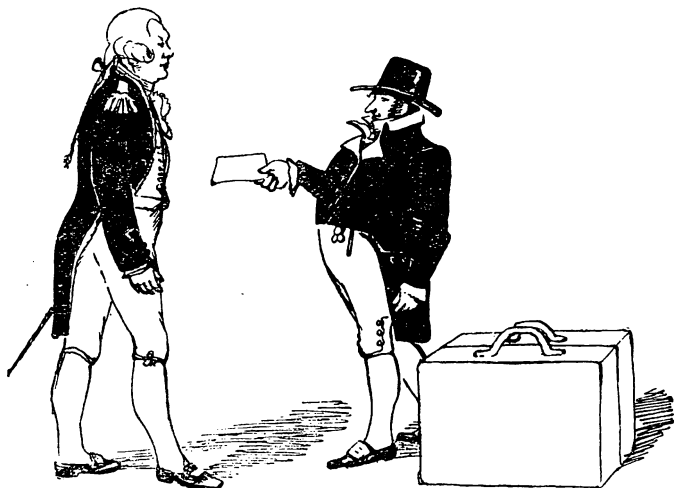
1 августа 1785 года все было готово к отплытию. Играл военный оркестр. По ветру вились флаги. Гремело „ура“. Матросы начали отвязывать причальные канаты.

НЕПРОШЕННЫЙ ПАССАЖИР

И вдруг Ла-Перуз увидел маленького, толстенького человечка, во весь дух бегущего по набережной. Человечек подпрыгивал на бегу, как резиновый мяч. Серебряные пряжки на его туфлях ярко блестели. В руках он держал большой чемодан.словно вихрь, влетел он на палубу „Компаса“ как раз в ту секунду, когда фрегат начал медленно отделяться от мола, и остановился отдуваясь.

— Уф! — проговорил он, вытирая платком покрасневшее лицо. — Я не опоздал. Я не мог опоздать. Со мной никогда не случается несчастий.

Подойдя к пораженному Ла-Перузу, новоприбывший сказал:

— Вот вам письмо от министра, капитан.

— Вот вам письмо от министра, капитан.
И подал запечатанный конверт.

„Податель этого письма, — писал министр, — Бартоломей Лессепс, служащий нашего посольства в Санкт-Петербурге. Он очень веселый человек и имеет крупные связи при дворе: две его родные тетки — фрейлины королевы. Он страдает необыкновенным любопытством и, узнав о вашем путешествии, непременно захотел принять в нем участие. Я не решился ему отказать. Быть может, он принесет вам некоторую пользу — если вы будете на Камчатке, пошлите его с письмами в Париж через Россию. Он немного знает русский язык и пользуется покровительством императрицы Екатерины.

Надеюсь, он не будет вам в тягость. Морского дела он не знает, но зато отлично рассказывает смешные истории. Ему всегда во всем везет, и при дворе его называют счастливымчиком. Он уверяет, что принесет вам счастье.

*Морской министр Франции
маршал де-Кастриэс“.*

Ла-Перуз сурово взглянул на нежданного пассажира. Зачем ему нужен этот паркетный шаркун, не знающий ничего, кроме смешных историй? Но у новоприбывшего была такая простодушная, веселая, добрая физиономия, что Ла-Перуз крикнул, немного смягчившись:

— Приготовьте каюту господину Бартоломею Лессепсу!

БАРТОЛОМЕЙ ЛЕССЕПС ПОКУПАЕТ ВИНО

Когда берега Франции растаяли в тумане, веселье охватило моряков. Моросил мелкий дождь, дул холодный северный ветер, но никто не обращал внимания на непогоду. Фрегаты шли на юг, где круглый год сверкает палящее солнце. От капитана до последнего поваренка весь экипаж понимал важность и необычайность предстоящего путешествия. Сколько богатых островов откроют они в неведомых морях! Если им повезет, они, как новые Колумбы, наткнутся на не знакомый европейцам материк. Мало ли какие земли могут еще находиться в далеком Тихом океане! Капитан Кук, совершивший туда три путешествия, не успел осмотреть целиком этот огромный океан,

занимающий треть поверхности земного шара. Да разве кто-нибудь может осмотреть Тихий океан целиком! Ведь на это нехватит и десяти человеческих жизней.

А как выгодно такое путешествие! Все участники его, вернувшись на родину, станут богатыми людьми. Не говоря уже о богатствах, которые могут оказаться в неведомых землях Тихого океана, каждый моряк во время этого плаванья будет получать двойное жалованье. Через три года, вернувшись на родину, даже простой матрос получит такую кругленькую сумму, что купит себе домик где-нибудь в приморском городке. Офицеры, те все без исключения будут повышены в чине. Даже младшие лейтенанты „Компаса“ и „Астролябии“ могут надеяться кончить свою жизнь адмиралами. Но больше всего сулило это путешествие ученым. Географам, ботаникам, зоологам, минералогам представлялся блестящий случай обогатить познания человечества и прославить свои имена. Немудрено, что моряки громко пели, карабкаясь по мачтам, и что за обедом дребезжала посуда от грохота шуток.

У берегов Испании дождевая завеса прорвалась, и хлынуло солнце. Днем горизонт сверкал так ослепительно, что резало глаза, а ночью море сияло фосфорическим светом, и казалось, будто корабли плывут не по воде, а по пламени. Все время дул ровный попутный ветер, и уже 13-го августа фрегаты обогнули остров Мадейру. Здесь кончаются европейские воды и начинается та часть океана, которая омывает Африку.

Все были заняты делом. Матросы передвигали тяжелые паруса, офицеры изучали карты, ученые

исследовали состав воды и воздуха. Один только Бартоломей Лессепс ничего не делал. Он спал до полудня, ел за троих и до позднего вечера сло- нялся из угла в угол, приставая к морякам с рас- спросами. Моряки относились к нему сначала не совсем дружелюбно. Лессепс ничего не умел, ни- чего не знал, но обладал необыкновенным любо- пытством. Иногда на свои бесчисленные вопросы он получал довольно невежливые ответы. Ни- сколько не обидевшись, он уходил, сложив на животе свои пухлые ручки и улыбаясь во весь рот. Мало-по-малу команда привыкла к нему и даже полюбила. На его толстом лице постоян- но сверкала добродушная улыбка.

— Счастливчик этот Лессепс, — говорили офи- церы. — Всегда он всем доволен.

И всех он умел позабавить. Офицерам он рас- сказывал смешные истории о русской императрице Екатерине, при дворе которой он часто бывал, а матросов после вахты учил танцевать менуэт — изысканный придворный танец, совсем не приспособленный для ног, привыкших ходить по шатучим доскам палубы и лазить по реям. Однажды ему удалось даже доказать, что есть область, в которой он вовсе не круглый невежда.

Утром 19-го августа он подбежал к Ла-Перузу, крича:

— Смотрите, капитан! Прямо из моря подымается гора вышиной до самого неба.

Действительно, зрелище было необычайное. Из волн почти отвесно вставала исполинская гора. Белое облачко, плывшее по небу, доходило ей только до пояса. Острая вершина таяла в неиз- меримой вышине.

— Это Тенерифский пик, — объяснил Ла-Перуз, — огромная гора на острове Тенерифе. Мы проведем у Тенери́фа несколько дней.

Важные причины заставили Ла-Перуза посетить Тенериф. На вершине Тенерифского пика не был еще ни один человек, хотя остров вот уже триста лет принадлежит Испании. Определить, что находится на вершине этой гигантской горы, заброшенной посреди океана, — задача очень важная для науки. К тому же Тенериф славился своим превосходным и в то же время дешевым вином. Во времена Ла-Перуза вино считалось лучшим средством от простуды, и Ла-Перуз хотел заготовить несколько бочками этого лекарства на случай всяких насморков и кашлей, — ведь кораблям придется побывать и в очень холодных местах.

На берегу их встретили высокие пальмы и почтительно-подозрительные испанские чиновники. Маркиз дон Бранчифорте, тенерифский генерал-губернатор, приехал на „Компас“ и долго любезничал с Ла-Перузом, стараясь выведать, зачем в его владения прибыли французские военные корабли. Узнав, что экспедиция имеет разрешение испанского правительства заходить во все испанские порты, он позволил французам гулять по всему острову.

Среди виноделов Тенери́фа сразу распространилась весть, что явились богатые покупатели, которые хотят купить большую партию вина. Виноторговцы всполошились и стали дюжинами съезжаться на „Компас“. Каждый расхваливал свой товар, и Ла-Перуз растерялся. Он не знал, кому из этих хитрых жуликов можно верить. Тут-

то Бартоломей Лессепс и пришел к нему на помощь.

— Предоставьте это дело мне, капитан,— с необыкновенной важностью сказал он. — Во всей Европе вы не сыщете лучшего знатока вин, чем я. Сама императрица Екатерина, когда ей хотелось выпить, просила меня привезти ей хоть бутылочку из моих подвалов.

И, обращаясь к купцам, он заорал:

— Прочь, мошенники! За бочку такой кислятины ты хочешь шестьсот ливров? А ты, плут, чего здесь трясешь бородой? Твое вино достается тебе даром, потому что ты черпаешь его из речки.

Согнав с корабля всех виноторговцев, Лессепс попросил капитана дать ему в подмогу двух матросов.

— Я сам поеду по всему острову и буду покупать вино прямо у крестьян. Я достану вам самого лучшего вина, какое здесь только есть, и оно обойдется мне вдвое дешевле, чем требуют прохвосты-купцы.

Он нанял лошадь, сел в тележку и вместе с двумя матросами поехал из одной деревушки в другую. Из хаты в хату ходил он, всюду пробуя вино. От этих проб щеки его разругались. Скоро он не мог уже держаться на ногах, и матросам пришлось тащить его под руку. И все же он продолжал пробовать и торговаться. Поздно вечером его приволокли на „Компас“. Он был мертвецки пьян и лежал, как бревно, на руках у матросов. Но зато купленные им сорок бочек вина оказались превосходного качества и стоили так дешево, что Ла-Перуз сначала не поверил.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ТЕНЕРИФСКИЙ ПИК

Путешествие на вершину Тенерифского пика поручили инженеру Монерону и физику Ламанону. Монерон был старый друг Ла-Перуза, крепкий, выносливый человек, не привыкший останавливаться ни перед какими препятствиями. А Ламанон был сухонький, седенький академик, хилый на вид, но во всяком деле неукротимый и упорный. Налегке, гуляя, не взберешься на вершину такой исполинской горы. Тут нужны проводники, хорошо знающие горные тропинки, да мулы, чтобы тащить запас продовольствия дня на три, на четыре. Меньше чем за три дня не одолеешь этакую громадину.

Мулов купили на базаре. Это были сильные животные, выращенные в горных деревушках, привыкшие без страха шагать по краю отвесных пропастей. А проводников Монерону рекомендовал сам генерал-губернатор. Их было четверо — все молодцы, как на подбор, пастухи, с детства гоняющие стада по пастбищам, расположенным за облаками.

— Вы были когда-нибудь на самой вершине? — спросил их Монерон, говоривший немного по-испански.

— Нет, — ответил старший из проводников. — На самой вершине не был еще ни один человек. Там находятся дьяволы письма, и тот, кто увидит их, не вернется назад.

— Ого! — вскричал Монерон. — Дьяволы письма! Хотел бы я прочитать, что пишет дьявол!

В путь тронулись рано утром, едва рассвело. Внизу, у подножья, было уже жарко, и жар уси-

ливался с каждым часом. Шесть человек и три мула шли вверх по тропинке между пальмовых рощ. Кое-где дорогу преграждала сеть извилистых лиан, и их приходилось разрубать топором. Кругом шумел тропический лес. Среди ветвей порхали маленькие желтые птички. Это были канарейки, которых мы, жители холодных стран, привыкли видеть только в клетках. Тенериф — родина канареек. По их имени группа островов, в число которых входит и Тенериф, названа Канарскими островами.

Подъем вначале был не очень крут, и путники двигались довольно быстро. К полудню пальмовый лес кончился. Чем выше, тем прохладнее климат, и тропическая растительность сменилась растительностью южной Европы. Это была самая богатая часть острова. Тропинка утопала в виноградниках. Мулы, мотая головами, срывали виноградные гроздья. В два часа дня на берегу прохладного горного ручейка сделали привал и отдыхали до шести часов.

С вечерней прохладой двинулись в дальнейший путь. Тропинка с каждым шагом становилась все круче. В некоторых местах идти вверх можно было, только держась за мулов. Виноградники кончились. Тропинка извивалась между огромных глыб застывшей лавы. Монерон, здоровый, крепкий человек, и тот с трудом поспевал за проводниками. А физик Ламанон, всю жизнь просидевший у себя в парижском кабинете и не привыкший к таким трудным переходам, совсем выбился из сил. Его пришлось посадить на мула и привязать к седлу веревками, чтобы он не свалился. Шли в сумерках до тех пор, пока не стемнело окончательно. Тогда развели костер и легли спать.

Назавтра встали чуть свет. Монерон глянул вниз и ахнул. Французские фрегаты, стоявшие в гавани, отсюда, сверху, казались крохотными, игрушечными корабликами, сделанными из бумаги. Все острова Канарского архипелага, совершенно незаметные с берега, были отчетливо видны на горизонте. Но вершина Тенерифского пика была так же далеко, как и в самом начале.

Ведущая вверх тропинка ежеминутно раздваивалась, разветвляясь. Проводники каким-то чудом угадывали направление, потому что запомнить весь этот лабиринт казалось невыполнимым. Подъем местами был настолько крут, что людям приходилось двигаться ползком и подтягивать за собой мулов на веревках. Ламанон, усталый и ослабевший, старался не отставать от своих спутников, даже подбадривал их и с любопытством разглядывал каждый камешек, каждую травку. Солнце поднялось уже довольно высоко, но зной не томил, как вчера. Веял прохладный ветерок.

— Глядите, сосны! — закричал Ламанон.

Начался суровый северный лес. Сюда не залетали канарейки. Невозможно было себе представить, что там, внизу, растут тропические пальмы, переплетенные лианами.

— Сколько разных климатов на одном маленьком островке! — удивлялся инженер Монерон.

До позднего вечера ползли они сосновым лесом. Вечером нашли яму, защищенную от ветра, и улеглись в ней спать. Вторую ночь, проведенную на склоне Тенерифского пика, они дрожали от холода, хотя всю ночь жгли костер и прижимались к горячим бокам спящих мулов.

На третий день кончились и сосны. Остались только камни, поросшие мхом. Природа этого пояса горы напоминала природу тундры. Фрегаты в гавани казались едва заметными точками. Путники раза два видели диких коз, прыгавших с камня на камень. Облака проплывали далеко внизу, бросая черные тени на поверхность моря. Склон становился все круче и круче. Мулы не в состоянии были итти по такой крутизне. Они теперь не облегчали восхождение, а только затрудняли — людям приходилось почти все время волочить за собой животных на канатах. Решено было оставить мулов под охраной двух проводников. Два других проводника сопровождали французов и дальше. Скат был так крут, что двигаться можно было только на четвереньках.

Вершина Тенерифского пика казалась теперь не такой далекой. Монерон и Ламанон уже не сомневались, что им удастся достигнуть ее, как вдруг оба проводника заявили, что не сделают больше ни шага и немедленно возвратятся назад к мулам.

— Вы, французы, должно быть, не верите в бога, не боитесь дьявола, если решаетесь итти дальше, — говорили они. — Там дьяволы письмена, и тот, кто увидит их, не вернется назад.

Напрасно Монерон предлагал им упятерить, удесятерить награду, напрасно он угрожал пожаловаться генерал-губернатору и посадить их в тюрьму, — они были глухи и к обещаниям и к угрозам. Ни шагу дальше — был их ответ.

— Скажите, господин Ламанон, — спросил инженер, — согласны вы продолжать путь со мной без проводников?

За три дня изнурительного карабканья на гору щеки у физика ввалились от усталости. Но он знал, что отступление будет позором.

— Согласен, — твердо сказал он.

— Идемте! — воскликнул Монерон. — Докажем этим суеверным трусам, что здесь нет никаких писем.

Но письма были. Проползав на четвереньках весь день, французы добрались, наконец, перед заходом солнца до отвесной каменной стены, преградившей им путь. В стене была четко выбита какая-то надпись. Незнакомые хвостатые буквы неведомого языка смотрели на двух измученных, ободранных, грязных мужчин, изумленно таращивших глаза.

— Не понимаю, — растерянно пробормотал Монерон. — Дьяволы письма существуют!.. Да это бред, чепуха, сумасшествие... Разбудите меня, господин Ламанон...

Но физик вдруг хлопнул себя по лбу.

— Я понял! — закричал он. — Эту надпись сделали гуанчи.

— Какие гуанчи?

— Гуанчи — народ, живший на Тенерифе до прихода испанцев. Испанцы явились сюда триста лет тому назад. Гуанчи встретили их очень радушно. Но испанцы решили покорить Тенериф и обратить жителей острова в христианство. Гуанчи не хотели отдавать ни своей свободы, ни своих богов. Началась война. У испанцев были ружья, у гуанчей — деревянные копья. Испанцы истребили их всех, до одного человека, не пощадив ни женщин, ни грудных младенцев. И теперь от целого народа ничего не осталось, кроме, быть может, одной этой надписи.

Ламанон старательно срисовал причудливые буквы себе в записную книжку. Итти дальше было немислимо. Стена преграждала дорогу. Влезть на вершину Тенерифского пика по этому склону горы невозможно.

Переночевав у подножья стены, окоченев от холода, инженер и физик с рассветом тронулись в обратный путь. К полудню они добрались до того места, где их поджидали проводники с мулами. Спускаться было почти так же трудно, как подыматься. Внизу, несмотря на удушливый, тропический зной, путники долго не могли согреться. Когда они вернулись на корабль, заботливый Ла-Перуз велел им несколько дней не вылезать из постелей.

ЭКВАТОРИАЛЬНЫЙ ЛИВЕНЬ

Экспедиции нечего было больше делать на Тенерифе, и 30-го августа оба фрегата снова вышли в открытое море. Ла-Перуз держал курс прямо на юг — ему нужно было обойти мыс Горн не позднее рождества.

Экватор перешли 29-го сентября. К этому дню готовились задолго. По обычаю моряков, при переходе через экватор устраивается праздник. Корабельный повар обещал угостить матросов каким-то необыкновенным обедом. Каптенармус приготовил для всех новую одежду и обувь.

Утро 29-го было душное, знойное. Палубные доски трескались от жары. Люди, задыхаясь, прятались в самые темные закоулки. Ветер ночью упал, и фрегаты сонно, медленно ползли по

гладкому зеркалу океана. О празднике никто и не думал. Те, кто были свободны, лежали на койках, изнемогая от жары, а занятые вяло копошились, проклиная несносную духоту.

Но в полдень на горизонте появилось крохотное темное облачко.

— Гроза будет, — сказал Ла-Перуз, и все вздохнули с надеждой.

Солнце стояло прямо посередине неба, над самой грот-мачтой. Люди и предметы не отбрасывали никакой тени. Но облако все росло и приближалось. Расположенный под ним край моря стал тусклым, свинцовым. Несмотря на ослепительный солнечный свет, было видно, как там сверкают молнии. Ла-Перуз приказал привязать к верхушке мачты длинную железную цепь и спустить один конец в воду. На „Астролябии“ сделали то же самое. Это были громоотводы.

Экваториальный ливень налетает почти мгновенно. Стало темно, как ночью, вихрь закрутил корабли, и с неба хлынули целые реки воды. Казалось, будто один океан обрушился в другой. От грохота люди не слышали даже собственного голоса.

— Нельзя, чтобы столько пресной воды пропало даром, — сказал себе Ла-Перуз. — Нам всегда ее нехватает.

И распорядился:

— Все пустые бочки на палубу!

На палубе стоять было невозможно — ливень сбивал с ног. Стоило только на мгновение приотворить дверь, и вниз по трапу тек целый ручей. Тем не менее матросам удалось выкатить на палубу двадцать мять пустых бочек. Не прошло и минуты, как все они наполнились до краев.

Вихрь закрутил корабли.

При каждом ударе молнии в громоотвод фрегат вздрагивал, как от пушечного выстрела. А молнии следовали одна за другой. Сидя в каюте, можно было подумать, что корабль находится под обстрелом целой неприятельской эскадры.

Дождь лил два часа не переставая и прекратился так же внезапно, как начался. Хлынули знойные солнечные лучи, туча сжалась в облачко и растаяла на горизонте. Палуба высохла в каких-нибудь две-три минуты. Но жар не был таким тягостным и душным, как прежде. Дышать стало легче. Гроза всем привнесла облегчение.

Повар по случаю перехода через экватор угостил всех ветчиной, припасенной специально для этого. Вечером вся команда „Компаса“ вышла на палубу. Какой-то матрос оделся в медвежью шкуру и стал изображать царя экватора. Так нужно по обычаю. Все поливали его ведрами воды. Он бегал по палубе мокрый и рычал. Потом все ловили друг друга и обливали. Через десять минут на обоих фрегатах не было ни одного сухого человека. Офицеры принимали участие в этой игре наравне с матросами. Этого требовал обычай. Устав играть, моряки подолгу разглядывали сверкавший в небе Южный Крест — созвездие, видимое только с Южного полушария. Экватор остался позади.

ОТВАЖНЫЙ КОМЕНДАНТ

По пути к мысу Горну Ла-Перуз собирался сделать еще две остановки — у острова Троицы и у берегов Бразилии. Остров Троицы — небольшой клочок земли, затерянный в Атлантическом

океане, — интересовал Ла-Перуза главным образом потому, что там до него не был еще ни один француз. Во Франции об этом островке знали только по описаниям португальцев и англичан. И Англия и Португалия включали остров Троицы в число своих заморских владений. Кому он принадлежал в действительности, французы и представления не имели. Не знали они, есть ли там удобная гавань, можно ли запастись пресной водой, живут ли там люди, какие там растения и животные. И Ла-Перуз решил разобраться во всей этой путанице.

Скалистые берега острова Троицы были замечены с фрегатов утром 16-го октября. Унылые это были берега — обожженные солнцем бурые камни. Ни одного дерева, ни одной травинки. Гавань, которую скоро удалось отыскать, была настолько мала, что Ла-Перуз не решился ввести в нее свои корабли. На берегу за гаванью возвышалась каменная башня, вокруг которой толпилась дюжина жалких лачуг. На башне развевался португальский флаг.

— Ага, — сказал Ла-Перуз, — здесь все же португальцы, а не англичане.

При появлении возле острова иностранных кораблей в португальском селении началась необыкновенная суматоха. Ла-Перуз видел в подзорную трубу, как суетливо открывались и закрывались двери лачуг, как по единственной улочке взад и вперед бегали фигурки в белом, как на башне появились какие-то люди, возбужденно размахивающие руками.

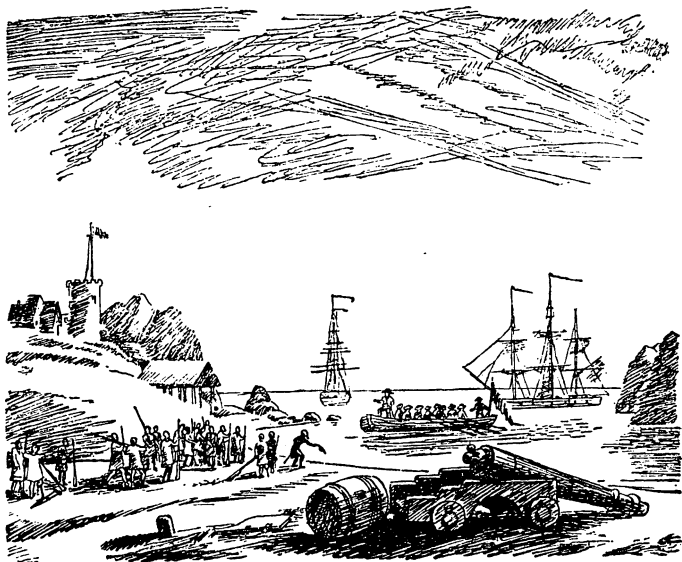
Решено было в гавань не входить, а послать туда шлюпку. Командиром шлюпки Ла-Перуз на-

значил лейтенанта Бутэна, дав ему в подмогу десять матросов и ботаника дю-Фрэна, который знал португальский язык.

Подъехав к берегу, Бутэн увидел странную процессию, направлявшуюся к французской шлюпке. Процессия эта состояла из двухсот человек, одетых в ночные рубашки. Кроме рубашек, на них не было ничего — ни камзолов, ни панталон, ни башмаков, ни шляп. Были это все старики да инвалиды — у одного нет руки, у другого вместо ноги деревяжка, у третьего глаз перевязан какой-то грязной тряпкой. Но каждый тащил ружье. Ружья были тяжелые, длинные, вышедшие из употребления по крайней мере за сто лет до путешествия Ла-Перуза.

Этой диковинной армией командовал шупленький седенький старичок. На нем единственном был военный мундир — с белыми эполетами, со звездами и золотым шитьем. Подойдя к шлюпке, он низко поклонился, прижав правую руку к сердцу.

— Господин иностранный офицер, — сказал он Бутэну дребезжающим, старческим голосом, — умоляю вас, уезжайте с моего острова. Не губите меня, старика. Я — здешний комендант, и мне поручено не пускать иностранцев на остров. Но как я могу не пустить вас? Ведь единственная моя пушка заржавела. Из нее ни разу не палили с тысяча семьсот пятого года. А на прошлой неделе я устроил ученье солдатам, так оказалось, что из каждой десяти ружей девять не стреляют. Ну, посудите сами, разве могу я сражаться с двумя огромными фрегатами? А если я пушу вас на остров и об этом узнает началь-

Подъехав к берегу, французы увидели странную процессию.

ство, меня арестуют как изменника и посадят в темницу. Войдите в мое положение, господин иностранный офицер. Пожалейте меня. Уезжайте отсюда.

Бутэн с помощью дю-Фрэна объяснил коменданту, что французы приехали на остров с самыми мирными целями и просят только разрешения собрать для коллекции растущие на острове травы, запастись пресной водой и купить провизии. Но комендант твердо стоял на своем.

— Остров Троицы, — говорил он, — имеет для Португалии важное стратегическое значение, и мне приказано иностранцев сюда не пускать. Да и травы здесь никакие не растут — сами видите,

голые камни. Вода у нас на острове такая, что свиньи, и те пить ее отказываются. А провизию привозят нам раз в год из Бразилии. Нехватает нам этой провизии, мы даже собак всех съели. Что вам делать на таком голом острове? Здесь так жарко, что мои солдаты ходят в одних рубашках. Будьте милостивы, уезжайте отсюда. Не дайте мне, старику, кончить жизнь свою за решеткой.

Бутэн махнул рукой и поплыл назад к „Компасу“, провожаемый низкими поклонами благодарного коменданта. Экипаж фрегата чуть не лопнул от смеха, слушая доклад Бутэна.

— Ну и защитники! — воскликнул Ла-Перуз. — Не нужен нам их остров. Едем дальше!

И через час бурые камни острова Троицы исчезли за горизонтом.

В БРАЗИЛИИ

Прежде чем отправиться в опасное длительное плавание вокруг мыса Горна, нужно было запастись пресной водой и провизией, осмотреть снасти и корпус фрегатов. Все это заставило французов отправиться в Бразилию — богатую португальскую колонию Южной Америки. Ла-Перуз выбрал город Дестерро, один из южных бразильских портов, и, покинув остров Троицы, направился прямо к нему.

Бразильский берег увидели 6-го ноября. Он весь был покрыт непроходимым пальмовым лесом. В подозрительные трубы видны были стаи длиннохвостых обезьян, которые кувыркались среди

листьев и показывали кулаки проходившим судам.

В три часа заметили каменную цитадель города Дестерро. Едва фрегаты вошли в рейд, как Ла-Перуз приказал пушкарям:

— К пушкам!

„Бам! бам! бам!“ — раздалось одиннадцать выстрелов. При каждом выстреле „Компас“ вздрагивал всем корпусом, как раненый кит.

Бартоломей Лессепс, незнакомый с морскими обычаями, разыскал в толпе офицеров Ла-Перуза и встревоженно кинулся к нему.

— Что вы делаете, капитан? — закричал он. — Зачем вы ни с того, ни с сего нападаете на мирный город? Ведь это разбой!

Увидев на всех лицах улыбку, он понял, что попал впросак.

— Вы ошибаетесь, дорогой Лессепс, — ответил Ла-Перуз. — Наши выстрелы не причинят городу никакого вреда, потому что я приказал зарядить пушки холостыми зарядами. Мы просто исполнили долг вежливости. По обычаю, каждый иностранный корабль, подходя к чужому городу, должен приветствовать горожан одиннадцатью пушечными выстрелами. И если горожане вежливые люди, они ответят нам тем же.

Жители города Дестерро оказались вежливыми людьми. Над цитаделью взвились дымки, и спокойный воздух заколебался от одиннадцати ответных залпов.

На берегу Ла-Перуза встретил дон Франциско де-Баррос, губернатор города. Он превосходно говорил по-французски и изо всех сил старался быть любезным. Узнав, что Ла-Перуз хочет ку-

пить провизии, он указал ему, где и что дешевле продается.

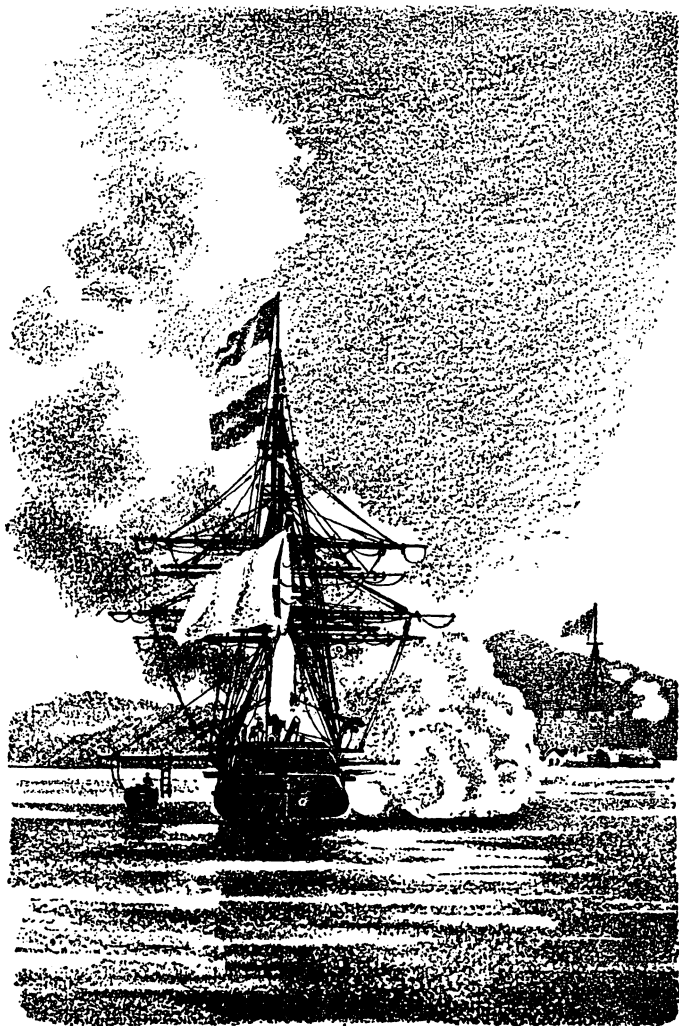
В городе Дестерро было всего три тысячи жителей. Жили они бедно, в маленьких домиках, и занимались главным образом разведением бананов и апельсинов. Скота они держали мало, потому что поблизости не было пастбищ. Устроить пастбища там невозможно: деревья в Бразилии растут так быстро, что всякое с величайшим трудом расчищенное место в несколько месяцев зарастает снова. Но самым страшным бедствием для скота были ядовитые змеи, заползавшие из леса в самый центр города. Одного укуса такой змеи было достаточно, чтобы убить здорового быка. Людей кое-как предохраняла обувь, но животные гибли тысячами.

— Почему вы не разводите сахарный тростник? — спрашивал Ла-Перуз. — Это очень выгодное растение, и климат у вас для него вполне подходящий.

— Мы знаем, — со вздохом отвечали горожане. — Но для устройства сахарных плантаций нужны негры-невольники. Белый человек не в состоянии работать в открытом поле под здешним палящим солнцем. А негры стоят очень дорого, и нам их нехватает.

В те давние времена в Бразилии было много негров-рабов. Несчастных негров ловили в Африке и везли на продажу в Америку, где их покупали плантаторы. Для бразильцев негр был не человек, а такое же рабочее животное, как лошадь или вол.

А жара в Бразилии действительно невозможная. Матросы „Компаса“ и „Астролябии“, как

Воздух заколебался от одиннадцати ответных выстрелов.

сонные мухи, бродили по берегу. Всякая работа валилась у них из рук. Даже заход солнца не приносил облегчения — духота не давала спать. Запасаясь водой и провиантом, починив паруса, Ла-Перуз стал торопить отплытие.

— Вон из этого пекла! — кричали моряки. — Скорее дальше на юг! Там ждут нас прохладные ветры и освежающие дожди.

19-го ноября фрегатy вышли из гавани Дестерро.

ЛГУН

Прежде чем обойти мыс Горн и выйти в Тихий океан, Ла-Перуз должен был отыскать острова, открытые в южной части Атлантического океана капитаном Ла-Рошем. Капитан Ла-Рош был очень знаменитый путешественник. Вернувшись на родину после долгого плавания, он заявил, что ему удалось открыть множество новых земель. Особенно он расхваливал острова, найденные им в Атлантическом океане.

— Мои острова необыкновенно плодородны, — говорил Ла-Рош. — Сосны и ели там толще наших дубов. А в реках столько золота, что его можно копать со дна прямо лопатами. Я бы привез целый трюм драгоценных металлов, но мне пришлось так спешить...

Ла-Роша считали новым Колумбом. Он немедленно был произведен в адмиралы. Но постепенно стало выясняться, что земли, которых Ла-Рош столько наоткрывал в разных частях мира, не существуют. То один, то другой путешественник

убеждался, что там, где по словам Ла-Роша находится суша, в действительности гуляют морские волны.

Только одно открытие Ла-Роша оставалось еще непроверенным — цветущие острова на юге Атлантического океана. Ни один корабль еще не побывал там после Ла-Роша. И французское морское министерство поручило Ла-Перузу выяснить, существуют ли эти острова на самом деле, или хвастливый капитан Ла-Рош изобрел их, как и остальные свои открытия.

Ла-Перуз не верил в Ла-Рошевы острова. Но он обязан был повиноваться министерству и решил добросовестно выполнить то, что оно ему поручило.

Из Дестерро Ла-Перуз направился на юго-восток. Ла-Рош не трудился точно указывать местонахождение открытых им земель, и Ла-Перузу предстояло осмотреть огромную площадь океана, прежде чем окончательно удостовериться в лживости своего предшественника. Если он пропустит хотя бы одну пядь, в Европе скажут, что Ла-Рош говорил правду и что Ла-Перуз прошел мимо его островов, не заметив их.

Как тягостно и скучно бороздить океан без всякой цели, без всякой надежды что-нибудь найти! Корабли поворачивались сегодня влево, завтра вправо, послезавтра возвращались на старое место. „Компас“ и „Астролябия“ то расходились в разные стороны, то снова сходились. Ла-Перуз наносил весь свой курс на карту. Эта карта будет служить доказательством, что он не проглядел ни одной волны во всей той обширной области океана, где, по словам Ла-Роша, должны находиться острова.

Стояла холодная погода с дождем и порывистым ветром. Команда почувствовала глубокое облегчение, когда Ла-Перуз, наконец, после полуторамесячных бесцельных скитаний объявил, что поиски окончены, и направил фрегаты к мысу Горну.

— Сколько хлопот и беспокойства может доставить честным людям один враль! — говорили моряки.

У БЕРЕГОВ ПАТАГОНИИ

14-го января 1786 года мореплаватели увидели перед собою безлесный, плоский берег Патагонии. Унылая степная равнина простиралась до самого горизонта. Фрегаты пошли вдоль берега, к югу. На берегу показался небольшой отряд всадников, которые что-то кричали морякам, размахивая руками.

— Неужели это патагонцы? — спросил капитана Бартоломей Лессепс.

— Да, патагонцы, — ответил Ла-Перуз.

Лессепс схватил подзорную трубу и стал с удивлением разглядывать всадников.

— Ничего не понимаю, — наконец, произнес он. — В школе я читал много описаний разных старинных путешествий, и все путешественники былых времен, побывавшие в Патагонии, утверждают, что патагонцы — великаны, что самые высокие европейцы едва достигают им до пояса. А между тем эти люди, которые скачут там, на берегу, нисколько не выше нас, капитан.

Ла-Перуз рассмеялся.

— Никогда не верьте старым путешественникам, Лессепс, — сказал он. — Они все страшно преувеличивали. Откроют где-нибудь деревушку и называют ее городом. Увидят крокодила и, приехав домой, рассказывают, что он был длиннее корабля. Услышат где-нибудь от дикарей о золоте и уверяют, что этим золотом можно вымостить все улицы в Мадриде. Патагонцы действительно рослые и крепкие люди, и вот их мигом превратили в великанов.

— Патагонцы изумительные наездники, — сказал профессор Дажеле, прислушавшись к разговору. — Они не расстаются с лошадьми ни днем, ни ночью, они ни одного шага не делают пешком. Дети садятся на коней с трех лет, женщины скачут не хуже мужчин. А ведь до прихода белых они и представления не имели о том, что такое лошадь. Увидев всадника, они падали перед ним на колени, думая, что это шестиногий двухголовый бог.

— Как же лошади к ним попали? — спросил Лессепс. — Ведь в Патагонии белые не живут и до сих пор.

— Двести лет тому назад здесь поселилось несколько испанских семейств. Испанцы привезли с собой восемьдесят шесть лошадей. Но маленькая испанская колония быстро захирела. Неурожай следовал за неурожаем. Земля оказалась неплодородной, и поселенцы вернулись на родину. А их лошади остались в Патагонии. Они одичали, быстро размножились и разбрелись табунами по всей степи. Патагонцы мало-по-малу к ним привыкли, стали ловить и приручать.

СТРАШНЫЙ МЫС

Патагония и вход в Магелланов пролив остались позади. Фрегаты шли вдоль побережья Огненной Земли, самой хмурой страны в мире, и приближались к страшному мысу Горну, где круглый год свирепствуют ураганы, где вечно туман и дождь, где огромные волны разбиваются о подножия угрюмых гор. Моряки, готовясь к тяжелому испытанию, проверяли каждый канат, каждый парус, внимательно осматривали обшивку кораблей. На всех лицах появилась забота. С каждым днем все реже слышались песни и шутки.

— Чего вы все так беспокоитесь? — спрашивал Лессепс. — Мы дошли уже до Огненной Земли, а погода стоит превосходная.

Действительно, погода была неплохая, ветер дул ровный и попутный, солнце хотя и не грело, но ярко светило.

— Погода здесь обманчива, — сказал Ла-Перуз. — Голландский капитан Роггевейн, подходя к Огненной Земле, тоже был очарован хорошей погодой, а у мыса Горна его подхватил ураган и отнес чуть ли не к самому Южному полюсу. Роггевейн с величайшим трудом вывел свой корабль из полярных льдов.

— Роггевейн еще очень дешево отделался, — прибавил лейтенант д'Эжур, недавно окончивший военно-морскую школу и гордившийся своим знанием истории путешествий. — А вот английский адмирал Энсон, тот действительно мог бы рассказать вам, что такое мыс Горн. Энсон подошел к мысу Горну в 1740 году, командуя эскадрой из

пяти фрегатов, а когда мыс Горн остался позади, адмирал Энсон командовал уже только двумя фрегатами — остальные три мирно спали на морском дне.

— Надеюсь, с нами этого не случится, — сказал Ла-Перуз. — Но боюсь, как бы нам не пришлось расстаться с нашими пушками. Во время бури у мыса Горна капитан Джордж Байрон побросал за борт все свои пушки, чтобы облегчить корабль.

— Шквалы у мыса Горна почти всегда сопровождаются густым туманом, — продолжал д'Эжур. — Поэтому там корабли все время рискуют налететь на скалу. В 1762 году мимо мыса Горна проходило два судна — одним командовал англичанин Картерет, другим француз Бугенвилль. При неистовом урагане стоял непроглядный туман. Картерет был вынесен к самому берегу и с величайшим трудом снялся с мели, а Бугенвилль ободрал о камни всю обшивку своего корабля.

— Мыс Горн чаще всего приходится огибать испанцам, — заметил Ла-Перуз. — Они, по приказанию короля, скрывают от иностранцев свои путешествия. Но англичане рассказывают, что весь берег Огненной Земли усыпан обломками разбитых испанских кораблей.

Разговор этот происходил в кают-компании во время ужина. Офицеры, сидевшие за столом, угрюмо внимали словам Ла-Перуза и д'Эжура. Веселое, легкомысленное сердце толстяка Лессепса не могло перенести охватившей всех мрачности.

— Пока я с вами, — благодушно заявил он, — наши фрегаты в безопасности даже у мыса Горна. Я счастливчик — и в огне не горю и в воде не тону.

Раздался дружный хохот.

Ночью Лессепс понял, за что Огненная Земля получила свое название. На темном берегу то тут, то там вспыхивали бесчисленные огельки.

— Это дикари жгут костры, чтобы заманить нас к себе, — сказал Ла-Перуз.

— Давайте завтра утром пристанем к берегу, — предложил Лессепс.

Но Ла-Перуз покачал головой.

— Нужно спешить, пока стоит такая хорошая погода, — сказал он. — В этих местах каждую минуту может налететь шторм. А встречаться с дикарями Огненной Земли нет смысла. Они погубят нас своим обжорством.

— Разве они людоеды?

— Нет, но они съедят наши корабли, — улыбаясь, сказал капитан.

Лессепс выпучил глаза.

— Жители Огненной Земли самый дикий и самый нищий народ в мире, — продолжал Ла-Перуз. — Они вечно голодны и едят все, что угодно. Когда здесь останавливался капитан Бугенвилль, к нему на корабль взобралось человек десять дикарей. Бугенвилль угостил их кашей. В полчаса они уничтожили кашу, сваренную на обед всего экипажа, и стали искать, нет ли еще чего-нибудь съедобного. Им попался ящик свечей, и они мигом сожрали все свечи вместе с фитилями. Найдя старый матросский башмак, они разодрали его в клочья и принялись жевать кожу. Кончилось это пиршество очень трагично: дикарский мальчик лет тринадцати разбил рюмку и проглотил осколки. Из рта его хлынула кровь, он умер в страшных мучениях.

Хмурые горы загромаждают Огненную Землю. На их склонах растет угрюмый лес. В ущельях лежал еще снег, несмотря на то, что январь в Южном полушарии соответствует нашему июлю. Но тумана, о котором рассказывают все путешественники, побывавшие в этой далекой стране, Ла-Перуз и его спутники не видели. День шел за днем, а погода была попрежнему прекрасная.

Вот, наконец, и мыс Горн — черный, голый утес, изъеденный бурями. Моряки с трепетом оглядывали его зубчатую спину. Он казался чудовищем, подстерегающим добычу. Подойди к нему, и оно обрушит на тебя тысячи ураганов и вихрей.

Но к судам Ла-Перуза чудовище отнеслось до странности милосердно. 1-го февраля фрегаты спокойно прошли перед самым его носом, при тихой погоде, озаренные ярким солнечным светом. На юге показалось было облачко тумана, да быстро рассеялось.

— Ура! — закричали на „Компасе“. — Мы вышли в Тихий океан!

— Ура! — ответили с „Астролябии“.

— Вы спаслись благодаря мне, — говорил Бартоломей Лессепс, раздувая брюхо и улыбаясь во весь рот. — Корабль, на котором плыву я, потонуть не может.

ИСЧЕЗНУВШИЙ ГОРОД

„Компас“ и „Астролябия“ шли на север вдоль западного побережья американского материка. На лево простирался неведомый Тихий океан, направо

синели Анды — величественная горная цепь, которая тянется через всю Южную Америку.

Страна, расположенная между Тихим океаном и Андами, называется Чили. В те времена Чили была испанской колонией, уже хорошо знакомой мореплавателям. Ла Перуз решил зайти в южный чилийский порт Консепсион, чтобы отдохнуть и запастись припасами. Консепсион, как было известно Ла-Перузу, вполне европейский, благоустроенный город с каменными домами, с церквями, мощеными улицами. Еще в школе, рассматривая картинки в учебнике географии, Ла-Перуз находил, что Консепсион чрезвычайно похож на его родной городок Альби во Франции. Такая же каменная крепость с зубчатыми стенами, такие же колокольни, такие же тополя, такой же базар, куда крестьяне на маленьких осликах привозят молоко из деревни. Словом, самый обыкновенный городишко, ради которого не стоило ездить на край света. Бухта перед Консепсионом описана и измерена сотнями капитанов. Известно, где нужно обогнуть мыс, где находится подводная мель, где удобнее всего бросить якорь. И нет ничего удивительного в том, что Ла-Перуз совершенно спокойно, без всякого волнения вел свои корабли к такому простому и обыкновенному месту.

22-го февраля 1786 года оба корабля подошли к тому самому берегу, где на всех картах мира маленьким кружочком обозначен город Консепсион. Стояла чудесная погода — безветренная, ясная, не слишком жаркая. „Компас“ первый обогнул мыс и вошел в бухту. Капитан взял подзорную трубу и стал разглядывать приближающийся берег.

Он побледнел, отставил трубу, потом снова поглядел в нее, потом снова отставил и крикнул стоявшим рядом с ним офицером:

— Попросите ко мне господина Дажеле!

Дажеле был самый знаменитый французский астроном того времени. Он сопровождал экспедицию Ла-Перуза по поручению Академии наук.

— Господин Дажеле, — обратился к нему капитан, — вы уверены в том, что правильно вычислили ход наших кораблей?

— Уверен.

— Быть может, вы ошиблись? Быть может, мы находимся на несколько градусов южнее или севернее, чем вы предполагаете?

— Что вы! — обиделся ученый. — Все мои инструменты в полной исправности. Я сам по многу раз проверял каждую цифру. Я не мог ошибиться даже на четверть градуса.

— Где же мы, по-вашему, находимся? — нетерпеливо спросил капитан, с досадой кусая губы.

— В бухте города Консепциона.

— Консепциона? А где же ваш город Консепсион? — сказал Ла-Перуз, подставляя к глазам астронома подзорную трубу.

Дажеле глянул в круглое выпуклое стеклышко и чуть не выронил трубы из рук.

— Не понимаю... Я не мог ошибиться... Я все проверил... Не понимаю...

На берегу не было ни зубчатой крепости, ни каменных домов, ни колоколен. Отвесные голые скалы свергали на солнце черными спинами. Город Консепсион исчез бесследно.

На „Астролябии“ происходило то же, что и на „Компасе“. Капитан де-Лангль метался по па-

лубе с подозрительной трубой в руках, напрасно стараясь разыскать исчезнувший город.

Оба корабля в недоумении остановились посреди бухты.

— Посмотрите, капитан, — сказал Дажеле, передавая трубу Ла-Перузу. — Там, в долине, какая-то деревушка.

— Да, — сказал Ла-Перуз. — Несколько хаток. Две церкви на двух холмах...

— Две церкви на двух холмах! — вскричал Дажеле, вырывая из рук Ла-Перуза трубу. — Вы знаете, что это за деревушка?

— Нет, не знаю.

— Это Талкагуана.

— Какая Талкагуана?

— Деревня Талкагуана, расположенная возле Консепсиона. В испанских описаниях этого места говорится: „Возле Консепсиона лежит деревушка Талкагуана, замечательная двумя одинаковыми церквями, расположенными на двух одинаковых холмах“...

Но от этого открытия все стало еще непонятнее. Деревня возле города уцелела, а город исчез...

Дажеле заново определил долготу и широту и снова убедился, что все его вычисления были правильными.

До восьми часов вечера оба корабля лавировали в бухте. Только в сумерках сторожевой матрос увидел лодку, плывущую к „Компасу“.

Все выбежали на палубу. Моряки с нетерпением поджидали лодку. Всем хотелось поскорее узнать тайну пропавшего города.

В лодке за веслами сидело шестеро гребцов. На носу стояло два человека — один бородатый

Сторожевой матрос увидел лодку, плывущую к „Компасу“.

в простой матросской одежде, другой в малиновом плаще, расшитом серебром, в широкополой шляпе, украшенной огромными черными перьями. На боку у него висела длинная прямая шпага с золотым эфесом.

С корабля спустили трап, и оба новоприбывших взошли на палубу.

— Полковник дон Хуан-Мигуэль-Мария-Хосе Постиго, — представился Ла-Перузу расшитый серебром испанец, снимая шляпу и кланяясь в пояс. — А это лоцман, — прибавил он, указывая на прибывшего вместе с ним моряка, — который введет ваши корабли в порт города Конселсиона. Добро пожаловать в наш город. Король прислал из Мадрида повеление встретить вас, как испанцев.

— Дон Хуан-Мигуэль-Мария-Хосе Постиго, — смущенно сказал Ла-Перуз, еще раз с недоумением

оглядывая пустынные берега, — где же ваш город Консепсион? Я стою здесь целый день и не вижу никакого города.

— Не беспокойтесь, — ответил дон Постиго. — Город переехал на другое место.

И вот что узнал Ла-Перуз от испанца.

Несколько лет тому назад в Чили было землетрясение. Жители Консепсиона выбежали ночью из своих рушащихся домов и с ужасом заметили, что море медленно ползет на берег. Волны поглощали дом за домом, улицу за улицей, площадь за площадью. Перепуганные жители кинулись в горы. Утром, когда рассвело, они не нашли своего города. Он весь был проглочен морем. Уцелела только пригородная деревушка Талкагуана. На месте города образовался залив. В ясную погоду рыбаки видят в прозрачной воде этого залива дома, церкви и крепость.

— А что же стало с жителями города? — спросил Ла-Перуз.

— Они целый год жили лагерем на горах и оплакивали свое погибшее имущество. А потом решили выстроить новый город. Они выбрали место на берегу реки Биобио. Порт Консепсиона теперь находится в устье реки.

ЧИЛИЙСКИЕ ПРАВЫ

„Компас“ и „Астролябия“ вошли в порт поздно ночью. Утром к „Компасу“ на яхте подъехал комендант города дон Диего Квексада. Он привез с собой в дар Ла-Перузу сто бараньих туш, двести свиных окороков, груды бычьего мяса и

фруктов. Плащ его был расшит еще роскошнее, чем плащ дона Постиго, и кланялся он почти до самой земли.

— Наш губернатор, дон Гугиэнс, — сказал дон Квексада, — будет глубоко огорчен, узнав, что вы прибыли в его отсутствие. Он был бы счастлив приветствовать вас лично, но сейчас он занят войной с восставшими индейцами.

Ла-Перуз был чрезвычайно доволен подарками дона Квексады. Припасы, взятые в Бразилии, были уже почти съедены. Щедрое подарки испанца обеспечивали всю команду мясом на несколько месяцев. Ла-Перузу оставалось купить только муки.

Осмотрев корабль, дон Квексада очень удивился, что все снасти целы, что в корпусе корабля нет ни одной трещины, ни одной пробоины.

— Наши корабли, обойдя мыс Горн, — сказал он, — приходят истрепанные, измятые и немедленно отправляются в ремонт.

Услышав, что Ла-Перуз встретил у мыса Горна спокойное море, он заявил, что это небывалый случай.

Еще больше удивил испанца здоровый вид команды.

— Неужели у вас на кораблях нет ни одного больного матроса? Неужели вас не тронула ни цынга, ни лихорадка?

— Ни одного, — гордо ответил Ла-Перуз.

— Вам везет, — сказал дон Квексада. — Обогнуть американский материк и не заплатить за это ни одной поломанной мачтой и ни одним больным матросом — какая необыкновенная удача!

Ла-Перуз, де-Лангль и Дажеле, в сопровождении нескольких офицеров, съехали на берег. Захватили с собой и географа Бернизэ, чтобы он занес новый город на карту. Навстречу им из города вышел весь гарнизон. Консепсион встретил Ла-Перуза, как вельможу. Комендант дон Квексада отвел ему половину своего дворца, упрасывая поселиться у него на все время, пока корабли будут стоять в Консепсионском порту. Ла-Перуз охотно согласился.

Гостеприимство и щедрость дона Квексады были сначала ему непонятны. Но потом он догадался, в чем дело.

Когда во Франции начали подготавливать экспедицию Ла-Перуза, французский посол при испанском дворе попросил испанское правительство оказать содействие предполагавшейся экспедиции. Испанское правительство боялось могущественной Франции и охотно согласилось. Во все испанские порты, расположенные во всех частях света, были разсланы приказы за подписью короля, в которых предписывалось оказать Ла-Перузу самый лучший прием. Один такой приказ получил и дон Квексада. Дон Квексада за всю свою жизнь никогда еще не получал приказов, подписанных королем. Никогда еще в захолустный городишко Консепсион не приходила такая важная бумага. Дон Квексада не знал, кто этот французский мореход. Он, должно быть, очень могущественный и важный человек, раз о нем пишет сам король. Если дон Квексада не угодит ему, от дона Квексады останется, чего доброго, только мокрое место. И хитрый, трусливый чиновник из всех сил старался угодить своему гостю.

Впрочем, французы скоро поняли, что дон Квексада вовсе не так щедр, как показался им вначале. Покупая зерно для кораблей, Ла-Перуз был поражен чилийской дешевизной. За несколько медных монеток давали огромного быка. Баранов продавали только дюжинами — один баран был так дешев, что в отдельности его не стоило продавать. Пшеничное зерно на концепсионском базаре стоило в восемь раз дешевле, чем во Франции. При таких ценах немудрено быть щедрым.

Богатство этой страны поразило Ла-Перуза. Лошади, коровы и овцы, привезенные сюда из Европы, необыкновенно здесь расплодились. Чилийские горные пастбища были покрыты дикими и полудикими стадами. Засух в Чили не бывает — каждый год урожай обеспечен. У чилийских берегов во множестве водились киты. Они бесстрашно входили в гавань Концепсиона и обливали своими фонтанами корабли.

Но, несмотря на такие природные богатства, жители в Чили были очень бедны. Шерстью своих овец они могли бы снабдить половину суконных фабрик в Англии, мясом своих быков — прокормить половину Европы. Но жадность испанского короля разоряла их. На всякий товар, ввозимый или вывозимый из Чили, король накладывал такие пошлины, что торговля была невозможна. В Англии фабрики стояли, потому что нехватало шерсти. А в Чили овец перестали стричь, потому что с шерстью нечего было делать. И клочок материи в Чили стоил несколько десятков сыков. Платья сохранялись как величайшая драгоценность и переходили по наследству от бабушек к внукам. Чилийское простонародье не ну-

ждалось в пище, но зато не имело во что одеться.

— Ваше правительство очень нерасчетливо, — сказал Ла-Перуз дону Квексаде. — Гораздо выгоднее наложить на товары маленькую пошлину. Тогда торговля разовьется, и маленькая пошлина будет приносить большие доходы.

Бедный дон Квексада потерял голову от страха, услышав такое святотатство. Он открыл дверь и посмотрел, не подслушивает ли кто-нибудь, что гость дона Квексады осмеливается критиковать правительство. Да, этот капитан, верно, очень могущественный человек, если он может позволить себе такие дерзкие разговоры. Дон Квексада бледнел, краснел, кланялся и лепетал что-то бессвязное.

Но не одни только пошлины разоряли эту плодородную страну. Грабить чилийский народ королю помогали монахи. Монахов в Чили было огромное множество. Монастыри стояли в Чили на каждой горке. Все деревни, расположенные вокруг какого-нибудь монастыря, отдавали монахам десятую часть своих доходов.

Бартоломей Лессепс, человек жизнерадостный и беспечный, соскучился на корабле за семимесячное плавание. Он не прочь был повеселиться и выпить в подходящей компании, но жители тихого провинциального городка веселились очень мало, и Лессепс, привыкший к шумным развлечениям парижской и петербургской аристократии, скучал до тех пор, пока не сошелся с монахами. Тогда он исчез, и Ла-Перуз о нем два дня ничего не слышал. Наконец, матросы с „Компаса“ разыскали его в каком-то кабаке и под руки привели к капитану.

— Да, — бормотал Лессепс, покачиваясь и придерживаясь за стену, чтобы не упасть, — здешние святые отцы умеют в-в-выпить... Я н-н-не в-в-виноват, капитан, меня напоили м-м-монахи...

Чилийцы произошли от смешения испанцев с индейцами — чистокровные испанцы встречались только среди солдат да чиновников. Все чилийцы страшные франты, безумно любят наряжаться. Необыкновенная дороговизна одежды заставляла их хранить каждую тряпку по многу лет. Они сшивали вместе пестрые лоскутки и ходили по улицам гордые, как павлины. Все они безукоризненно вежливы. Здраваясь и прощаясь, они кланялись в пояс, отставляя правую ногу и прижимая руку к сердцу. Ла-Перуз пытался подражать их поклону, но всякий раз терял равновесие и чуть не падал. Ноги не слушались его, и изысканный реверанс ему не удавался.

Чилийцы потрясли французов количеством своих имен. Редко кто имел три-четыре имени, у большинства было их около двенадцати—пятнадцати. Полковник дон Хуан-Мигуэль-Мария-Хосе Постиго стыдился своего короткого прозвания. Его родители свободно могли бы прибавить ему еще десяток имен. Подпись чилийца занимает несколько строк. Чилиец обвешан именами, как виноградная гроздь ягодами.

Через две недели после приезда Ла-Перуза в Консепсион губернатор дон Гугиэнс вернулся с поля битвы. Дон Гугиэнс был ирландец, за какие-то темные дела выгнанный из родной страны и поступивший на испанскую службу. Он уехал в Чили и скоро стал там губернатором. Почти все свое время он проводил в войне с индейцами.

Чилийские индейцы не были уже теми мирными, незащитными дикарями, о которых рассказывали первые испанские мореплаватели. Они научились от белых скакать на лошадях и стрелять из ружей. Из них вышли прекрасные наездники, отличные стрелки. Отступив от моря в горы и степи, они там укрепились и почти двести лет вели непрерывную войну с чужеземцами. Белые ловили индейцев, заковывали их в кандалы и отправляли работать на серебряные рудники, где они, не выдержав непосильного труда, умирали через два-три года.

ПРАЗДНИК

Был уже март месяц, в Южном полушарии приближалась зима. Нужно было собираться в путь, чтобы поспеть в Северную Америку не позже июня и приступить к поискам пролива, соединяющего Тихий океан с Атлантическим как раз тогда, когда там стоит теплая летняя погода. У Ла-Перуза был план каждые полгода переезжать из одного полушария в другое. Это давало ему возможность избежать зимних бурь во время всего путешествия. Когда зима в Южном полушарии, он будет находиться в Северном, когда зима в Северном, он будет находиться в Южном. Вечное лето будет сопровождать его корабли.

Отбытие из Консепсиона он назначил на 15-е марта. Чтобы отблагодарить гостеприимных чилийцев, решено было за день до отплытия устроить праздник. На берегу разбили палатки, расставили столы. Пригласили триста человек гостей. Тут

были и губернатор со своей свитой, и дон Квексада, и дон Постиго, и монахи, с которыми кутил Лессепс. В празднике приняла участие почти вся команда корабля — только человек сорок было оставлено Ла-Перузом на судах, чтобы сторожить их и следить за порядком. Гости съели несколько быков и выпили много бочек вина. Концепсионские дамы явились в роскошных мантильях, привезенных их прабабушками из Испании. Один ученый монах прочитал по-латыни свое стихотворение, посвященное дружбе французов и испанцев. Праздник удался на славу. Когда столы опустели, все вышли на лужайку танцовать.

— Подождите, я их сейчас удивлю, — шепнул Ла-Перузу Дажеле, лукаво подмигнул и скрылся.

Через минуту он вернулся, держа в руках небольшой бумажный шар.

— Сеньоры! — закричал он.

Все смолкли.

— Сеньоры! Я сейчас покажу вам последнее чудо науки. Вот этот шар, недавно изобретенный братьями Монгольфьерами, сейчас сам, без всякой посторонней помощи, полетит по воздуху.

Толпа затаила дыхание.

— Шар этот очень просто устроен, — продолжал Дажеле. — Видите, к нему привязана горелка. Вот я зажигаю ее. Воздух внутри шара нагревается. Теплый воздух легче холодного. Он стремится вверх и тащит за собою шар.

С этими словами Дажеле выпустил шар из рук. Чудо науки, нерешительно покачавшись, стало медленно подниматься.

Чилийцы и матросы разинули рты. Никто из них еще не видел воздушного шара.

Шар Монгольфье — первая победа человечества над воздухом.

Шар облетел весь город и застрял на колокольне конспиронского собора.

На другой день „Компас“ и „Астролябия“ снялись с якорей. Отдохнувшие, поздоровевшие моряки весело принялись за работу. На берегу дон Гугиэнс, дон Квексада и дон Хуан-Мигуэль-Мария-Хосе Постиго долго махали шляпами уходящим судам.

ПРИБЫТИЕ НА ОСТРОВ ПАСХИ

Тихий океан весь усеян островами. Пересеките это грандиозное водное пространство в любом направлении, и вы непременно наткнетесь на несколько островов. Каждый остров Тихого океана — особый, замкнутый мир, где свои народы, свои животные, свои растения, свой климат. Путешественник, странствующий от острова к острову, попадает из одной вселенной в другую, из другой в третью.

Фрегаты при попутном ветре шли на северо-запад. После трехнедельного плаванья, 8-го апреля, мореплаватели заметили холмистый безлесный остров. Это был остров Пасхи, на котором за несколько лет перед тем побывал капитан Кук.

Ла-Перуз тоже хотел посетить этот почти неизвестный европейцам остров. Он спешил в Северную Америку, но считал, что ради острова Пасхи можно пожертвовать одним днем. Решено было остановиться в том самом заливе, где останавливался капитан Кук.

Залив Кука нашли без труда. Он глубоко врежется в берег и защищен от всех ветров. Фрегаты вошли в него — сначала „Астролябия“, затем „Компас“ — и остановились в версте от берега.

На берегу стояло шестеро мужчин. Они прыгнули в воду и поплыли к „Компасу“. В воде они чувствовали себя так же удобно, как на суше. Им кинули канат. Они влезли по канату на палубу и отряхнулись, словно собаки.

Эти люди не слишком обременяли себя одеждой — каждый носил веревочный пояс, к которому сзади и спереди были привязаны пучки травы, и больше ничего.

Все население корабля высыпало на палубу. Всем хотелось повидать диковинных гостей. Дикари мигом были окружены целой толпой. Но это нисколько не смутило и не испугало их. Они, безоружные, одиноко стояли среди множества чужеземцев и приветливо улыбались.

„Вот лучший пример того, — подумал Ла-Перуз, — что с дикарями нужно обращаться ласково. Кук здесь никого не убил, никого не ограбил, и жители острова Пасхи приветливо, без всякой тревоги встречают европейцев. Если бы все путешественники были так миролюбивы, им не пришлось бы выдерживать столько кровопролитных битв с дикарями“.

Он решил продолжать политику капитана Кука и надавал гостям целый ворох подарков — стеклянных бус, оловянных ложек, гребешков, красных тряпочек. Дикари сразу нацепили все это на себя — бусы на шею, ложки и гребешки в волосы, тряпочки за пояс. Они очень обрадовались таким украшениям и с восторгом разглядывали друг

друга. Чванно и гордо расхаживали они по палубе. Но прошло минут десять, и полученные безделушки надоели им. Они стали знаками упрямить белых подарить им еще что-нибудь.

Тогда Ла-Перуз надел на голову самому старшему из дикарей широкополую матросскую шляпу. Старик запрыгал от радости. Впрочем, он не успел в ней покрасоваться. К нему подскочил другой дикарь, сорвал с его головы драгоценную шляпу и напялил ее на себя. Но и ему не удалось надолго удержать добычу. Каждому хотелось завладеть шляпой. Каждый тянул шляпу к себе. Завязалась потасовка. Дикари, такие дружные минуту назад, теперь без всякой жалости дубасили друг друга кулаками, скаля белые зубы.

— Так его! Так его! — с хохотом подзадоривали их матросы.

Наконец, шляпа утвердилась на голове самого сильного и молодого. Он стоял, сжав кулаки, готовый искалечить всякого, кто попытается отнять его сокровище. И остальные пятеро не решались к нему приблизиться. Они так завистливо и печально глядели на счастливец, что Ла-Перуз пожалелся и дал каждому по такой же самой шляпе.

Корабль поразил дикарей своей величиной. Они со сосредоточенным видом ходили от кормы к носу, от носа к корме, считали шаги, потом громко спорили и снова считали. Считать они, очевидно, умели не слишком хорошо, потому что, сколько они ни шагали, у каждого всякий раз получалось другое число.

Близился вечер. Ла-Перуз решил ехать на берег только завтра. Но лейтенант д'Эжюр, которому надоело сидеть на корабле, предложил подвезти

гостей к острову на шлюпке. Ла-Перуз дал свое согласие, но потребовал, чтобы д'Экюр не высаживался на берег, а, остановившись от берега в нескольких шагах, выпроводил пассажиров прямо в воду.

Шлюпку спустили, д'Экюр усадил в нее дикарей, и гребцы взялись за весла. Дикари чинно уселись на скамейку, но, когда шлюпка отчалила, им надоело сидеть в тесноте. Они стали возиться, толкаться, раскачивать шлюпку. Д'Экюр прикрикнул на них. Тогда они сняли шляпы, уложили в них, как в корзинки, все свои бусы и тряпочки и один за другим попрыгали в воду.

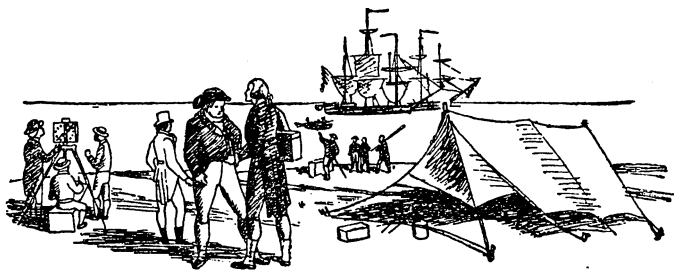
— Стойте! Куда вы? Я вас доведу! — крикнул им вслед д'Экюр.

Но они быстро поплыли к берегу, держа свои шляпы высоко над головой, чтобы не замочить их.

Д'Экюру пришлось вернуться на фрегат.

ПОХИТИТЕЛИ ШЛЯП

Следующим утром Ла-Перуз и де-Лангль отправились на берег в сопровождении астронома Дажеле, физика Ламанона, ботаника дю-Фрэна и всех офицеров, кроме вахтенных. На всякий случай, для защиты отряда от вероломного нападения дикарей, Ла-Перуз захватил с собою восемнадцать солдат морской пехоты под начальством поручика де-Вожуа. Ботаник дю-Фрэн вез несколько мешков семян разных европейских огородных растений — капусты, моркови, свеклы и тыквы. В шлюпке де-Лангля лежали связанные овцы, козы и свиньи.

Выйдя из шлюпок, моряки прежде всего разбили на берегу палатку.

— Если эти животные расплодятся на острове, — говорил де-Лангль, — жизнь дикарей совершенно изменится. Они станут хозяйственнее, богаче и культурнее.

Островитяне встретили белых громкими криками. Их собралось на берегу человек шестьсот. Ла-Перуз с удовольствием заметил, что все они безоружны, кроме двоих-троих, которые держали в руках узловатые дубинки. Он стал искать в толпе своих вчерашних гостей и сразу узнал их по шляпам и бусам. Обладатели шляп гордо ходили среди своих соплеменников, наслаждаясь всеобщей завистью.

Выйдя из шлюпок, моряки прежде всего разбили на берегу палатку, где расположился со своими инструментами астроном Дажеле, который должен был определить по солнцу долготу острова Пасхи и проверить вычисления Кука. Дикари, сгоравшие от любопытства, путались под ногами, всюду совали свой нос и мешали работать. Ла-Перуз умолял их отойти от палатки, хотя бы на три шага, но они не обратили на его слова ни

малейшего внимания и попрежнему, выпучив глаза, напирали на белых со всех сторон.

Любопытство их было не совсем бескорыстно. Они с завистью поглядывали на чудесные шляпы, украшавшие головы матросов. И когда один матрос зазевался, шляпа его оказалась в руке пронырливого островитянина. Матрос пустился в погоню, но вор бесследно исчез. Через минуту шляпы были украдены еще у двух матросов. Ограбленные, не зная, что делать, испуганно смотрели на свое начальство. Если они станут драться с ворами — за воров вступятся все дикари, придется стрелять, и начнется побоище. А если они не вернут своих шляп — им влетит за потерю казенного имущества. Но Ла-Перуз разрешил их сомнения.

— Все, у кого будут украдены шляпы, — сказал он, — получают новые на корабле. Только, пожалуйста, не ссорьтесь с островитянами. Мы завтра отсюда уезжаем, и у нас нет времени учить их, что красть нехорошо.

Когда палатка была готова, решили начать исследование острова. Палатку, шлюпки и астронома Дажеле оставили под охраной солдат. Остальные разбились на два отряда. Один отряд состоял из Ла-Перуза и офицеров „Компаса“, другой из де-Лангля, офицеров „Астролябии“, ботаника дю-Фрэна и физика Ламанона. Ла-Перуз повел свой отряд вдоль берега, а де-Лангль в глубь острова. Дикари тоже разделились — одни остались у палатки, другие побрели за де-Ланглем, а несколько человек пошло с Ла-Перузом.

За поворотом берега Ла-Перуз увидел длинный, чрезвычайно узкий и низкий сарай.

— Дом! — закричал он.

Но это был не дом, а целая деревня. Заглянув в дверь сарая, через которую пролезть можно было только на четвереньках, Ла-Перуз увидел по крайней мере двести соломенных лежанок. Этот сарай — общий дом не отдельной семьи, а целого племени. Построен он был из тростника — леса на острове Пасхи нет, и островитяне принуждены обходиться без дерева.

Возле дома путешественники встретили двух старых островитянок, которых окружало несколько десятков маленьких ребят.

— Неужели у этих двух старух столько детей? — спросил Ла-Перуз и рассмеялся своему нелепому вопросу.

Эти старухи были не матери, а няньки. Они няньчили детей всего племени.

Вблизи жилья Ла-Перуз не нашел ни ручья, ни колодца. Кук в своем дневнике, хорошо известном Ла-Перузу, уверял, что на острове Пасхи нет никаких ручьев и островитяне пьют воду из болотистых луж, кой-где сохранившихся на дне оврагов. Из-за безводья остров Пасхи очень неудобная стоянка для кораблей — здесь нельзя запастись пресной водой.

Еще час трудной прогулки по прибрежным камням — и Ла-Перуз наткнулся на новую находку. Он увидел огромные каменные статуи, описанные Куком. Статуи эти, вышиной в трехэтажное здание, стояли на пьедесталах, сложенных из гладких, обтесанных камней. Каменные великаны бесстрастно глядели в морскую даль.

Ла-Перуз согласился с Куком, что жалкие дикари, населяющие теперь остров Пасхи, не в состоянии сделать таких статуй. У них, незнакомых

Каменные великаны бесстрастно глядели в морскую даль.

с железом, нет инструментов для обтесывания камней. Да и для того, чтобы поднять и поставить такую каменную глыбу, нужна целая система рычагов и блоков. Может ли создать ее народ, не знающий, что такое глиняный горшок, и принужденный поэтому коптить, а не варить свою пищу? Нет, статуи острова Пасхи созданы каким-то другим народом, погибшим в незапамятные времена.

Рядом со статуями находилось кладбище современных островитян. На каждой могиле лежала груда булыжников, самый верхний из которых был выбелен известью. Вот памятник, на создание которого способен теперешний житель острова Пасхи.

Осматривая одну из статуй, Ла-Перуз взобрался на пьедестал. Островитянин, всюду ходивший за ним по пятам, полез туда же. Когда Ла-Перуз, оглядывая туловище статуи, поднял голову, дикарь содрал с него форменную капитанскую шляпу, спрыгнул с пьедестала и пустился бежать.

— Держи! Держи! — закричали стоявшие внизу офицеры и бросились вдогонку за вором.

Капитанская шляпа стоила не дешево, и второй такой у Ла-Перуза не было. Но Ла-Перуз решил, что раз простым матросам приходится весь день жариться на солнце без шляп, почему же он должен ходить в шляпе. И, повинувшись приказанию капитана, офицеры вернулись к статуе, оставив дерзкому вору его драгоценную добычу.

Осмотрев статуи, Ла-Перуз пошел назад к палатке. Дажеде, поручик де-Вожуа и все восемнадцать солдат встретили его без шляп. Зато островитяне, толпившиеся вокруг палаток, шеголяли в шляпах, франтовато сдвинутых набекрень.

Ла-Перуз, не дожидаясь возвращения де-Лангля, отправился на корабль. Он хотел сменить лейтенанта д'Экюра, который командовал „Компасом“ во время его отсутствия. Д'Экюр, передав „Компас“ капитану, поехал на берег.

— Оберните голову какой-нибудь тряпкой, а шляпу оставьте в каюте, — посоветовал ему Ла-Перуз. — А не то вернетесь без шляпы.

Приехав на берег в великолепном тюрбане из старых тряпок, лейтенант д'Экюр принялся расспрашивать Дажеле обо всем, что случилось на острове с самого утра. Солдаты, прислушиваясь к разговору ученого и офицера, совсем забыли о шляпках. Островитяне мигом этим воспользовались. Один из них забрался в шляпку, выкрал оттуда большое ведро и помчался с ним в глубь острова. Ведро, ярко сверкавшее на солнце, казалось дикарю необыкновенной драгоценностью.

Солдаты, увидя бегущего вора, подняли крик. Ведер на фрегате и без того нехватало. Нужно непременно изловить наглого грабителя и отнять у него ведро.

Услышав громкие крики солдат, островитяне, стоявшие возле палатки, кинулись наутек вместе с вором. Д'Экюр, поручик де-Вожуа и два солдата пустились вдогонку за дикарями. Долго бежали они по каменистой тропинке и уже отчаялись догнать быстроногих островитян, как вдруг те остановились.

— Отдайте наше ведро! — сердито закричал д'Экюр.

Но островитяне, вместо ответа, стали швырять в белых камнями. На лбу у одного солдата вскочила шишка.

— Залп в воздух! — приказал солдатам д'Экюр. Оба солдата выстрелили в воздух. Но дикари, не знавшие, что ружьями можно ранить и убивать людей, нисколько не испугались. Они стали прилежно собирать на тропинке камни и затем двинулись лавиной навстречу белым, колотя палкой в краденое ведро, как в барабан.

Ружья д'Экюра и де-Вожуа были заряжены дробью. Прицелившись, они выстрелили в самую гущу толпы. Дробинки разлетелись во все стороны, и раненых оказалось человек пятнадцать. Правда, раны были совсем пустячные, царапинки, а не раны, но вся толпа в диком ужасе пустилась бежать, оставив на поле битвы злополучное ведро.

ВОРОВАТЫЙ КОРОЛЬ

А тем временем отряд де-Лангля забирался все дальше и дальше в глубь острова. Итти было трудно, потому что весь остров Пасхи усыпан камнями, о которые постоянно спотыкаешься. Путники на веревках тянули за собой коз, овец и свиней, а на спинах тащили мешки с семенами. Прошло не меньше двух часов, когда они, наконец, к величайшему своему облегчению, добрались до обработанных полей. Поля были очищены от камней. Камни грудями лежали в канавах и оврагах. Де-Лангль подивился терпению островитян — ведь им приходится перетаскивать огромные камни на собственных плечах, потому что у них нет никаких домашних животных.

На полях росла картошка. В защищенных от ветра долинах островитяне сажали бананы. Но

банановые деревья были у них хилые и давали плохой урожай. Островитяне питались почти одной только картошкой. Никаких земледельческих орудий у них не было. Они не знали даже деревянной лопаты. Де-Лангль встретил женщину, занятую обработкой поля. Она копала палкой ямки в земле и в каждую ямку клала по картофелине.

— Вот отличное место для посева! — воскликнул дю-Фрэн, увидев полянку, очищенную от камней, но не занятую картошкой.

Развязали мешки, и дю-Фрэн принялся сеять морковь, репу и тыкву.

— Из этих семян выйдут растения, которые можно будет есть, — старался он объяснить островитянам, засовывая кулак в рот и двигая челюстями.

Островитяне, следовавшие за отрядом с самого берега, казалось, отлично поняли его. Они потащили его к другой полянке, удобной для посева, и попросили сеять и там. Дю-Фрэн охотно исполнил их просьбу.

Вскоре они подошли к дому-деревне, такому же самому, как тот, который попался на берегу Ла-Перузу. Из дома вылезла целая армия голых коричневых ребятишек. За ними присматривала хромая старуха. Возле дверей де-Лангль заметил несколько кур. Курица — единственная домашняя птица на острове Пасхи. Домашних животных у островитян не было совсем. Даже собак они никогда не видали.

Навстречу де-Ланглю вылез седой сгорбленный старик с палкой в руке. Увидев его, островитяне притихли. Проталкиваясь через толпу, старик ко-

лотил их своей палкой по головам. Получившие удары и не думали возражать — они боялись этого старика. И де-Лангль решил, что перед ним островитянский король.

Низко поклонившись, он преподнес королю в подарок козла, козу, барана, овцу и двух свиней. Вежливо, словами и знаками, разъяснил он его величеству, какую пользу могут принести эти животные острову Пасхи. Его величество слушал, любезно улыбаясь беззубым ртом. Подаренных животных матросы привязали к тяжелому камню возле дома. Но тут взор короля упал на кончик носового платка, торчавший у де-Лангля из кармана. Король запустил к нему в карман руку, крепко сжал в кулаке платок и во всю прыть помчался в горы.

Де-Лангль от удивления не мог вымолвить ни слова. Человек, которому он только что сделал такой дорогой подарок, человек, с которым он обошелся так ласково, человек, богатый и могущественный, король — и вдруг украл у него носовой платок! Этого де-Лангль никак не мог понять.

Оставив подаренных сбежавшему королю животных, он повел свой отряд обратно к морю. Начало уже смеркаться, когда моряки, усталые, голодные и, конечно, без шляп, подошли к палатке Дажеле.

— В шляпки! — скомандовал де-Лангль. — Надо спешить на фрегат. Завтра, чуть свет, мы уходим отсюда.

И действительно, на следующее утро Ла-Перуз приказал подымать якоря. Сыйдя на палубу, он заметил в воде возле „Компаса“ тех самых ше-

стерых дикарей, которые посетили его третьего дня. Он разрешил им подняться наверх. С удивлением моряки увидели, что дикари притащили с собой длинную веревку, сплетенную из водорослей. Не обращая ни на кого внимания, они протянули свою веревку через всю палубу от носа до кормы. Веревка была немного длиннее корабля, но они оторвали от нее лишний кусок и бросили его в море.

— Понял! — вскричал Ла-Перуз. — Они решили точно измерить длину нашего фрегата.

Дикари деловито свернули свою веревку и прыгнули в воду. Ветер вздул паруса. Остров Пасхи медленно растаял вдали.

ГАВАЙСКИЙ АРХИПЕЛАГ

С острова Пасхи Ла-Перуз направился прямо на север. До прибытия в Северную Америку ему предстояла еще одна остановка — на открытых Куком Гавайских островах.

„Всюду до меня побывал великий Кук, — с горечью думал Ла-Перуз. — Когда же и я открою, наконец, какую-нибудь землю, не известную ни одному мореплавателю?“

Но та часть Тихого океана, которая лежит между островом Пасхи и Гавайями, была еще совсем неведома европейцам. Корабли Кука подошли к Гавайям совсем с другой стороны. И Ла-Перуз надеялся, что ему удастся открыть в этом незнакомом море новые острова.

К верхушке мачты привесили корзину. В этой корзине каждый день с утра до вечера сидел

матрос с подзорной трубой. Волны то подымали, то опускали фрегат, корзина раскачивалась, как люлька, но матрос, висевший на страшной вышине, не отрывал глаз от горизонта. Когда от качки ему становилось дурно, его стаскивали вниз и в корзину сажали другого. Матросы охотно соглашались на это мучительное дело, потому что тому, кто первый заметит берег, Ла-Перуз обещал большую награду.

За фрегатом днем и ночью следовали рыбы стаи. Серебряные спины сверкали на солнце. При виде этих рыб моряки облизывались. Давно уже им не приходилось есть свежей пищи — все солонина да солонина. Матросы сделали удочки и в свободные часы принялись удить прямо с борта корабля. Но рыба на крючки не попадалась. Тогда придумали другой способ. Из проволоки устроили маленькие остроги и стали запустать их в рыб. Рыба шла так густо, что острога почти всегда попадала в цель. За веревку острогу вместе с большой бьющейся рыбой втаскивали на палубу.

Иногда рыба была так велика, что веревка не выдерживала и лопалась. Рыба уплывала, унося острогу. Но случалось, что через несколько дней эта самая рыба попадалась вторично, и моряки вытаскивали свою старую острогу из ее спины. Это очень их удивляло.

— Одни и те же рыбы плывут за нами вот уже вторую тысячу миль! — говорили они.

5-го мая перешли экватор и вступили в Северное полушарие. Опять в полдень солнце стояло прямо над грот-мачтой, опять по ночам вместо Южного Креста на небе сияла Большая Медве-

дица. 22-го увидели горы Гавайского архипелага. Неведомое море между островом Пасхи и Гавайями было пройдено. Ла-Перуз приказал снять корзину с мачты. Ему не повезло. Среди этого огромного водного пространства, куда никогда не заглядывали мореплаватели, он не нашел ни одного острова.

Гавайские острова, как большие зеленые клумбы, возвышались над синей гладью океана. Нежные очертания кудрявых гор дрожали в прозрачном воздухе. Фрегаты вошли в пролив между двумя островами. Справа был остров, который Кук посетил четыре раза, на котором он был злодейски убит дикарями, слева — остров, который Кук видел только издали. Ла-Перуз повернул налево.

Когда фрегаты подошли ближе к берегу, моряки затаили дыхание от восхищения. Остров этот был цветущим садом. Даже гул прибоя не мог заглушить пронзительного щебета птиц. Высокие пальмы кивали кораблям кудрявыми головами. С гор текли ручьи и, пробежав сквозь многолюдные деревни, впадали в море. Вокруг деревень росли бананы, посаженные прямыми рядами. Ветер доносил с берега сладкий запах цветов.

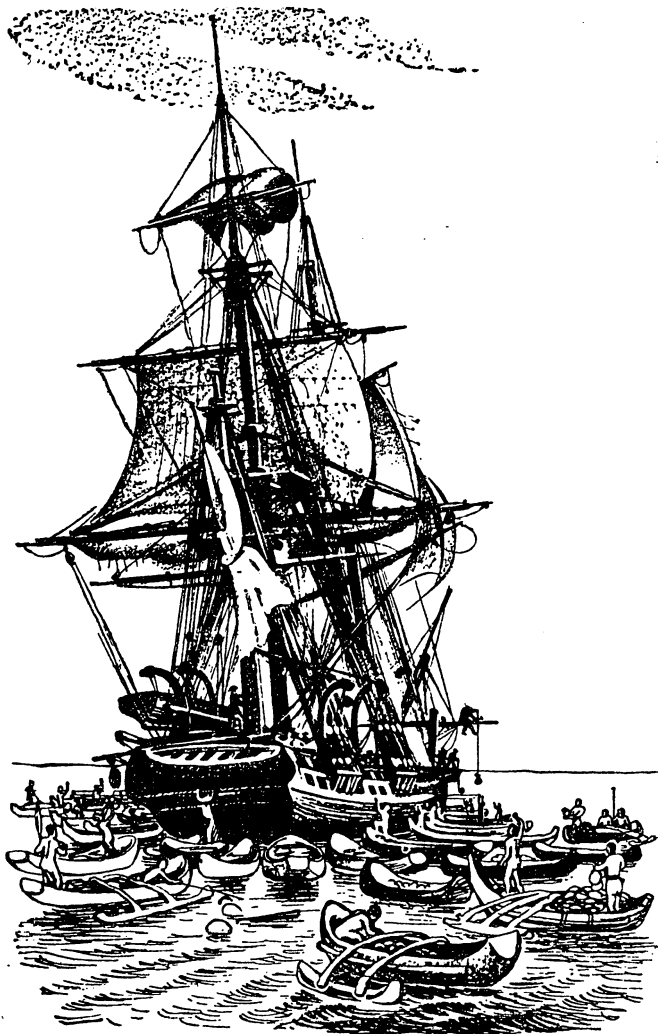
Но подойти к этому острову оказалось нелегким делом. Ла-Перуз нигде не мог найти подходящей бухты. А остановиться прямо посреди пролива между двумя островами было слишком опасно — порывистый сквозной ветер сорвал бы фрегаты с якорей. Даже в шлюпках нельзя было высадиться на этот берег, потому что у берега бушевал прибой, с которым не справилась бы ни одна шлюпка. Команда сжимала кулаки от досады.

Особенно ручьи соблазняли моряков. Вода, взятая в Конс псионе, начала портиться, и пить ее было неприятно.

Ла-Перуз повел фрегат вокруг острова. Он надеялся найти бухту с другой стороны. А между тем с берега сорвалась целая флотилия быстрых лодок, нагруженных всякой всячиной: живыми свиньями, рыбой, бананами, кокосами и какими-то красными тканями. Лодки пытались пристать к кораблям. Но едва они подходили к „Компасу“ или „Астролябии“, как волны, поднятые огромным океанским кораблем, переворачивали их кверху днищем. Но гавайцы плавают не хуже жителей острова Пасхи. Они мигом снова переворачивали свои лодки, спасали тонущих свиней, вылавливали кокосы и опять неслись вдогонку за фрегатами.

Не найдя бухты на этом берегу, фрегаты обогнули остров. Едва они обошли мыс, как вид острова совершенно изменился. Тут не было ни лесов, ни ручьев. Куда ни кинешь взор, всюду одни голые бурые камни. Только у редких крохотных деревушек торчали тощие стволы пальм да зеленела хилая травка. По какой-то неполярной причине на этом острове все потоки текли с гор в одну сторону, оставляя другую безводной. За какой-нибудь час наши путешественники из пышного, благоухающего, напоенного жизнью сада попали в иссушенную солнцем пустыню.

Но зато здесь Ла-Перузу без труда удалось найти удобную гавань. Уже стемнело, когда „Компас“ и „Астролябия“, войдя в нее, бросили якоря. Тотчас же фрегаты были окружены лодками. Особенно много собралось их возле „Компаса“. Дика-

Тотчас же фрегаты были окружены лодками.

ри без всякого стеснения целыми толпами лезли на палубу, таща с собой свои товары. Ла-Перузу не хотелось пускать на корабль кровожадных гавайцев, убивших капитана Кука. Наступала ночь. Уследить за ними в темноте будет очень трудно. Торговлю можно начать и завтра. До утра он не пропадет без их свиней и кокосов.

Выйдя на палубу, Ла-Перуз оглушительно закричал в рупор.

— Табу! Табу!

Это слово Ла-Перуз прочитал в дневнике капитана Кука. Кук говорит, что суеверные гавайцы боятся слова „табу“ больше всего на свете. Все страшное и священное, все, к чему нельзя прикасаться, они называют табу.

— Табу! Табу! — кричал Ла-Перуз.

И гавайцы попрыгали с палубы в свои лодки. Через десять минут в бухте наступила полная тишина.

Наутро они явились снова. Лодки едва держались на воде — столько в них было товаров. Разговаривать на фрегатах стало невозможно — визг свиней заглушал все слова. Лодок собралось такое множество, что в бухте не было видно воды. Они прибывали с самых отдаленных частей острова и даже, быть может, с других островов. Ла-Перуз попрежнему не пустил гавайцев на палубу. Они сидели в лодках и, как на базаре, громко выкрикивали свои товары. Французы, конечно, не упустили такого удобного случая застаться свежими съестными припасами.

Гавайцы внешне очень похожи на жителей острова Пасхи. Только у некоторых — очевидно, вождей или жрецов — на плечах были плащи из

красной ткани, а на головах деревянные шлемы, увитые лентами. Но, покупая свиней и фрукты, Ла-Перуз сразу увидел, что гавайцы несравненно культурнее, чем нищие обитатели острова Пасхи. Им не всучишь стеклянных бус и пестрых тряпочек. Такой хлам они соглашались брать только в подарок, но не в уплату за товар. Им подавай железо — ножи, топоры, обручи от бочек. За железо они согласны были отдать все, что угодно. Очень ценили они маленькие зеркальца. Этих зеркалец — величиной чуть побольше пятка — Ла-Перуз за два часа продал несколько тысяч.

Вертясь все утро вокруг кораблей, гавайцы не сделали ни одной попытки украсть что-нибудь. Ла-Перузу после острова Пасхи такая честность показалась удивительной. Но зато торговались они не хуже европейских лавочников. Прежде чем купить у гавайца свинью, нужно было минут двадцать спорить с ним о цене. Он кричал, размахивал руками, хлопал визжащую свинью по бокам, чтобы показать, какая она жирная и откормленная.

В полдень Ла-Перуз приказал прекратить торговлю. Было закуплено уже более трехсот живых свиней, для которых пришлось устраивать на кораблях особые свинарни. Кладовые ломились от кокосов и бананов.

Ла-Перуз не собирался долго оставаться на Гавайских островах — он спешил в Северную Америку. Но, прежде чем покинуть бухту, он решил узнать, нельзя ли здесь поблизости запастись пресной водой. Нужно было совершить экскурсию на берег.

Помня трагическую гибель капитана Кука, Ла-Перуз, несмотря на миролюбивый вид туземцев, старался быть как можно осторожнее. На берег отправились четыре шлюпки. В двух шлюпках, шедших впереди, сидели солдаты морской пехоты с ружьями наготове. Они должны были оборонять две другие шлюпки, в которых ехали оба капитана, ученые и офицеры.

Высадившись на берег, солдаты построились полукругом, чтобы защищать шлюпки от нападения с любой стороны. Но гавайцы, во множестве столпившиеся на берегу, оказали белым самый дружеский прием. Один из них, высокий красавец, обвернутый красной мантией, с разукрашенным шлемом на голове, держа в руке деревянное копьё, выступил вперед. Подойдя к Ла-Перузу, он воткнул копьё каменным наконечником в землю и произнес речь. Пока он говорил, никто из туземцев не раскрывал рта, не двигался с места. Они превратились в статуи. А говорил он не меньше получаса. Ла-Перуз из его речи, конечно, ничего не понял, но заметил, что язык гавайцев очень похож на язык жителей острова Пасхи. В обоих языках было много одинаковых слов.

Кончив говорить, гаваец снял с своей головы шлем и, поклонившись, передал его Ла-Перузу.

Толпа восторженно закричала.

Ла-Перуз понял, что ему оказана высокая честь. Он не хотел быть неблагодарным. Сняв свою шпагу, он прицепил ее к поясу дикаря.

Воду Ла-Перуз пошел отыскивать сам, взяв с собой шесть человек солдат. Капитан де-Лангль и другие офицеры остались возле шлюпок. Мест-

ность вокруг бухты безлесная, открытая, и, если с Ла-Перузом что-нибудь случится, ему всегда можно будет помочь.

Но с Ла-Перузом ничего не случилось. Пройдя мимо деревушки, возле которой бегали дети и хрюкали свиньи, он нашел глубокий колодец, на дне которого было немного вонючей солоноватой воды. Этой грязной мутью пользовалось все население бухты. Брать такую воду на корабль не стоило, потому что ее было мало, и потому, что она была несколько не лучше той, которая еще хранилась в трюме.

Невдалеке от колодца начинался склон высокой горы. За этой горой находится цветущая страна, где шумят потоки, где под сенью пальмовых рощ стоят многочисленные селения, где трава растет выше человека. Но переход через эту крутую каменистую гору займет пять или шесть часов. А волны с того берега без лошадей не дотащишь никак.

— Нам здесь делать больше нечего, — сказал Ла-Перуз. — Мы сегодня же уедем отсюда. До Америки нам придется пить тухлую воду.

Погуляв по берегу часа два, Ла-Перуз вернулся на корабль. Вечером фрегаты вышли в море.

МЕЛЬНИК

Экспедиция была обеспечена провизией чуть ли не на целый год. Трюмы загромождали мешки с чилийской пшеницей, а за перегородками на палубах визжали гавайские свиньи. Но экипаж страдал от недостатка воды. Несколько сот сви-

ней выпивали столько воды, что бочки с пресной водой стали быстро пустеть. Людям воду выдавали по порциям. И вода эта пахла болотом.

С хлебом дело обстояло еще хуже. Обходя мыс Горн, Ла-Перуз заметил, что в холодном климате мука очень быстро покрывается плесенью. Поэтому в Чили он вместо муки купил несколько тонн пшеничного зерна, которое поддается порче гораздо медленнее. Он полагал, что очень нетрудно будет толочь это зерно в ступке. Но оказалось, что для того, чтобы натолочь муки на всю команду, нужно громыхать ступкой с утра до вечера. И мука получалась скверная. Хлеб выходил липкий, тяжелый, плохо пропеченный. Недоеденный хлеб приходилось отдавать тем же свиньям, и на корабле начался ропот.

— Свиней поят и кормят, — говорили матросы, — а человек сиди голодный и не смей попросить второй кружки чаю.

Тогда Ла-Перуз распорядился зарезать свиней. Оба корабля превратились в бойни. Визг несчастных животных заглушал грохот волн и свист ветра. Кровь текла с палубы в море, и за кораблями по воде тащился мутно-красный след. Свиньи туши разрубили на части, посолили и сложили в трюме. Вместо свежего мяса, матросы теперь получали солонину, но зато могли пить воды сколько угодно.

Хлебные затруднения тоже были скоро разрешены. Но разрешил их не Ла-Перуз, а простой матрос с „Астролябии“, по имени Жак.

Этот Жак был самый незаметный и самый скромный из всех матросов „Астролябии“. Простой деревенский парень, впервые попавший на корабль,

он потешал моряков своей неуклюжестью. Матросы считали его дураком, издевались над ним. Ему постоянно давали самую грязную и неприятную работу, где требовалась не сообразительность, а только физическая сила. Жак был силен, как лошадь, и прожорлив, как крокодил.

Недели через две после отбытия с Гавайских островов, этот самый Жак, увидев на палубе капитана де-Лангля, подошел к нему. Де-Лангль, не привыкший к тому, чтобы с ним заговаривали простые матросы, нахмурил брови. Но у Жака было такое простодушное и доверчивое лицо, что капитан не мог рассердиться.

— Что тебе надо? — спросил он его.

— Дома я служил на мельнице... — начал Жак.

— Да, я вижу, что ты не моряк, а мельник, — перебил его де-Лангль.

Матросы, столпившиеся вокруг, чуть не попадали на палубу от смеха. Мельниками моряки называют неуклюжих растяп, которые в первый раз выходят в море и не знают морского дела. В присутствии капитана они не решались громко хохотать, и смех клокотал у них в горле, не смея вырваться наружу.

— Да, я мельник, — серьезно и даже гордо ответил Жак. — Я хотел купить мельницу, но у меня нехватило денег, и вот мне пришлось уйти в море на заработки. У вас здесь не умеют молотить муку. Где это видано, чтобы зерно толкли в ступке? Если хотите, чтобы у вас был хороший хлеб, я вам построю мельницу...

— Где ж ты построишь мельницу? — спросил де-Лангль. — На волнах?

Матросы уже перестали себя сдерживать. Они хохотали, схватившись за животы.

— Нет, на палубе,— невозмутимо ответил Жак.

Но, к удивлению всех, де-Лангль не смеялся.

— Как же ты построишь мельницу?

— На кухне есть два больших точильных камня. Из них выйдут хорошие жернова. А крылья можно сделать из досок.

Де-Лангль задумался. Да, довольно забавный будет вид у „Астролябии“, гордости французского военного флота, с мельничными крыльями на палубе. Будь они в Бресте или в Марселе, де-Лангль умер бы со стыда, если бы ему пришлось командовать фрегатом с таким украшением. Но здесь их не увидит никто, кроме дикарей и акул... А ведь хороший хлеб так нужен!

— Строй,— сказал де-Лангль.

И Жак принялся строить. К вечеру под фок-мачтой завертелись мельничные крылья, а на другой день матросы получили к ужину прекрасно выпеченные булки.

— Ура! — вопила вся команда „Астролябии“. — Качать Жака, качать!

И Жак полетел к потолку.

На специально присланной шлюпке его, гордого и сияющего от счастья, отвезли на „Компас“, чтобы и там выстроить такую же мельницу.

СРЕДИ БУРУНОВ

Дул сильный попутный ветер. Корабли быстро бежали на север. Тропический зной остался позади. Небо покрылось тучами. Несмотря на то, что

стоял июнь, Ла-Перузу пришлось раздать матросам шерстяные фуфайки.

23-го июня с „Компаса“ заметили снежную вершину горы Ильи. Гора Ильи находится в Северной Америке, недалеко от Аляски. До Ла-Перуза ее видели всего два мореплавателя — русский капитан Беринг и англичанин Джеймс Кук. Эта гора так высока, что заметить ее можно с огромного расстояния. Ла-Перузу пришлось плыть еще двое суток, прежде чем он увидел берег.

Берег был скалистый, поросший густым сосновым лесом. Море перед берегом было так мелко, что со дна торчали утесы, вокруг которых ревели и пенились буруны. Подойти к берегу невозможно — корабли налетят на мель. Пришлось остановиться в двух милях от береговых скал. Нужно было во что бы то ни стало найти хорошую гавань.

Но это оказалось нелегким делом. Хотя до берега было всего две мили, но моряки очень смутно различали его очертания. Берег был скрыт туманом. Над туманом возвышалась только снежная вершина горы Ильи.

Корабли медленно пошли вдоль берега. Ла-Перузу пришло в голову, что шлюпка могла бы подойти к берегу гораздо ближе, чем корабль. Быть может, с шлюпки удастся заметить какой-нибудь заливчик, какую-нибудь бухточку. И решено было спустить шлюпку. Шлюпкой командовал лейтенант д'Экюр. Д'Экюру тоже не удалось близко подойти к берегу, потому что бушующие буруны преградили ему путь. Попади шлюпка в такой бурун — и ее мигом разобьет в щепки о камни. Но все же берег был виден с шлюпки гораздо яснее, чем с корабля. Берег подымался крутой,

неприступный, скалистый. Гавани здесь не было. А между тем гавань была необходима. Нужно было отдохнуть и запастись водой, прежде чем начать поиски пролива, соединяющего океаны.

И семь суток корабли Ла-Перуза медленно ползли вдоль берега на север. А между кораблями и берегом шныряла шлюпка, с которой следили за каждым мыском, за каждым изгибом береговых скал. Лейтенант д'Эжюр еще в морской школе прославился своей храбростью. Эта репутация осталась за ним и впоследствии. Он заставлял свою шлюпку проходить так близко от ревущих бурунов и водоворотов, что даже привыкшие ко всему гребцы-матросы бледнели от страха. Но д'Эжюр смеялся над их трусостью и нарочно подводил шлюпку к самому краю kloкочущей пены. Брызги летели ему в лицо. С раннего утра стоял он на носу шлюпки, пристально вглядываясь в туманные очертания берега, и возвращался на корабль только в сумерки.

— Гавани нет! — спокойно докладывал он Ла-Перузу, обедал и шел спать, чтобы назавтра снова весь день шнырять вдоль берегов.

Но 2-го июля д'Эжюр вернулся на „Компас“ гораздо раньше обыкновенного. До сумерек оставалось еще несколько часов, когда он поднялся по трапу на борт и вошел в каюту капитана.

— Гавань найдена, — сказал он, сверкая в лицо Ла-Перузу задорными глазами. — В береговой линии прорыв. Здесь море входит в глубь материка. Это либо бухта, либо...

— Либо что?

— Либо канал, соединяющий Тихий океан с Атлантическим.

Ла-Перуз рассмеялся.

— Нет такого канала, — сказал он. — А если есть, то гораздо севернее. Все это побережье исследовано капитаном Куком.

— Капитан Кук проехал мимо этой бухты, не заметив ее, — возразил д'Экюр. — В описании его путешествий говорится, что здесь он нашел совершенно ровный берег без всяких заливов. Открытая им гавань Нутка находится гораздо южнее, а гавань Беринга — гораздо севернее. Он не мог здесь как следует разглядеть береговую полосу, потому что мели и камни не давали ему возможности подойти достаточно близко к берегу. Честь открытия пролива должна принадлежать французам. Пролив, который больше двухсот лет разыскивают мореплаватели, будет называться Ла-Перузовым проливом.

— Перестаньте! — сказал капитан, краснея, как мальчишка. — Пролив еще не найден.

Перед ним на столе лежала карта западного побережья Северной Америки, составленная капитаном Куком. Берег, перед которым сейчас находились корабли Ла-Перуза, был обозначен на этой карте прямым и ровным, без малейшей впадины. Кук действительно не заметил бухты, открытой д'Экюром. Что, если д'Экюр прав и эта бухта выведет их в Атлантический океан?

Но Ла-Перуз поспешил отогнать от себя эти мысли. Он резко спросил д'Экюра:

— А могут корабли войти в бухту? Вы уверены в том, что мель не преградит нам дорогу?

— Почти уверен, капитан. Полоса бурунов перед входом в бухту прерывается. Следовательно, там глубокое место. Этот проход, разделяющий две

*Перед Ла-Перузом лежала карта западного побережья
Северной Америки.*

мели, не слишком широк, но все же оба наши фрегата свободно поместятся в нем.

— Точно измерьте ширину и глубину прохода между мелями, — приказал Ла-Перуз.

Для измерения входа в бухту были отправлены две шлюпки. Одною командовал лейтенант д'Экур, другой — лейтенант Бутэн. Вместе с Бутэном поехал географ Бернизеэ, чтобы составить карту, с помощью которой легче будет войти в бухту.

Бутэн годами был старше д'Экура, но д'Экур числился первым лейтенантом, а Бутэн вторым.

Произошло это оттого, что д'Эжюр был дворянин, имел связи при дворе, окончил аристократическую морскую школу, а Бутэн выслужился в лейтенанты с самых малых должностей благодаря своим личным достоинствам.

Загремели уключины, и обе лодки быстро понеслись к узкому проходу между белыми гребнями бурунов.

Через час д'Эжюр и Бутэн вернулись на палубу.

— Более удобного прохода не бывает, — доложил капитану д'Эжюр. — Войти в бухту проще и безопаснее, чем в Брестский порт.

— Вы забываете течение, господин д'Эжюр, — перебил его Бутэн. — Течение будет отнести корабли назад, в море. А ветер падает. При слабом ветре не легко сладить с течением.

— Оставьте, — сказал д'Эжюр. — Течение почти незаметно. Смешно о нем говорить.

Бутэн покачал головой, но не стал спорить.

Решено было немедленно итти в бухту. Дали знать капитану де-Ланглю, и оба корабля гуськом вошли в проход между мелями. Проход был ясно виден. В нем была темная, глубокая, спокойная вода. А по бокам kloкотала зеленая пена, из воды торчали каменные глыбы. Мелкие места были так отчетливо отделены от глубоких, что, казалось, даже ребенок мог провести здесь корабль.

Было уже семь часов вечера. Нужно торопиться, потому что через час начнет темнеть. Вслед за „Компасом“ в нескольких саженьях от него шла „Астролябия“. Ветер падал с минуты на минуту, паруса, еще так недавно туго надутые, поникли.

— Чорт! — закричал Ла-Перуз. — Если ветра не будет, мы на всю ночь застрянем в этом проклятом горле.

Но скоро его стало тревожить другое. Он вызвал д'Экюра.

— Неужели вы не знали, лейтенант, — сказал он ему, — что корабли не в состоянии идти против такого могучего течения при слабом ветре? Нас относит, мы почти не движемся вперед. Если ветер исчезнет совсем, нас либо вынесет назад, в открытое море, либо разобьет о подводные камни. Ведь вы были здесь. Неужели вы не заметили течения?

Д'Экюр смутился.

— Право, капитан, я не понимаю, что произошло. Когда я был здесь, течения почти не было. Лейтенант Бутэн говорил мне что-то о течении, но оно было так слабо...

Ла-Перуз задумался.

— Сейчас время отлива, — сказал он. — Вода из бухты уходит в море. А так как путь ей преграждает мель, она вся устремилась нам навстречу через этот проход. Вы были здесь два часа назад. Тогда отлив только начинался, и течение было слабое. Теперь оно будет все усиливаться.

Фрегаты вошли в самое узкое место прохода. Паруса судорожно захлопали в последний раз и поникли — ветер исчез. „Компас“ на секунду застыл на месте и стал медленно пятиться кормой. Мало-по-малу движение становилось все быстрее. С исчезновением ветра перестал действовать руль. Ла-Перуз опасался, что „Компас“ налетит на „Астролябию“, которая находилась в нескольких

сажнях от него. Но, к счастью, „Астролябию“ тоже понесло назад. Едва оба корабля были вынесены из прохода в открытое море, как снова подул ветер. Но о новой попытке войти в бухту нечего было и думать — начало быстро темнеть, а в темноте не отличишь глубоких вод от мелких.

Всю ночь провели корабли под парусами в открытом море. Прошло уже десять суток с тех пор, как путешественники впервые увидели этот берег. Десять суток видели они лужайки, где можно отдохнуть, ручьи, где можно забрать свежей воды, леса, где можно поохотиться, — и все это было для них недосыгаемо. За эти десять суток экипаж обоих кораблей выбился из сил. Вблизи берега управление кораблем гораздо труднее, чем в открытом море, потому что нельзя идти прямо, все время нужно менять курс. А частая перемена курса заставляет матросов постоянно передвигать паруса. В течение десяти суток люди не успевали выспаться, не успевали поесть. Вонючую питьевую воду снова выдавали по порциям.

Вот почему на следующее утро, едва рассвело, Ла-Перуз опять попытался войти в бухту. Нужно положить конец этому изнурительному, бессмысленному блужданию вдоль берегов. Впрочем, была еще одна причина, которая влекла его туда. Слова д'Экюра о проливе, соединяющем океаны, не выходили у него из головы. Ведь капитан Кук, действительно, не заметил этой бухты.

Утром начался прилив. У входа в бухту на этот раз их ждет не встречное, а попутное течение. И Ла-Перуз снова направил свои корабли к узкому коридору между бурунами.

Теперь не течение мешало ему, а ветер. Ветер дул с берега. Против ветра управлять кораблем очень трудно, и фрегаты долго не могли попасть в узкое горло прохода. Наконец, они вошли — впереди „Компас“, позади „Астролябия“. И течение подхватило их.

Они двигались сначала медленно, потому что ветер толкал их обратно в море. Ла-Перуз приказал опустить паруса, и корабли стремительно понесло в бухту. Проход становился уже, течение сильнее. Они уже неслись, как вихрь, по извилистой темной дорожке. В нескольких сажнях от них со дна подымались камни, возле которых клочкотали пенистые водовороты. Об управлении судами нечего было и думать. „Компас“ летел вперед, вертясь, как волчок. От скорости захватило дух. „Астролябию“ тащило боком.

И вдруг перед ними из воды вырос утес, преградив им дорогу. Моряки закричали от ужаса. Остановиться было невозможно. Утес едва подымался над поверхностью моря, и волны свободно переплескивались через его вершину. Немудрено, что д'Экур и Бутэн, побывавшие на шлюпках только в самом начале прохода, не могли заметить такой низкий утес.

Неизбежной казалась гибель. Но возле самого утеса течение дало крутой поворот. Повинуясь течению, „Компас“ в последнее мгновение обогнул роковой утес, поцарапав о его шершавую спину обшивку левого борта. Как молния, пролетел он по серебряной гладкой поверхности просторной бухты и, круто завернув, остановился невдалеке от лесистого берега. „Астролябия“ проделала тот же самый маневр, в том же самом

месте обогнула утес, потом, качаясь, пританцовывая, пронеслась через всю бухту и остановилась рядом с „Компасом“.

В первую минуту никто не мог опомниться от счастья. У многих на глазах были слезы. По правде сказать, все они считали себя уже погибшими во время головокружительного полета по извилистой узкой дорожке между подводными глыбами.

Ла-Перуз приказал опустить якоря.

В БУХТЕ

Из-за вершин исполинских сосен то там, то здесь вырывались клубы дыма. Берег был населен. Жителей пришлось дожидаться недолго. Легкие длинные лодки понеслись к кораблям. Бухта наполнилась гулом голосов. Индейцы кричали, размахивали руками, пели. Белых они несколько не боялись. Не спрашивая разрешения, они со всех сторон пролезали на корабль, и скоро на палубе „Компаса“ их набралось человек восемьдесят. Все они пахли тухлой рыбой и гнилым жиром. На палубе невозможно было дышать от зловония. Многие из них явились с женами. Женщины очень заботились о своей наружности. У каждой нижняя губа была проколота насквозь, и в отверстии красовалась деревянная ложка. От этого украшения рта их были выпячены вперед вершка на два. Лица свои они мазали известью, глиной и салом. Этих румян столько накопилось на их щеках, что там свободно могла бы расти трава.

Мужчины тоже были изрядные франты. Всюду, где только можно, в уши, в лоб, в нос, они вставляли птичьи перья. Без жалости протыкали они себе кожу, чтобы всунуть в отверстие перо. Одежды и мужчины и женщины были в грязные тюленьи шкуры.

Дикари явились вовсе не из пустого любопытства. Их несколько не интересовали ни белые, ни корабли. Они приехали торговать и красть. Оружия они не привезли с собой никакого, и намерения у них, безусловно, были самые мирные. Но кражу они, как и жители острова Пасхи, не считали враждебным поступком. С самым миролюбивым видом выковыривали они гвозди из палубных досок и, приветливо улыбаясь, залезали в карманы матросов.

— Что с ними делать? — восклицал Ла-Перуз, разглядывая своих непрошенных гостей, нахально расположившихся на палубе.

Да, такие гости смутили бы кого угодно. Ла-Перуз чувствовал себя в западне. В эту бухту не только трудно проникнуть — выйти из нее, пожалуй, будет еще труднее. А леса вокруг бухты кишели десятками тысяч вороватых дикарей, которые, если им не угодишь, могут, чего доброго, завладеть фрегатами. И Ла-Перуз решил завязать с индейцами дружественно-деловые отношения. Он объяснил им, что приехал в их страну для торговли.

Индейцам это очень понравилось. Они навезли на корабль множество тюленьих и медвежьих шкур, груды свежей рыбы. В уплату они требовали только железо. Нет, им не нравились ни бусы, ни цветные тряпки, приводившие в такой восторг

жителей острова Пасхи. Они люди деловые, практические, практичнее даже гавайцев, им подавай гвозди, топоры, ножи, железные обручи. Впрочем, они не слишком запрашивали — за десяток гвоздей охотно отдавали большую котиковую шкуру.

В воровстве они были не так разборчивы. Крали они решительно все, что попадало под руку. Сорвет какой-нибудь ловкач веревку с палубы, прыгнет в воду и исчезнет. А предложи ему такую самую веревку за маленькую рыбку — ни за что не продаст. Они разбили стекла в капитанской каюте и растащили их по осколкам. Они растаскивали даже доски, сложенные на палубе, хотя вся их страна покрыта лесом и в дереве они не испытывали никакого недостатка.

И все же Ла-Перуз старался сохранить с индейцами хорошие отношения. На другой день он пригласил их вождей к себе на обед.

Вожди отличались от прочих индейцев тем, что у них на головах торчали короны из красных и синих птичьих перьев. Они с радостью согласились пообедать у начальника белых.

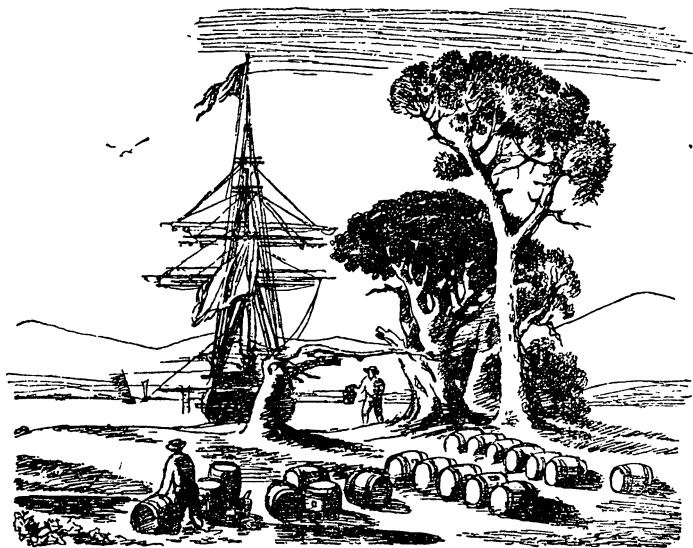
Четверо вождей вслед за Ла-Перузом спустились в кают-компанию, где ослепительно белой скатертью был накрыт большой стол. Повелители краснокожих торжественно расселись на стульях, вытянув под столом босые грязные ноги. Подали мелко нарезанную свинину с кашей. Не дожидаясь, пока свинину разложат по тарелкам, гости запустили ручищи в общее блюдо и разложили жаркое горками перед собой на скатерти. Свиной жир тек под стол, на колени. Впрочем, гости считали, что ведут себя вполне прилично, и, чтобы показать свое хорошее воспитание, учтиво гладили хозяина

мокрыми от жира ладонями по лицу. Когда свинина была съедена, они принялись сосать просаленную скатерть. После ухода высокопоставленных гостей Ла-Перуз не досчитался двух ложек, трех вилок, пяти ножей, четырех салфеток, одного зеркала и пары старых матросских сапог, стоявших за дверями кают-компания. После этого Ла-Перуз строго-настрого приказал никого из индейцев ни при каких обстоятельствах не пускать в утрь корабля. А с палубы велел убрать все вещи, которые можно украсть.

Корабли нуждались в небольшой починке. Особенно поистрепались паруса — в них зияли огромные дыры, которые необходимо было зашить. Производить эту работу на корабле очень трудно, а свозить паруса на берег Ла-Перуз не решался: дикари там мигом все растащат.

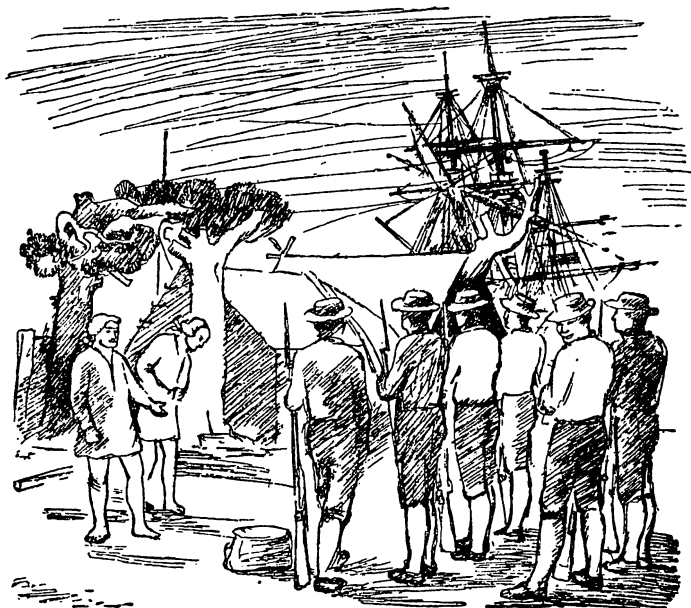
К счастью, посреди бухты находился маленький лесистый островок. Возле него было настолько глубоко, что корабли могли подойти почти вплотную. На этот-то островок, лежавший под защитой обоих фрегатов, Ла-Перуз свез свои паруса. На островке был прохладный ключ с прекрасной свежей водой. Этой водой наполнили опустевшие за время плавания бочки. В какие-нибудь три дня моряки воздвигли около ключа обсерваторию, кузницу и мастерскую для починки парусов. Обсерваторией назывался простой дощатый сарай с отверстием в крыше для телескопа. Астроном Дажеле перенес в сарай телескоп и проводил там все ночи.

Впрочем, одну ночь он все же провел на корабле. Небо было пасмурное, облачное. Он решил, что оставаться в обсерватории бессмысленно, и

Опустевшие за время плавания бочки наполнили водой.

уехал на „Компас“. Все сооружения французов на островке постоянно охранялись небольшими отрядами морской пехоты, потому что туземцы нередко пускались вплавь через бухту и доплывали до островка без всякого труда. В эту ночь обсерваторию, кузницу и мастерскую сторожили двенадцать солдат под командой двух молодых офицеров — Лористона и Дарбо. Офицеры расставили солдат под открытым небом, а сами легли спать в обсерватории. Они разделись, разложили на земляном полу свои мундиры и сделали из них постели, чтобы было мягче. Возле себя они положили свои ружья и спали до утра, не просыпаясь.

Несчастные офицеры выскочили из обсерватории.

Утром, открыв глаза, Дарбо с удивлением заметил, что он лежит на голой земле. Его мундир бесследно исчез. Он растолкал Лористона. Лористон вскочил и заорал:

— Где мой мундир?

У Лористона, кроме мундира, пропало и ружье.

Оба офицера в недоумении глядели друг на друга. Дарбо потянул носом.

— Чувствуешь вонь? — спросил он. — Сюда приходили индейцы.

Это была верная примета. Всюду, где индеец провел хотя бы несколько секунд, на много часов оставался удушливый запах гнилого жира.

— Они обокрали нас, — сказал Лористон. — Но ведь мы спали на мундирах. Как же им удалось нас не разбудить?

Дарбо пожал плечами.

Несчастные офицеры выскочили в одном белье из обсерватории. Солдаты, стоявшие на часах, отдали им честь.

— Вы видели здесь кого-нибудь ночью? — спросил их Лористон.

— Никак нет, — хором ответили все двенадцать часовых.

Лористона и Дарбо, завернутых в одеяла, отвезли на „Компас“ под дружный хохот всего экипажа.

НЕЛЕПАЯ ГИБЕЛЬ

К середине июля починка парусов была окончена, и Ла-Перуз собрался уходить из этой неприветливой бухты. До сентября ему предстояло еще осмотреть ту никому неведомую часть североамериканского побережья, которая лежит между местами, исследованными Куком, и владениями испанцев в Калифорнии. А потом, согласно инструкции морского министерства, он должен был пересечь Тихий океан, чтобы будущим летом приступить к исследованию берегов Азии. Времени оставалось мало, и Ла-Перуз торопился.

Но лейтенант д'Экюр был недоволен. Честолюбивый, отважный, он мечтал о необыкновенных открытиях, о небывалых подвигах.

— Мы не можем покинуть эту бухту, не осмотрев ее как следует, — говорил он Ла-Перузу. —

Я почти убежден, что в этой бухте начинается пролив, соединяющий Тихий океан с Атлантическим.

— Оставьте, д'Экюр, — отмахивался от него Ла-Перуз. — Где тут может быть пролив? Ведь вся бухта лежит перед нами как на ладони.

— Тот край бухты, который находится за островком, нам совершенно неизвестен, — настаивал д'Экюр. — Он всегда скрыт туманом.

— Там то же, что и здесь, — берег, сосны, камни. Над этим туманом я видел вершины гор.

— Не будьте так уверены, капитан. Пролив, соединяющий океаны, должно быть, очень узок. Мы легко можем его не заметить. Вспомните, как узок Магелланов пролив.

И, увидев, что Ла-Перуз колеблется, прибавил:

— Отложите наш отъезд еще на один день. Завтра я берусь на шлюпке добраться до того края бухты. Тут всего три-четыре мили. К вечеру я вернусь, и, если ничего не найду, послезавтра мы тронемся в путь.

И Ла-Перуз согласился.

На другое утро стояла прекрасная погода. Впервые за все пребывание экспедиции в Северной Америке солнце выглянуло из-за туч. Д'Экюр радовался приятной прогулке на лодке. Остальные офицеры завидовали ему. Ла-Перузу пришлось согласиться отправить с д'Экюром не одну лодку, а целых три — две с „Компаса“ и одну с „Астролябии“. В них разместились все желающие.

В самой большой шлюпке, кроме д'Экюра, сидело десять матросов. Во вторую сели Маршенвилль и Бутервиллье — лейтенанты с „Астролябии“. Они взяли с собой восемь матросов. Самая малень-

кая шлюпка досталась Бутэну, младшему лейтенанту „Компаса“. К Бутэну напросился пассажиром Бартоломей Лессепс — ему тоже хотелось покататься. Бутэн взял его неохотно: что понимает этот беспечный болтун и пьяница в морских поездках? Он может только мешать. На маленькой шлюпке было всего четыре матроса.

— Смотрите, Бутэн, — кричал на прощанье Ла-Перуз, — не перевернитесь. За большие шлюпки я не боюсь, а ваша очень валкая. Будьте осторожны.

— Не беспокойтесь, капитан, — важно отвечал вместо Бутэна Лессепс. — Уж мы-то не пропадем.

И шлюпки исчезли в золотом от солнца тумане.

Прогулка началась необыкновенно весело. Впереди неслась шлюпка д'Экюра. Затем шлюпка Маршенвилля и Бутервилье. За ними едва поспевали Бутэн и Лессепс.

Все яснее вырисовывались горы, толпившиеся в дальнем углу бухты. Под горами чернели леса. „Пролив, соединяющий океаны, будет назван проливом д'Экюра, а не Ла-Перуза, — думал д'Экюр. — Я открою этот пролив, а не Ла-Перуз. Ла-Перуз мне только мешает“. Сердце его радостно билось, и он то и дело поторапливал гребцов.

Берег, к которому они стремились, приближался с каждым ударом весел. „Компас“ и „Астролябия“ утонули в тумане.

Вода в бухте была спокойная и гладкая, как зеркало. И моряки очень удивились, увидев перед собой белые гребни волн. Гребни эти бесились и клокотали на чрезвычайно узком пространстве, а за ними и перед ними простиралась лазурная гладь.

Подъехав ближе, моряки увидели, что это была длинная, усеянная каменными глыбами, перерезавшая всю бухту мель, о которую с грохотом разбивалось какое-то подводное, невидимое на поверхности, течение. Мель была не сплошная, в ней кое-где чернели глубокие впадины. Но в этих впадинах бурлили могучие водовороты.

Шлюпки остановились.

— Надо поворачивать, — сказал Бутэн.

— Ни за что! — крикнул д'Экюр. — Я не вернусь, пока не найду пролива.

— Да там нет никакого пролива, — продолжал Бутэн. — Отсюда уже все видно. Там только горы да лес.

— Не возражать! — гаркнул д'Экюр.

Он был старшим лейтенантом и имел право поставить младшего лейтенанта на место. Упрямство и тщеславие подхлестывали его, словно кнуты.

— Едем! — приказал он. — А если вы трусите, Бутэн, я разрешаю вам вернуться.

И шлюпка д'Экюра врезалась в клокочущую пену. Ее сразу закрутило и понесло. Несколько мгновений она держалась на поверхности. Потом корма высоко поднялась в воздух, а нос врезался в воду. Ревущая пучина поглотила ее. Там, где сейчас чернела шлюпка, в которой было столько людей, теперь бурлила белая пена.

Маршенвилль, бледный, стиснув зубы, поспешил на помощь утопающим.

— Остановитесь! — закричал Бутэн. — Это безумие! Их все равно не спасти!

Но Маршенвилль считал долгом чести не оставлять начальника в беде. Он не был так опытен,

как старый Бутэн, и не видел всей опасности, грозившей ему.

Шлюпка Маршенвилля была кинута на торчащий из воды камень и перевернулась. Люди вылетели из нее, как ядра из жерла пушки.

Тогда, наконец, и Бутэн крикнул:

— Вперед!

• Он не хотел, чтобы его считали трусом.

Поток подхватил маленькую валковую лодчонку и понес, раскачивая, в пенистый бурлящий ад. Лессепс, бледный от ужаса, схватился обеими руками за скамейку. Они неслись так быстро, что в ушах у него свистело. Волны плескали на дно шлюпки, и она мигом до половины наполнилась водой. Их протащило над тем самым местом, где погиб д'Экюр. Водоворот уже успел поглотить всех несчастных, и на поверхности воды не было никого. Затем их повлекло к тому камню, где разбилась шлюпка Маршенвилля. Матросы бросили весла. Рулевой закрыл глаза. Но шлюпка промчалась в расстоянии дюйма от камня и, описав широкую дугу, вылетела из грохочущей пены назад, в спокойную гладкую воду.

Они были спасены.

Лессепс перевел дух и глянул в лицо Бутэну. Нет, лицо Бутэна не выражало ни страха, ни радости. Одно только глубокое изумление прочел он в глазах лейтенанта.

— Мы не могли не погибнуть, — растерянно сказал Бутэн. — Наша шлюпка самая неустойчивая из всех трех. Как мы остались живы? Это чудо! Я ничего не понимаю.

Печальные вести привез Бутэн Ла-Перузу. Они лишились трех офицеров и восемнадцати матро-

сов. Это было первое крупное несчастье, постигшее экспедицию.

— Бежать, бежать из этой проклятой бухты!— в отчаянии кричал Ла-Перуз.

Но, прежде чем бежать, решено было воздвигнуть памятник погибшим товарищам. За это дело взялся инженер Монерон. Он обтесал на острове, возле обсерватории большой камень и выбил на нем слова:

„Здесь, в этой бухте, погиб двадцать один моряк.

Путник, кто бы ты ни был, оплачь вместе с нами их участь“.

Выйти из бухты было так же трудно, как и войти в нее. Но и на этот раз морякам удалось невредимо пробраться сквозь буруны.

Когда суда вышли в открытое море, Ла-Перуз встретился на палубе с Бутэном.

— Капитан,— сказал Бутэн.— Я, наконец, отгадал, почему я не погиб вместе с д'Экюром и Маршенвиллем.

— Почему?— спросил Ла-Перуз и остановился.

— Потому что со мной был Лессепс. А этот господин и в огне не горит и в воде не тонет.

КАЛИФОРНИЯ

Короткое северное лето подходило к концу, но, тем не менее, Ла-Перуз хотел еще хотя бы месяц посвятить изучению берегов Северной Америки. Выйдя из проклятой бухты, которой было дано

название Французского порта, фрегаты направились на север. Но после двухнедельного плавания, убедившись, что пролива, соединяющего океаны, не существует и что берега вполне точно нанесены на карту Куком, Ла-Перуз снова повернул на юг. Ему хотелось осмотреть береговую полосу между Французским портом и владениями испанцев в Калифорнии. Эта часть американского побережья в те времена была совсем не известна европейцам.

Корабли двигались очень медленно, потому что приходилось заносить на карту каждый мыс, каждый залив, каждый прибрежный островок. Земля была населена — об этом свидетельствовали многочисленные столбы дыма, вырывавшиеся из-за леса. Но французы ни разу не высаживались на берег. Только во второй половине сентября корабли достигли Калифорнии, которая была уже хорошо известна испанцам. Ла-Перуз выбрал лучшую гавань страны — Монтерейскую бухту.

Возле Монтерейской бухты наши мореплаватели встретили два больших военных корабля. Это были фрегаты, шедшие под испанским флагом. Французы, больше полугода не видевшие ничего, кроме воды, дикарей и дремучих лесов, необыкновенно обрадовались. Сейчас же испанцев сигналом попросили остановиться. Ла-Перуз с несколькими офицерами сел в шлюпку и направился к ближайшему испанскому фрегату. Испанцы приняли гостей самым любезным образом. Капитан отвел их к себе в каюту.

— Куда вы сейчас идете? — спросил Ла-Перуз.

— Нас послали сюда, чтобы доставить припасы нашему гарнизону в Калифорнии, — ответил испан-

нец,— а теперь мы плывем на юг, сначала в Перу; потом в Чили.

Оказалось, что капитан сам уроженец города Консепциона и там живет вся его семья.

— Передайте от меня привет дону Гугиэнсу и дону Квексаде,— попросил Ла-Перуз.

Ему без труда удалось уговорить испанцев подождать несколько часов, пока он напишет письмо во Францию. В этом письме Ла-Перуз вкратце изложил свои приключения на острове Пасхи, на Гавайях и в Америке. Вместе с ним все французы писали письма, радуясь возможности дать весточку о себе родным. Испанцы отвезли эти письма в Консепсион, а оттуда отправили в Европу.

На берегу Монтерейской бухты Ла-Перуз нашел маленькую испанскую крепость, в которой находился гарнизон из двухсот человек. Хотя испанцы давно уже считали Калифорнию своим владением, они не решались удалиться от своей крепости даже на милю. В окрестных лесах рыскали индейцы, бесстрашные охотники и воины, не признававшие власти белых.

Экспедицию встретили с почетом. Испанцы жили в этой дикой стране, как в ссылке. Белых женщин среди них не было, и почти все солдаты были женаты на дикарках. Два фрегата, привозившие им раз в год провизию, были их единственной связью с цивилизованным миром. Они жили в постоянном страхе, что индейцы восстанут, возьмут штурмом крепость и истребят всех их поголовно. В свободное от сражений и военных учений время испанцы занимались земледелием. Они вспахали довольно большое поле, на-

ходившееся под защитой крепостных пушек, и засеяли его пшеницей. Урожай получился неслыханный. Каждый мешок зерна дал сто мешков урожая. Даже в Чили никогда не видели ничего подобного. В привозном хлебе маленькая колония больше не нуждалась. Напротив, солдаты не знали, что им делать со своим хлебом.

Осмотрев вместе с Ламаноном почву Калифорнии, Ла-Перуз пришел в изумление.

— Какое блестящее будущее у этой страны! — воскликнул он. — Такая почва в состоянии прокормить много миллионов людей!

И он не ошибся. Теперь Калифорния одна из самых богатых и цветущих областей Соединенных штатов. Там расположены два огромных города — Лос-Анжелос и Сан-Франциско.

Скоро Ла-Перузу удалось познакомиться и с калифорнийскими индейцами. Гуляя по лесу вместе с де-Ланглем, Бутэном и двумя испанскими офицерами, Ла-Перуз на лесной лужайке заметил стадо оленей. Олени спокойно щипали траву.

— Гсс! — сказал один из испанцев. — Они страшно пугливы. Если мы сделаем еще хотя бы шаг, они убегут.

Олени находились на таком расстоянии, что никакая пуля достигнуть их не могла. Но вдруг Ла-Перуз увидел одного оленя почти рядом. Он прицелился.

— Не стреляйте, капитан, — прошептал Бутэн, хватая его за руку. — У этого оленя человечески ноги.

Действительно, олень был странный. Сзади у него вместо оленьих ног были голые человеческие ноги.

— Это индеец-охотник, — объяснили испанцы. — Он надел на себя оленью шкуру, чтобы стадо подпустило его к себе. У него под шкурой спрятаны лук и стрелы.

Человек-олень медленно шел по лужайке, тыча в землю мордой, украшенной широкими рогами, — он притворялся, что щиплет траву. Стадо не обращало на него никакого внимания. Вот он уже бродит между живых, настоящих оленей, высматривая, которого убить, а они не двигаются с места. Взвилась стрела, и самый крупный из оленей мертвым упал в траву. Тут только остальные поняли обман и умчались.

Охотник сбросил шкуру. К нему подбежало несколько женщин, и все они сообща потащили оленя в лес. Ла-Перуз догнал их. Индейцы эти принадлежали к племени, находившемуся в союзе с испанцами, и встретили его очень дружелюбно. Скоро их собралась целая толпа человек в триста. Ла-Перуз объяснил им, что хочет завязать с ними торговлю и будет охотно покупать у них шкуры зверей. Индейцы обрадовались и следующим утром привезли на корабли целые вороха лисьих, медвежьих и оленьих шкур. Они охотно отдавали их за гвозди, бусы, пуговицы и даже за глиняные горшки. Ла-Перуз старался купить как можно больше шкур, потому что знал, что во Франции за эти шкуры дадут большие деньги.

В НЕВЕДОМОМ МОРЕ

22-го сентября, проведя в Монтерейской бухте всего несколько дней, фрегаты снова вышли в море. Экспедиция оставила берега Америки и от-

правились наперерез через весь Тихий океан к берегам Азии, в Китай. Никогда еще до тех пор ни одно судно не совершало плавания между Калифорнией и Китаем. Вся эта огромная часть океана была совершенно неведома. Мореплавателям предстояло путешествие по новым для европейцев водам.

— Надеюсь, нам тут повезет, — говорил Ла-Перуз, — и мы откроем какие-нибудь значительные земли.

Опять на мачту повесили корзину и посадили в нее матроса с подзорной трубой. Путь держали прямо на восток. Неделя тянулась за неделей, а земли не находили. Паруса и снасти беспрестанно напоминали о том, что фрегаты покинули Европу уже шестнадцать месяцев тому назад. Канаты лопались ежедневно, парусники не успевали чинить паруса. Экспедиция за шестнадцать месяцев произвела большую научную работу, сделала множество наблюдений, но все же ей пока не удалось открыть ни пролива, соединяющего океаны, ни какой-нибудь дотоле не известной земли. А между тем только такие крупные открытия могли бы вознаградить путешественников полностью за все их лишения и потери.

Легко себе представить, с каким нетерпением глядели моряки на матроса, сидевшего в корзине. Но кончился сентябрь, прошел весь октябрь, половина дороги до Китая осталась уже позади, а вокруг фрегатов попрежнему простирался безбрежный океан. Нигде не было видно ни малейшего признака земли.

Но, наконец, 5-го ноября с мачты раздался долгожданный возглас:

— Земля! Земля!

Все население „Компаса“ мгновенно очутилось на палубе. С „Астролябии“, шедшей позади, тоже уже заметили землю. Но скоро обрадованных моряков постигло разочарование. Открытая ими земля оказалась просто большим утесом, одиноко торчавшим из вод океана. В длину он имел не больше мили. В честь тогдашнего премьер-министра Франции Ла-Перуз назвал утес „островом Неккера“. На всем острове Неккера не было ни одного дерева, ни одного ручья. Решено было на него не высаживаться, чтобы не терять попусту время, а ехать дальше.

Море было спокойно. Вечером, когда стемнело, казалось, что корабли несутся по воздуху — так беззвучно было вокруг. Внезапно Ла-Перуз, стоявший на капитанском мостике, расслышал впереди слабый, чуть внятный плеск. Что это? Как будто волны плещутся о берег. И вдруг он во мраке различил смутные очертания скалы. Она находилась в нескольких десятках шагов от „Компаса“, летевшего к ней на всех парусах.

Ла-Перуз приказал рулевому сделать крутой поворот. Команда кинулась к парусам. „Успеем повернуть или не успеем?“ думал Ла-Перуз. На спине у него выступил холодный пот, кровь стучала в висках. Грузный корпус фрегата стал медленно поворачиваться. Скала с каждой секундой становилась все ближе. Они прошли от нее так близко, что шершавые камни слегка оцарапали левый борт. И все же им удалось повернуть.

— Мы чудом избежали гибели, — сказал Ла-Перуз. — Если бы море сегодня было хоть немного бурливей, я бы издали расслышал шум волн,

набегающих на скалу, и нам не пришлось бы так рисковать. Благодаря этому предательскому спокойствию мы чуть не отправились на дно океана.

— Хорошо, что „Астролябия“ шла не следом за нами, а сбоку,— сказал лейтенант Бутэн.— А то ей пришлось бы сделать такой же крутой заворот. И неизвестно, удалось бы ей выпутаться из беды или нет.

Ла-Перуз назвал скалу, чуть было не погубившую его корабль, рифом Французских Фрегатов. Он тотчас же точно обозначил ее на карте, чтобы все будущие путешественники знали, где их подстерегает опасность.

ПОДВИГИ ПИРАТОВ

В середине декабря неведомая часть океана осталась позади, и фрегаты вступили в воды, часто посещаемые европейскими судами, ведущими торговлю с Китаем.

К удивлению всего экипажа, Ла-Перуз приказал канонирам постоянно дежурить у пушек и велел привести фрегаты в боевую готовность.

— Зачем? — спросил любопытный Лессепс. — Ведь мы посланы в путешествие с мирной целью и не имеем права ни на кого нападать.

— Мы ни на кого нападать и не собираемся, — ответил Ла-Перуз. — Но я опасаюсь, как бы на нас не напали.

— Кто же может на нас напасть? Китайцы? Но отношения между Францией и Китаем самые мирные...

— У нас мирные отношения с китайским правительством, — ответил Ла-Перуз, — но не с китайскими пиратами. У пиратов ни с кем нет мирных отношений. Они находятся в войне со всем миром.

— Неужели какие-то жалкие разбойники осмелятся вызвать на бой два сорокапушечных фрегата, „Компас“ и „Астролябию“ — гордость французского военного флота? Одни только англичане, пожалуй, решились бы померяться силою с нами. Нет, капитан, если здесь действительно есть пираты, они подымут все паруса и постараются исчезнуть как можно скорее...

— Не будьте так уверены, господин Лессепс, — сказал профессор Дажеле. — Китайские пираты гораздо могущественнее, чем вы думаете. У них есть прекрасно вооруженный флот, состоящий из многих десятков кораблей, отбитых у китайского правительства и разных европейских торговых компаний. Пустынные островки у берегов Китая они превратили в свои крепости. Португальцам, голландцам и англичанам часто приходится уступать им свои корабли. Не довольствуясь грабежом в здешних морях, они отправляются на юг и грабят голландские и испанские владения в Малайском архипелаге. Китайские власти трепещут перед ними. Часто случалось так, что пираты высаживались на берег, вступали в бой с регулярными китайскими войсками и побеждали.

— Неужели побеждали регулярную армию?

— Еще бы, — продолжал Дажеле. — Один раз они угрожали даже самому существованию Китайской империи. Сейчас, как вам известно, мы направляемся в порт Макао, который находится в Ки-

тае, но принадлежит Португалии. Знаете ли вы, каким образом португальцы завладели Макао?

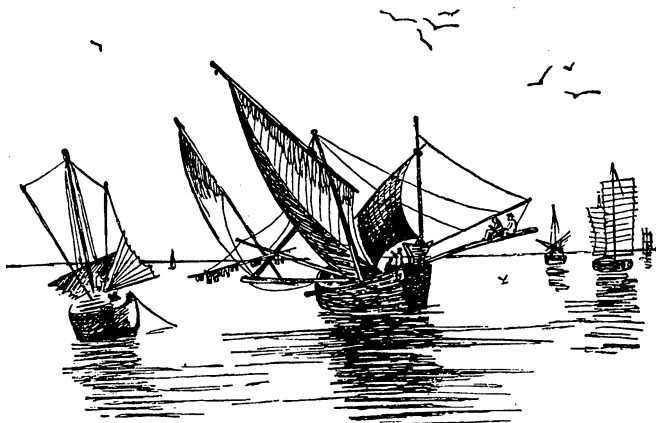
— Нет, не знаю, — храбро ответил Лессепс, не стыдясь своего невежества.

— Португальцы первые из всех европейских народов завели торговлю с Китаем. Они стремились устроить в Китае колонию, но китайцы не соглашались уступить им ни клочка земли. Как раз в это время пираты истребили весь китайский флот, высадились на берег и стали брать один город за другим. Их дружины угрожали даже самому Пекину, и богдыхан стал опасаться за судьбу своей короны. „Выручите, — взмолился он к португальцам. — Избавьте меня от разбойников, и я дам вам в награду все, что вы пожелаете“. В те времена у пиратов не было еще европейских кораблей. Их флот состоял из одних китайских джонок. Португальцы внезапно напали на них, половину истребили, половину разогнали по всему океану. За эту победу китайский богдыхан уступил Португалии тот кусок земли, где стоит сейчас город Макао.

— Между прочим, это была единственная победа португальцев над пиратами, — заметил Ла-Перуз. — Во всех дальнейших сражениях всегда побеждали пираты.

Хотя путешественники уже не надеялись открыть какую-нибудь новую землю, но на мачте попрежнему сидел матрос. Он должен был предупредить экипаж, если заметит приближение пиратов. Но море было пустынно. Только в самом конце декабря он встревожил Ла-Перуза громким криком:

— Впереди видны паруса!

— Впереди видны паруса! — закричал матрос.

Но тревога оказалась напрасной. Нет, это не пираты. Это мирные рыбацьи лодки, шныряющие повсюду у китайских берегов. Рыбаки выезжали на ловлю целыми эскадрами—по сорок, пятьдесят лодок вместе. Чем дальше, тем чаще они попадались. Ла-Перуз иногда подзывал то одну, то другую лодку и за самую скромную плату покупал у рыбаков свежую рыбу. Лессепс очень удивлялся, видя в лодках не только мужчин, но и женщин и маленьких детей. Были лодки, в которых находились даже собаки, козы, куры, петухи. Странно слышать „кукареку“ посреди океана!

— У этих рыбаков нет другого дома, кроме лодок, — объяснил Лессепсу Дажеле. — Они вместе с семьями и со всем своим хозяйством проводят всю жизнь в лодках посреди моря и приезжают на берег только для того, чтобы продать свою рыбу.

— Неужели они не боятся пиратов? — спросил Лессепс.

— Нет, не боятся. Они платят пиратам дань рыбою, и те их никогда не трогают.

НЕЖДАННОЕ БОГАТСТВО

1-го января 1787 года вдали увидели берег Китая, а на другой день фрегаты вошли в гавань Макао. Путь между Калифорнией и Китаем был пройден в три с половиной месяца.

Макао расположен на трех холмах. На вершине каждого холма построено по крепости. Пушки этих крепостей держали в страхе весь город, населенный главным образом китайцами. Португальцы обращались с китайцами, как с рабами, разоряли их налогами, пошлинами и штрафами, заставляли бесплатно на себя работать и поэтому постоянно опасались восстания. В крепостях жили солдаты-индусы, привезенные из португальской колонии в Индии. Индусы не любили португальцев, но еще больше негавидели китайцев. Португальцы пользовались этой национальной ненавистью и с ее помощью укрепляли свое владычество.

Португальцев в Макао было немного — только губернатор, чиновники, офицеры, несколько сотен монахов и кучка богатых купцов. Но зато там жило много метисов — смесь португальцев с китайцами. Хотя у большинства этих метисов были косые глаза и желтые лица, они все выдавали себя за португальцев, ревностно посещали католические храмы и усердно поддерживали португальскую власть.

В Макао в каждом квартале был католический храм или монастырь. Католические священники и монахи изо всех сил пытались обратить китайцев в христианство. Но это им не удавалось. Китайцы оставались верны своей религии — буддизму. Соглашались креститься только разные проходимцы и жулики, чтобы добиться всяких льгот и покровительства властей. Но, несмотря на то, что большинство китайцев исповедывало буддизм, все они без различия должны были отдавать десятую часть своих доходов католическим монастырям. И монахи в Макао были богаче купцов.

Едва фрегаты вошли в гавань, их окружили лодки таможенных надсмотрщиков. Они потребовали у Ла-Перуза крупной суммы денег за право остановиться в порте Макао. Напрасно Ла-Перуз уверял, что морское министерство Португалии разрешило экспедиции бесплатно останавливаться во всех португальских портах. Надсмотрщики были неумолимы. Проспорив с ними целый день, Ла-Перуз съехал на берег и отправился к губернатору. Губернатор принял его очень ласково и тотчас же приказал таможене оставить французскую экспедицию в покое.

Тогда на фрегаты явились купцы. Они оказались еще надоедливее таможенников.

— Продайте мне ваш товар, — шептал каждый Ла-Перузу. — Моя фирма заплатит вам лучше всех.

— Да у нас нет никакого товара, — отвечал Ла-Перуз. — Мы не торговцы, а ученые. Мы приехали сюда вовсе не для торговли.

Но смуглые пузатые португальцы смеялись ему в ответ. Нет, они не дураки, чтобы поверить, будто французы совершили такое трудное и длинное пу-

тешестве в Китай совершенно бескорыстно. Убежденные, что капитан обманывает их, желая набить цену своим товарам, они старались втереться в доверие экипажа, угощали матросов, пытались выведать, какие богатства хранятся в трюмах фрегатов. И через несколько дней по городу распространился слух, что французы привезли с собой из Америки груз драгоценных мехов. Тогда к Ла-Перузу явился купец Хильярос, самый богатый человек в Макао.

— Я покупаю у вас все ваши меха,— заявил он.— В Китае нет пушных зверей, и богатые китайцы ценят мех на вес золота. За медвежьи, оленьи и лисьи шкуры я вам дам в восемь раз больше, чем вам заплатят в Париже. Скажите, какие у вас меха и сколько их?

Ла-Перуз протянул торговцу список шкур, полученных в Америке у индейцев в обмен на гвозди и железные обручи. И Хильярос предложил ему за них такую сумму, что все зашаталось у капитана в глазах.

Через час весь экипаж обоих фрегатов был собран на палубу „Компаса“. Матросы и солдаты построились рядами под командой своих офицеров. Ла-Перуз устроил им смотр и в заключение сказал:

— Мне удалось продать добытые в Америке меха. Эти меха я считаю общим достоянием экспедиции. Мы все—офицеры и простые матросы, ученые и солдаты—одинаково переносили лишения, одинаково рисковали своей жизнью. Поэтому вырученные деньги должны быть разделены поровну между всеми, без различия чинов. На долю каждого приходится по пятидесяти португальских пиастров.

В те времена за пятьдесят пиастров матрос мог купить домик в любом приморском городке и прожить несколько лет с семьей, не нуждаясь. Пятьдесят пиастров! Этим бедным людям, получающим грошовое жалованье, не снилось такое богатство.

— Ура! — гремели моряки в ответ капитану.

Но Ла-Перуз продолжал:

— Нам предстоит долгий, трудный путь. Мы не выполнили еще и половины того, что поручило нам адмиралтейство. Кто знает, вернемся ли мы когда-нибудь на родину. Мало ли какие несчастья могут случиться с нами во время плавания! Если мы возьмем наши деньги с собой, они могут погибнуть вместе с нами, и наши семьи никогда их не получат. Приняв это все во внимание, я решил передать вырученные деньги в шведский банк, находящийся в Макао. Этот банк имеет отделение в Париже. Когда мы вернемся в Париж, нам выдадут наши деньги. А если мы в Париж не вернемся, их выдадут нашим женам и детям. Согласны?

— Согласны! — хором ответил весь экипаж.

ЦВЕТУЩАЯ ПУСТЫНЯ

Из гавани Макао „Компас“ и „Астролябия“ вышли 5-го апреля 1787 года и направились к северу вдоль азиатских берегов Ла-Перуз держал путь в таинственное Японское море, где не был еще ни один европеец. Японское море расположено между Японскими островами и Азиатским материком. О его существовании в Европе знали из японских и китайских карт. Но карты эти были

так приблизительно и так отличались друг от друга, что доверять им не было никакой возможности.

Фрегаты прошли мимо острова Формозы и вошли в Корейский пролив, который служит входом в Японское море. Тут открытия посыпались на них одно за другим. Прежде всего они наткнулись на остров, которого не было даже на японских и китайских картах. Остров оказался густо населенным и хорошо обработанным. Ла-Перуз назвал его островом Дажеле. На остров Дажеле моряки не высаживались, но занесли на карту его берега и все мели, расположенные вокруг него. Это заняло много времени.

Покинув остров Дажеле, Ла-Перуз направился к западному побережью Японского моря. Неведомый западный берег этого моря носил у тогдашних географов название Манчжурии. Современная Манчжурия составляет только небольшую часть той огромной страны, которая обозначалась этим именем во времена Ла-Перуза. Она простиралась от Китая до русских владений на Охотском море. Европейцы знали о ней только по имени. Даже китайцы и японцы имели о ней самые смутные понятия.

Ла-Перуз уже много дней плыл на запад, а берег все не показывался. Если верить китайским картам, давно фрегат должен был находиться посреди суши, но вокруг него попрежнему простиралось необозримое море. Это служило новым доказательством того, как мало можно было верить картам азиатских географов. Ла-Перуз уже сомневался, существует ли Манчжурия на самом деле, или она всего только вымысел японских и китайских мудрецов.

Но 11-го июня он увидел впереди темносинюю полосу берега. Манчжурия не была вымыслом. Она существовала на самом деле. Новооткрытую землю приветствовали грохотом пушек.

Фрегаты Ла-Перуза подошли к берегу немного севернее того места, где впоследствии возник русский порт Владивосток. Берег был покрыт дремучим лесом, за которым подымались высокие горы. Пышность растительности поразила моряков. В подзорную трубу они видели исполинские ветвистые дубы и высокие кедры. С одного взгляда можно было определить, что почва необыкновенно плодородна. Но из-за густых древесных вершин не вырывалось ни одного дымка. Ни одной просеки, ни одной тропинки, ни одного возделанного клочка земли нельзя было заметить в этом цветущем краю. Край этот был необитаем.

Моряки стремились как можно скорее высадиться на берег. Но это оказалось совсем не простым делом. Они нигде не могли найти подходящей бухты. И, к довершению всего, вдоль берега тянулись мели, преграждавшие путь кораблям. А послать к берегу шлюпки Ла-Перуза не решился — после катастрофы в Америке он стал втрое осторожнее и не позволял шлюпкам отходить от кораблей на большое расстояние.

Фрегаты медленно поползли вдоль берега на север. Воздух был так чист и прозрачен, что моряки различали каждый камень, каждое дерево. Ла-Перуза и Берниэ трудились над составлением карты береговой полосы. Всем хотелось как можно скорее ступить на эту никогда еще не чужую землю. Но только 23-го июня удалось им отыскать удобную бухту.

Едва якоря коснулись дна, все шлюпки полетели к берегу. Дремучий лес подступал к самому морю. Деревья здесь были те же, что и в Европе. Но нигде еще морякам не приходилось видеть таких свежих и ярких оттенков листвы. На берегу бухты паслось большое стадо оленей. Увидев людей, высадившихся совсем близко от них, олени не проявили ни малейшего беспокойства и продолжали пастись, как ни в чем не бывало. Они видели людей впервые и поэтому несколько не боялись их. Они убежали только когда грянули выстрелы.

На опушку вылез огромный бурый медведь. Увидев возле воды сборище двуногих существ, он потянулся, зевнул, почесал лапой за ухом и медленно побрел по своим делам. Он не знал, что люди охотятся за медведями. Пущенная ему вслед пуля пролетела мимо, и он не обратил на выстрел ни малейшего внимания. Никогда еще человек не нарушал его безмятежного житья.

Но доверчивее всех оказались птицы. Они садились матросам прямо на плечи и спокойно клевали зерна у них из рук. Одни только дикие гуси, улетающие зимой в теплые края к берегам Китая, знали, что от человека лучше держаться на приличном расстоянии.

Дикие яблони, розы, лилии, ландыши были в полном цвету. В каждом дупле был пчелиный улей, и пчелы наполняли жужжанием весь лес. Речка, впадавшая в бухту, кишела рыбой. Моряки расставили там сети и в несколько часов наловили больше двадцати пудов трески. Кроме рыбы, в сетях запуталось много жемчужных раковин, внутри которых оказались крупные жемчужины.

Возле бухты моряки насыпали курган. На вершине кургана поставили столб и к столбу прибили доску с надписью, в которой указали год, месяц и число посещения этого побережья фрегатами Ла-Перуза.

САХАЛИН

27-го июня корабли покинули бухту. Несколько дней они шли вдоль берега на север, потом повернули на северо-восток. 6-го июля, едва Манчжурия скрылась из виду, они открыли большой гористый остров, заросший сосновыми лесами. Это был Сахалин, не известный европейцам и совсем неверно указанный на японских картах. Сахалинские горы с кораблей казались выше и отвеснее манчжурских. Самую высокую из них назвали пиком Ламанона. Кой-где на берегу виднелись низкие бревенчатые хижины, и из-за леса вздымались многочисленные дымки. Значит, Сахалин далеко не так пустынен, как соседняя Манчжурия.

Удобная бухта отыскалась почти сразу, и корабли бросили якоря. В первый день Ла-Перуз остался сидеть у себя в каюте, и на берег поехал капитан де-Лангль с несколькими офицерами. Возле того места, где они высадились, оказались две хижины. Де-Лангль направился к ним, держа в руках ценные подарки — топоры и бусы. Перед хижинами в землю был вбит длинный ряд кольев, на которых красовались отрубленные медвежьи головы.

— Сахалинским медведям живется не так привольно, как манчжурским, — сказал де-Лангль, входя в открытую дверь хижины.

Но в хижинах не было ни души. Туземцы, очевидно, покинули их совсем недавно, потому что зола в очагах была еще теплая. Должно быть, их напугал грозный вид кораблей.

Де-Лангль оставил подарки в хижинах и собирался уже возвращаться на корабль, как вдруг встретил на берегу семерых мужчин. Они были одеты в долгополые халаты, перетянутые кушаками. Халаты эти были сплетены из тонко нарезанной древесной коры, словно циновки или рогожи. Сахалинцы ходили босые, с непокрытыми головами. Только один седой длиннородый старик, у которого гноились глаза, носил нечто вроде фуражки с козырьком: козырек защищал его больные глаза от солнца. Туземцы встретили моряков очень приветливо. Де-Лангль стал знаками разговаривать с ними и был удивлен их понятливостью. Он объяснил им, что хочет знать очертания острова Сахалина и противоположного манчжурского берега. Тогда старик взял палку и начертил на песке самую настоящую карту. Точность этой карты была, конечно, очень приблизительна. Особенно неопределенно на ней получилось изображение манчжурского берега, потому что сахалинцы в Манчжурии никогда не были, а только видели ее издали, выезжая во время рыбной ловли далеко в море.

Сахалинцы своей приветливостью и понятливостью произвели очень хорошее впечатление на французов. У них был только один недостаток: все они невыносимо воняли протухшим жиром, которым мазали свои круглые желтые лица. Эта вонь напомнила морякам индейцев, живущих на берегу бухты, где погибли д'Эжюр и Маршенвилль.

У Сахалина корабли простояли несколько дней. Гавань, где они останавливались, была названа гаванью де-Лангля. Пролив, отделяющий Сахалин от Манчжурии, получил название Татарского пролива, потому что европейцы всех желтолицых жителей северной Азии считали в то время татарами.

Покинув гавань де-Лангля, „Компас“ и „Астролябия“ направились вдоль сахалинского побережья на юг. Ла-Перуз хотел определить самую южную точку нового острова. Это ему удалось. Ла-Перуз выяснил, что Сахалин тянется почти до острова Иезо — самого северного из Японских островов. Он провел свои фрегаты узким проливом, отделяющим Сахалин от Иезо, и вышел в Охотское море. Пролив между Сахалином и Иезо был назван проливом Ла-Перуза.

В ГОСТЯХ У РУССКИХ

Корабли шли к северо-востоку и приближались к русским владениям на полуострове Камчатке. Там экспедиции предстояло расстаться с Бартоломеем Лессепсом, который должен был сухим путем проехать всю Азию и доставить в Париж известия об открытиях Ла-Перуза. Скоро заметили длинную цепь безлюдных Курильских островов. Здесь Ла-Перузу посчастливилось найти до тех пор никому не известный пролив, который дал ему возможность выйти из Охотского моря в Тихий океан. Пролив этот он назвал проливом „Компаса“.

3-го сентября увидели берег Камчатки. С ужасом разглядывали моряки эту угрюмую, холодную

страну, на черных утесах которой уже лежал снег. После двухлетних скитаний по жарким, тропическим странам видеть снег в начале сентября было действительно странно.

Три дня спустя фрегаты вошли в Авачинскую бухту — самую удобную гавань на Камчатке. В глубине губы стоял русский городок Петропавловск. Вход в губу был узок, но очень глубок. А сама губа была так широка и просторна, что в ней без труда могли бы разместиться все корабли французского и английского флотов. Высокие береговые скалы служили надежной преградой для всех ветров, и даже в самую страшную бурю стоявшие в губе суда были защищены от волн и вихрей.

„Почему эта великолепная гавань находится в такой бедной, пустынной стране, а не у берегов Европы? — думал Ла-Перуз. — Ведь здесь она может служить убежищем только для жалких рыбацких лодок“.

Городок Петропавловск состоял из нескольких десятков бревенчатых изб и маленькой деревянной церкви. Изба губернатора была чуть побольше остальных. Ла-Перуз, войдя в гавань, по обычаю приветствовал город одиннадцатью пушечными выстрелами. На берегу в ответ одиннадцать раз охнула маленькая пушечка. Петропавловцы встретили гостей приветливо и восторженно. Этот крохотный, заброшенный на край света городок не был избалован частыми посещениями гостей. Жители Петропавловска готовы по целым дням разглядывать какого-нибудь курьера, приехавшего к губернатору из Охотска. Естественно, что появление множества блестящих иностран-

ных моряков, повидавших весь свет, было настоящим праздником для умирающих от скуки горожан.

Губернатор передал Ла-Перузу письма, прибывшие из Парижа через Сибирь. Но письма эти очень устарели, потому что почта через Сибирь шла в те времена не меньше года. Спустя несколько дней именитейшие жители города устроили бал, на который пригласили всех французских офицеров. Бал состоялся в избе губернатора. Гости расселись на деревянных нарах, стоявших по стенам избы. На балу присутствовали все петропавловские дамы — тринадцать женщин в платочках и шелковых платьях. Только три из них были русские, все остальные — широкоскулые желтолицые камчадалки. Разговор сначала не клеился, потому что один только губернатор говорил по-французски. Но потом явился Лессепс, который заговорил на ужасном русском языке. Он бессовестно коверкал слова, но все же его понимали, и он мог служить переводчиком.

— Я бил ф Петербург, — сказал Лессепс. — Я знагом ваш царица.

Услышав эти слова, русские чиновники повскакали со своих мест. У них ноги тряслись от страха. Никогда еще им не приходилось встречать человека, который был бы знаком с самой царицей. Он еще, пожалуй, скажет о них что-нибудь такое в Петербурге, и тогда — прощай, привольное житье, прощай, спокойный грабёж отданных им в полную власть камчадалов! Екатерина послушает этого пузатого французика и, приказав отрубить чиновникам носы и уши, сошлет их куда-нибудь в рудники. После этих слов Лессепс

стал пользоваться у русских бoльшим почетом, чем сам Ла-Перуз.

Заиграла гармошка, и начались танцы. Жители Петропавловска не умели танцевать, как танцуют в Париже, и поэтому французам поплясать не пришлось. Но зато остальные гости наплясались вволю. Они знали только одну пляску — русскую — и плясали ее до полуночи, к великому удовольствию французов, которым она очень понравилась. Потом стали просить камчадалок показать свои пляски. Те охотно согласились. Все десять женщин вышли на середину избы и начали трястись и извиваться под музыку, стоя на одном месте. В этом и заключался весь танец. Ноги танцорок не двигались, но зато руки и плечи судорожно сжимались и колыхались.

На другой день Бартоломей Лессепс, захватив письма Ла-Перуза, покинул экспедицию и отправился в дальний путь. Повинуясь распоряжению министра, Ла-Перуз отправил его из Петропавловска в Париж сухим путем, через Сибирь и Европейскую Россию. Дорога из Камчатки в Петербург была самая длинная дорога в мире. Чтобы проскакать ее всю из конца в конец, меняя лошадей в каждой деревушке и нигде не отдыхая, нужно было потратить по крайней мере год. В Петербурге Лессепс сядет на корабль и поедет во Францию.

Лессепс весело прощался со своими товарищами по путешествию. Море уже успело ему надоесть. Он радовался, что через год снова увидит блестящий петербургский двор.

Но моряки, узнав об его отъезде, нахмурились. Они нахмурились потому, что твердо верили в то,

что Бартоломей Лессепс — счастливчик и приносит экспедиции счастье. Моряки — народ суеверный. Они придавали огромное значение разным приметам. Матросы и даже многие офицеры твердили, что шлюпка Бутэна не погибла в проклятой бухте вместе со шлюпками д'Экюра и Маршенвилля только потому, что в ней находился Лессепс.

„Что будет с нами, когда он уедет?“ угрюмо думали эти бесстрашные люди.

— До свиданья! — весело говорил Лессепс, собираясь в дорогу. — Годика через два мы встретимся в Париже.

— Прошайте, — отвечали ему. — Кто знает, суждено ли нам когда-нибудь увидеться!

23-го сентября подняли паруса, и корабли вышли в море. Скалы Камчатки растаяли вдали.

ЦЫНГА

Из Камчатки Ла-Перуз направился прямо на юг. Экспедиции предстояло выполнить последнее поручение, данное ей морским министерством, — исследовать берега Австралии. В Северном полушарии наступила зима, нужно было снова спешить в Южное, чтобы застать там лето. Решено было пересечь Тихий океан с севера на юг по прямой линии, никуда не заходя, чтобы не терять времени. Шел уже третий год с тех пор, как наши путешественники покинули Францию. Моряки устали, стосковались по семьям, по родине. Матросы не были уже так веселы и усердны, как вначале. Офицеры надоели друг другу, начались

ссоры, недовольство. А до конца путешествия оставалось еще по крайней мере два года — год уйдет на исследование берегов Австралии и год на возвращение домой. Немудрено, что Ла-Перуз спешил.

В ноябре фрегаты в третий раз пересекли экватор. Устроенные по этому случаю торжества и игры прошли вяло, без оживления. Утомленным матросам не хотелось ни петь, ни плясать. Повееселились только четыре безобразника, которым удалось забраться в кладовую и похитить там боченок водки. Но и их веселье окончилось очень печально: Ла-Перуз приказал посадить их в карцер.

Утром 1-го декабря к Ла-Перузу подошел судовой врач. Лицо у доктора было мрачное, озабоченное.

— Капитан, — сказал он, — восемь человек придется снять с работы. У них началась цынга.

Болезнь впервые посетила корабли. До сих пор, за все время путешествия еще никто ничем не болел, кроме легкой простуды да гасморка. Цынга в те времена была особенно страшна, потому что ее не умели лечить. У человека пухли десны, вываливались зубы, отнимались руки и ноги, а врачи не знали, что предпринять. Болезнь эта происходит от несвежей пищи и лечится очень просто — сырой картошкой, луком, яблоками. Но врач Ла-Перуза и понятия не имел об этих средствах.

Больные не могли работать, и это сразу отразилось на всем экипаже. Уже после гибели в Америке двадцати одного моряка на кораблях ощущался недостаток рабочих рук. Теперь, с бо-

лезною восьми матросов, недостаток этот стал еще заметней, и на здоровых свалилось столько работы, что они с трудом с нею справлялись.

ОДНОГЛАЗЫЙ РАЗБОЙНИК

9-го декабря, рано утром, заметили землю. Это был архипелаг Самоа — кучка зеленых, веселых островов, разбросанных среди синего океана. Моряки, два месяца не видавшие суши, с завистью взирали на туземцев, которые валялись на траве, купались в прохладных ручьях, гуляли под сенью исполинских кокосовых пальм и ровно ничего не делали.

— Остановимся здесь хоть на денек, — приставали к Ла-Перузу офицеры. — Надо дать команде отдохнуть. Может, и больным станет легче, если они побывают на твердой земле в такой здоровой и приятной местности.

Ла-Перуз спешил в Австралию и не хотел терять даже часа. Но офицеры так дружно упрашивали его, что он согласился.

Решено было высадиться на остров Мануа, потому что на нем никогда еще не был ни один европеец. Кудрявые головы кокосовых пальм приветливо кивали утомленным морякам. Маленькие быстрые птички весело щебетали, кружась вокруг мачт.

Как всюду, навстречу фрегатам тотчас же понеслись туземные лодки. Завязалась торговля. Туземцы навезли бананов, ананасов, кокосовых орехов, свиней, кур, рыбы. Они смело влезали на палубу; ни у кого не было никакого оружия, да-

же дубин. В обмен на свои товары они требовали тряпок и бус — железо было им незнакомо, и они не понимали его пользы.

После обеда Ла-Перуз с отрядом человек в соток отправился на берег. А де-Лангль, с географом Бернизэ и десятью матросами, поплыл на шлюпке вдоль острова, чтобы занести его берега на карту.

Ла-Перузу и его спутникам надоел пустынный океан. Раем показался им цветущий, плодородный, богатый остров. На берегу их встретила толпа веселой детворы.

— Пойдемте в глубь острова! — кричали офицеры. — Оттуда не видно проклятого моря.

Ла-Перуз оставил шлюпку под охраной четверых матросов и пошел со своим отрядом по единственной улице дикарской деревушки. Деревушка эта ничем не отличалась от деревень гавайских островов — такие же соломенные хатки, похожие на перевернутые корзины, такие же жирные свиньи. Жители тоже почти не отличались от гавайцев и показались французам еще привлекательнее — стройные, крепкие, подвижные красавцы. В деревне оставались только женщины, дети и старики: все мужчины на лодках шныряли вокруг фрегатов, стараясь что-нибудь продать. Туземцы поразили Ла-Перуза своим необыкновенным здоровьем. Но, увидев отвратительную язву на ноге одной девушки, Ла-Перуз понял, что этот чудесный край посещает проказа.

За деревней началась апельсиновая роща, полная сочных плодов и пестрых хохлатых попугаев. Длинными рядами росли банановые деревья, с которых свисали грозди бананов — каждая гроздь

по несколько пудов весом. Поразительно плодородие этой земли! Сотая часть этих бананов и апельсинов шла в пищу человеку, десятая часть в пищу свиньям, а все остальное сгнивало и превращалось в чернозем.

Окруженные голой гогочущей толпой французы дошли до подножия холма, поднимавшегося в середине острова, и повернули назад.

А четыре матроса, оставленные сторожить лодку, в это время изнывали от жары. Лодка стояла на самом солнцепеке, и тропическое солнце жгло без всякой жалости. Они поминутно поливали друг друга водой, но от этого нисколько не становилось легче. А между тем шагах в десяти от лодки росло большое тенистое дерево, под ветвями которого можно было укрыться от зноя. И матросы решили сторожить лодку поочередно: один будет сторожить, а трое — лежать под деревом.

Тот, которому пришлось сторожить первому, уселся на носу лодки, глядя в сверкающее море. Жар и блеск утомили его. Он закрыл глаза. И вдруг за спиной он услышал шорох. Обернувшись, он увидел огромного дикаря, который стоял посреди лодки, размахивая веслом. Один глаз островитянина злобно блестел, на месте другого была гнойная рана.

— Брось весло, — сказал сторож.

Но дикарь захохотал и пошел, шагая через скамейки, ему навстречу. Он замахнулся веслом над головой матроса. Матрос увернулся от удара. свистнул и кинулся на врага с кулаками. Дикарь выронил весло, и начался кулачный бой. Они вертелись в узком пространстве между двумя ска-

*Ла-Перуз пошел со своим отрядом по единственной улице
дикарской деревушки.*

мейками. Француз оказался неплохим бойцом, но все же островитянин был сильнее. Два голых мальчика, разинув рты, следили за поблищем. Француз ослабевал.

Но ему на помощь несло уже трое товарищей. Сильные руки обхватили буйна сзади. Он был мигом поднят на воздух. Моряки раскачали его и вышвырнули из лодки в воду.

Дикарь поднялся мокрый и ушел, бормоча что-то под нос. На берегу снова стало тихо — зной, песок, пальмы и море.

ВОДА И КРОВЬ

Вернувшись на „Компас“ с прогулки, Ла-Перуз застал у себя в каюте капитана де-Лангля.

— Ну, как вы проехали, де-Лангль? — спросил Ла-Перуз.

— Превосходно, — ответил де-Лангль, весело улыбаясь. — Остров объехать кругом нам не удалось, он слишком велик, но зато мы открыли очаровательную маленькую бухточку, в которую впадает быстрая речонка. Эта бухта вон там, за тем мысом. Вода в речке отличная, известковая, гораздо вкусней той, которую мы забрали на Камчатке. Нашу воду пить нельзя, она протухла в трюме и пахнет болотом. Нам не мешает сделать новый запас воды.

— Мы запасемся водой в Австралии, — сказал Ла-Перуз. — Нельзя терять больше ни одного дня. Сегодня же вечером мы должны сняться с якоря. Воды, взятой на Камчатке, нам хватит еще недели на три.

— Не могу с вами согласиться, — настаивал де-Лангль. — Мы здесь потеряем один день, но зато наши больные скоро поправятся, потому что свежая вода при цынге — лучшее средство. С больной командой мы рискуем потерять гораздо больше времени. Если болезнь станет развиваться, мы застрянем где-нибудь на полдороге, потому что некому будет работать.

Ла-Перуз задумался. Цынга не на шутку тревожила его. Слова де-Лангля, пожалуй, не лишены основания. Больные, побывавшие сегодня на берегу, заявили, что чувствуют себя гораздо лучше.

— А удобно ли в вашей речке наливать воду? — спросил он.

— Удобнее места не сыщешь, — ответил де-Лангль. — Глубокая просторная бухта, защищенная со всех сторон от ветра. Все наши шлюпки свободно разместятся в ней. Да и от деревни довольно далеко, так что островитяне не слишком станут надоедать своим любопытством. Мы наполним бочки обеих кораблей за какие-нибудь три часа. Я сам берусь руководить всей работой.

— Хорошо, — сказал Ла-Перуз. — Будь по-вашему. Я согласен. Вы достаточно опытный моряк, и я не стану с вами спорить. Мы снимаемся с якоря завтра вечером.

На другой день с раннего утра закипела работа. Из трюмов обеих фрегатов выкатили тяжелые бочки с протухшей, вонючей водой и выливали ее за борт. Пустые бочки складывали в огромные, неповоротливые шлюпки, специально для этого предназначенные. В одну такую шлюпку помещалось пятнадцать бочек. Работа была нелегкая. Островитяне, во множестве приехавшие на кораб-

ли со своими товарами, мешали и путались под ногами. Но матросы трудились прилежно, потому что радовались возможности снова побывать на твердой земле.

В два часа дня, после обеда, все три шлюпки отправились в путь. Во главе отряда стоял сам капитан де-Лангль. Он командовал первой шлюпкой. Командирами двух других шлюпок были назначены лейтенанты Бутэн и Мутон. В шлюпку Бутэна сел неутомимый Ламанон. Цынготных больных усадили в шлюпку к Мутону. Всего во всех трех шлюпках было пятьдесят матросов-гребцов, в том числе и те четверо, которые вчера подрались с одноглазым великаном. Для защиты отряд от нападений де-Лангль захватил с собой шесть бравых морских солдат под начальством поручика де-Вожуа. Итак, за водой вместе с де-Ланглем отправилось больше семидесяти человек.

Весело тронулись в путь. Матросы дружно налегли на весла. Де-Лангль указывал дорогу. В полчаса обогнули мыс, и фрегаты скрылись из виду.

— Где же бухта? — спросил Бутэн, подъезжая к капитанской шлюпке.

Капитан де-Лангль в недоумении оглядывал берег. Неужели эта узкая полоска воды, отделенная от моря непроходимыми рифами, та самая удобная полноводная бухта, которую он видел вчера утром? Да ведь в эту мелкую заводь и не войти, а если войдешь, так, пожалуй, не выберешься.

Матросы перестали грести. Все глядели на де-Лангля, ожидая, что он скажет. Но де-Лангль молчал.

— Придется повернуть назад, — произнес лейтенант Мутон.

— Повернуть назад невозможно! — закричал Бутэн. — Ведь мы вылили из бочек всю воду. Как же мы без воды доберемся до Австралии?

— Но ведь тут есть и другие ручьи, — сказал кто-то.

— В других ручьях так мало воды, что нам придется простоять здесь две недели, чтобы наполнить все наши бочки, — ответил Бутэн.

Положение действительно было не из приятных. Де-Лангль осрамился перед своими подчиненными. Он сразу понял, что произошло. Вчера он проезжал тут утром, во время прилива, когда бухта была полна воды. А теперь отлив, бухта обмелела, рифы, заграждающие вход, выступили на поверхность. Все это понятно, но как он, морской волк, с детства шныряющий по океанам, мог совершить такую пустую и глупую ошибку? О, какой стыд, какой позор!

Чтобы окончательно не уронить своего авторитета, де-Лангль властно приказал:

— Вперед!

Шлюпки должны вернуться на фрегаты с водой, иначе он не посмеет показаться на глаза Ла-Перузу. Ведь Ла-Перуз только по его просьбе отложил отъезд.

Между рифами действительно оказался узкий проход, сквозь который шлюпки гуськом вошли в бухту. В бухте воды было едва по пояс. Прежде чем добраться до устья речонки, капитанская шлюпка дважды садилась на мель, и матросы прыгали в воду, чтобы руками протолкнуть ее дальше. Хотя до деревни было довольно далеко,

но на берегу стояло человек сто стариков и женщин. Они все как будто чего-то ждали и неодобрительно поглядывали на гостей.

Де-Лангль соскочил на прибрежный песок. Он расставил полукругом шестерых солдат с ружьями наготове, приказав им не подпускать туземцев к месту наливки ближе чем на десять шагов.

— Но без моей команды не стрелять! — распорядился он. — Кто выстрелит самовольно — сядет в карцер.

Шлюпки остановились в том самом месте, где узкая мелкая речонка впадала в бухту. Вода оказалась вкусная, свежая, но к сожалению, ее было слишком мало. Для того, чтобы наполнить сорок пять сорокаведерных бочек, придется проторчать здесь полдня.

Ближе всех к берегу стояла капитанская шлюпка. Рядом с нею шлюпка Бутэна. Рядом с бутэновской шлюпкой — борт к борту — шлюпка Мутона. Загремели ведра, закричала работа.

А между тем толпа на берегу все прибывала. Женщины с ребятами на руках одна за другой тащились по тропинке из деревни. Солдаты выбились из сил. Женщины со всех сторон наседали на них, стараясь поближе пробраться к шлюпкам. Только удавалось прогнать одну островитянку, как на ее место пролезало десять. Где шестерым солдатам справиться с несколькими сотнями любопытных, ничего не боящихся женщин!

Отлив продолжался, и бухта скоро настолько обмелела, что ее всю можно было перейти пешком, не замочив колен. Шлюпки не могли уже сдвинуться с места. Нечего и думать о том,

чтобы уйти из этой западни раньше, чем начнется прилив. А это будет часа через два.

Женщины между тем все прибывали и прибывали. Они шли к берегу бухты вовсе не для того, чтобы поглазеть на французов. Не любопытство влекло их сюда. Они чего-то ждали.

Де-Лангль только тогда понял, чего ждут все эти старики, женщины и дети, когда в бухту с веселым гиканьем влетела дюжина дикарских пирог. Бухта служила дикарям портом. Это был великолепный порт, потому что пирога могла плыть, даже если воды всего какой-нибудь фут. Пироги были доверху наполнены французскими товарами — раскрашенным холстом, стекляшками, зеркальцами, медными пуговицами, оловянными ложками. Да, Ла-Перуз неплохо поторговал сегодня, пока де-Лангль возился с водой.

За первой дюжиной пирог появилась вторая, за нею третья. Воздух звенел от криков. На берегу начался настоящий базар — дикари перепродавали друг другу французские тряпки, украшали ими своих жен, наперебой хвастали добычей.

Работать стало почти невозможно. С появлением мужчин толпа уже не обращала на солдат никакого внимания. Дикари бесцеремонно вскакивали в шлюпки. Матросам с трудом удалось выбросить их оттуда за борт. Две пироги поплыли вверх по речонке и замутили веслами всю воду. Пришлось на четверть часа прекратить работу и ждать, пока ил снова осядет на дно.

Всё началось медленно, едва заметно, подыматься. Моряки облегченно вздохнули. Прилив принесет им освобождение.

А на берег прибывали все новые и новые толпы. Это из дальних деревень приходили островитяне перекупать французские товары. Вокруг шлюпок сгрудилось не менее двух тысяч человек. Солдаты, расставленные де-Ланглем на берегу, были оттеснены в воду. Когда дикарей просили подвинуться и не мешать работать, они рычали и скалили зубы. Они уже не скрывали своей враждебности к белым.

В толпе появился одноглазый великан, напавший вчера на матроса, сторожившего шлюпку. Он не интересовался ни тряпками, ни стеклянками, он шел прямо к берегу, неся в руке большой камень. Толпа расступалась перед ним. Говор смолкал при его приближении. Он остановился, взмахнул рукой, камень взлетел и упал в воду. Одноглазый промахнулся.

Солдаты подняли ружья.

— Не стрелять! — кричал де-Лангль.

Он хотел во что бы то ни стало избежать кровопролития. Выдержать бой с двумя тысячами дикарей невозможно. У многих матросов нет ружей. Шлюпки стоят на мели и не в состоянии сдвинуться с места. Фрегаты находятся по ту сторону мыса, и Ла-Перуз не может увидеть, не может помочь.

— Не стрелять! — снова крикнул он, и солдаты опустили ружья.

И тотчас же град камней посыпался им на головы. Солдаты попадали, обливаясь кровью. Их начальник поручик де-Вожуа помчался по мелководью к капитанской шлюпке. Человек триста сорвалось с берега и понеслось за ним вдогонку, далеко разбрызгивая воду.

— Пил — завотил Вутэн.

— Пли! — заорал де-Лангль.

Матросы лихорадочно побросали свои ведра и, толкаясь, мешая друг другу, стали доставать ружья, сложенные под скамейками.

Де-Лангль выстрелил первый и промахнулся. Де-Вожуа упал возле самой капитанской шлюпки. Череп его был раскроен камнем. Падая, он схватился за камзол де-Лангля и стащил капитана из шлюпки в воду.

Сотни рук разорвали де-Лангля на части.

Так погиб капитан де-Лангль.

Камни обрушились в капитанскую шлюпку. Матросы попадали за борт. Тот, кто падал в сторону дикарей, уже не вставал. Спаслись только те, что упали в проход между капитанской шлюпкой и шлюпкой Бутэна.

— Пли! — завопил Бутэн.

Грянуло несколько ружей. Одноглазый взмахнул руками и упал. С ним попадало еще шесть или семь человек. Дикари в замешательстве пятились.

— Пли! — крикнул лейтенант Мутон.

Снова залп, и уйицы капитана де-Лангля пустились наутек. Но толпа с берега напирала по-прежнему. Задние ряды давили на передние. Вид крови свел дикарей с ума. Сейчас будет новая атака, а кремневые ружья так скоро не зарядишь, на зарядку уйдет несколько минут.

И вдруг Бутэн почувствовал, что его шлюпка шевелится. Прилив поднял ее и закачал на волнах. Море принесло им освобождение.

— За весла! — скомандовал Бутэн.

Но матросы схватились за весла и не дожидаясь команды. Шлюпка лейтенанта Мутона уже

неслась впереди прямо к узкому проходу между рифами. Шлюпка Бутэна помчалась за ней. Грести оказалось нелегко, потому что обе шлюпки были переполнены ранеными, которые лежали под скамьями, обливаясь кровью. Моряки напрягли все силы, чтобы скорее вырваться в открытое море.

Дикари на берегу взвыли от отчаяния, увидев, что враги ускользнули из их рук. Это был нечеловеческий вой, от которого задрожали прибрежные скалы. Но, опомнившись, они со всех ног пустились бежать вокруг бухты, чтобы взобраться на рифы, прежде чем шлюпки французов успеют выйти в море.

Мутону удалось опередить дикарей. Он провел свою шлюпку сквозь пролив, прежде чем они вскарабкались на рифы. Но зато Бутэну не повезло. В проливе его шлюпка подверглась ураганному обстрелу булыжниками с обеих сторон. Островитяне были искусные камнеметатели. Каждый из них без труда мог швырнуть двухфунтовый булыжник на двадцать—тридцать шагов. Тяжелые камни посыпались на несчастную шлюпку, кроша весла, скамьи и бочки, проламывая черепа. Одним из первых упал Ламанон, пораженный камнем в голову. Бутэн кинулся к нему, но ученый был уже мертв. Вряд ли хоть один человек остался бы жив после этого обстрела, если бы лейтенант Мутон не дал залпа по рифам из своей шлюпки. Дикари отступили, и шлюпка Бутэна вышла в море. На ней оставалось не больше десяти человек, способных держать весла. Раненые громко стонали, мертвецы лежали вповалку. У Бутэна была сломана правая рука.

С капитаном де-Ланглем за водой отправилось больше семидесяти человек. А на фрегаты вернулось только сорок девять, да и то почти все израненные и искалеченные.

— Мы требуем мести! — кричали моряки. — Капитан де-Лангль не сделал им ничего дурного — за что же они его убили? Нужно показать, что мы не так беспомощны и беззащитны, как они думают. Мы должны проучить это подлое племя!

Ла-Перуз и сам кусал губы от злости. Де-Лангль был его другом, его лучшим помощником. Но стоит ли мстить дикарям? Ведь они, в сущности, напали на белых без злого умысла, а случайно — от толкотни, жары и возбуждения. Обстреливать остров из пушек бессмысленно, канонада разрушит две-три соломенных хижины, на месте которых завтра же будут выстроены другие. А карательная экспедиция в деревню окончится гибелью еще нескольких моряков. Нет, и без того их осталось так мало, что они едва справляются со своими фрегатами. Если погибнет еще человек десять — пятнадцать, придется сжечь „Астролябию“ и продолжать путь на одном „Компасе“.

Надо спешить. Воды, привезенной на двух шлюпках, до Австралии хватит.

— Эй, подымай якоря! — закричал Ла-Перуз.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

В конце января 1788 года возле восточного побережья Австралии шло небольшое парусное судно под английским флагом. В судне этом не

было ничего достопримечательного, кроме трюма. Трюм действительно был непохож на трюмы других судов. Его пересекали вдоль и поперек чугунные решетки.

Командовал этим судном капитан Филипп. Он отвез в Австралию каторжников, которых британское правительство решило поселить в этой далекой, пустынной, почти неведомой стране. И теперь налегке возвращался домой. Чугунные клетки, в которых так недавно томились заключенные, опустели. Их обитатели бродили теперь по бескрайним австралийским равнинам, добывая себе пропитание охотой на кенгуру и грабежом туземцев.

Капитан Филипп не был на родине больше года и очень спешил. Путешествие началось благополучно, ветер дул попутный.

Однажды утром, разглядывая горизонт в подзорную трубу, капитан Филипп заметил два больших фрегата, которые быстро шли ему наперез. Капитан Филипп был смущен. Он не слышал, чтобы британское правительство собиралось посылать военные суда в австралийские воды. Но, заметив на фрегате французский флаг, капитан Филипп смутился еще больше. Англия и Франция за последние десятилетия много раз воевали друг с другом. Последняя война окончилась всего четыре года тому назад. Быть может, за то время, что он не был на родине, война вспыхнула вновь? Капитан Филипп глянул на жерла многочисленных орудий, украшавших борты фрегатов, потом на две свои старые пушки и решил, что дело его плохо.

А между тем с фрегатов уже заметили корабль капитана Филиппа и направились прямо к

нему. Что делать? Удрать? Но быстроходные фрегаты без труда догонят его. Попытка к бегству, пожалуй, разозлит французов. Капитан Филипп во всем положился на судьбу, убавил ход и стал ждать.

Через полчаса, поручив управление кораблем своему штурману, он сел в шлюпку и отправился в гости на фрегат „Компас“. Спустили трап. Поднявшись на палубу, капитан Филипп опытным взором моряка сразу заметил, что на французском фрегате не все благополучно. Почему на таком огромном военном корабле такая немногочисленная команда? Недостаток рабочих рук ощущался и в неубранной, невытой палубе и в перепутанных, плохо закрепленных канатах. Какие изможденные, усталые лица у матросов, какая у них порванная, выпачканная одежда! Но капитан Филипп ничего не сказал французам. Он привык держать свои соображения при себе.

— Вас просит к себе капитан Ла-Перуз, — обратился к нему пожилой офицер, рука которого была забинтована и подвешена к груди.

Филипп прошел вслед за лейтенантом Бутэном в капитанскую каюту.

По радостному лицу Ла-Перуза капитан Филипп понял, что Англия и Франция находятся в мире. Ла-Перуз принял угрюмого английского тюремщика, как родного. Он усадил его в кресло.

— Вы едете на родину, капитан Филипп? — спросил он по-английски.

Ла-Перуз во время последней войны побывал в английском плену и там познакомился с английским языком.

— Да, я возвращаюсь из Австралии в Ливерпуль, — по-французски ответил Филипп.

Капитан Филипп во время последней войны побывал во французском плену и там научился (правда, далеко не в совершенстве) говорить по-французски.

— У меня к вам большая просьба, — сказал Ла-Перуз. — Будьте так любезны, отвезите в Европу мои письма.

— С удовольствием.

— Вы очень меня обяжете, — продолжал Ла-Перуз. — Прежде чем отправиться домой, я должен осмотреть берега Австралии, посетить Новые Гебриды и острова Дружбы. На это уйдет по крайней мере год. Вы вернетесь в Европу на целый год раньше, чем я. А я обещал морскому министру, что при каждом удобном случае буду оповещать его о моем плаванье и о моих открытиях.

Взглянув в глаза своему гостю, Ла-Перуз понял, о чем тот думает. Капитан Филипп думал, что, если фрегаты еще год пробудут в Тихом океане, они никогда не вернутся домой.

— Нас постигли большие несчастья, — продолжал Ла-Перуз. — Мы потеряли пятьдесят человек, и все самых лучших моряков. Вместе с ними погиб и командир „Астролябии“, капитан де-Лангль. Теперь „Астролябией“ управляет один из лейтенантов. Вот уже два месяца нас не оставляет цынга. „Компас“ скоро превратится в больничную палату. Здоровые выбились из сил, недосыпают, недоедают и все же не могут справиться со своей работой. А отдохнуть им удастся только на родине — через два года. Но мы не унываем.

Мы знаем, что плаванье вокруг земного шара не увеселительная прогулка. Мы либо выполним возложенные на нас поручения, либо погибнем. Ведь мы не унываем, Бутэн?

— Не унываем, капитан, — ответил Бутэн.

Капитан Филипп пообедал на „Компасе“, распил с Ла-Перузом заветную бутылку бургундского, хранившуюся в кладовой фрегата, взял пакет с письмами и отправился к себе на корабль.

Письма он добросовестно доставил в Европу. Это была последняя весть, которую прислал о себе капитан Ла-Перуз. С тех пор в Европе ничего не слыхали ни о капитане Ла-Перузе, ни о его фрегатах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АДМИРАЛ Д'АНТРАСТО ХОЧЕТ ПРОСЛАВИТЬ СВОЕ ИМЯ

Прибыв в Лондон, капитан Филипп передал письма Ла-Перуза британскому адмиралтейству. Лорды адмиралтейства не торопились отправлять их в Париж. Англия, после путешествий Кука, смотрела на все тихоокеанские земли как на свои будущие колонии. Англичанам вовсе не нравилось, что французы тоже пытаются делать открытия в Тихом океане. Письма Ла-Перуза были в Лондоне вскрыты и тщательно изучены. Это изучение заняло много месяцев. И только тогда их отправили по адресу во Францию.

А между тем во Франции произошли большие перемены. Народ не в состоянии был больше терпеть королевских и дворянских притеснений. Парижская толпа взяла приступом крепость-тюрьму Бастилию. И королю пришл сь пойти на уступки. Его заставили передать часть своей власти Законодательному собранию, избранному народом.

Но это было только начало. Революция росла и ширилась с каждым днем. Среди парижских

ремесленников и рабочих ходили толки о необходимости провозгласить республику. Дворяне, выгнанные крестьянами из их поместий, бежали за границу, ища помощи и защиты у иностранцев. Король тоже мечтал о бегстве, чтобы вместе с королями соседних государств пойти войной против своего народа. Где уж тут помнить о капитане Ла-Перузе, исчезнувшем в Тихом океане!

О нем помнил только один человек — адмирал д'Антрасто, тот адмирал д'Антрасто, который хотел сам плыть в Тихий океан вместо Ла-Перуза. Ла-Перуз не вернулся в срок, и д'Антрасто понял, что с ним случилось несчастье.

Письма Ла-Перуза, привезенные капитаном Филиппом, попали, наконец, после долгих мытарств, во французское Географическое общество. Прочитав их, ученые поняли, что уже тогда, когда письма эти писались, экспедиция находилась в катастрофическом положении. Решено было разыскать исчезнувшую без вести экспедицию и, если возможно, оказать ей помощь. На этом особенно настаивал ботаник Ла-Биллардьер, друг Ламанона, того самого Ламанона, который был убит дикарями Самоа вместе с капитаном де-Ланглем. Ла-Биллардьер был знаком с многими членами Законодательного собрания и уговорил их поднять вопрос о помощи Ла-Перузу. Законодательное собрание постановило отправить в Тихий океан два корабля — фрегат „Поиск“ и бриг „Надежду“ — и поручить им отыскать экспедицию Ла-Перуза.

Узнав об этом постановлении, адмирал д'Антрасто всполошился. Он хотел, чтобы его назначили начальником кораблей, посланных на ро-

Адмирал д'Антрасто.

зыски Ла-Перуза. Впрочем, к Ла-Перузу д'Антракasto не питал никаких симпатий. Ла-Перуз был его соперником, и честолюбивый адмирал ненавидел Ла-Перуза от всей души. Но у д'Антракasto были очень веские причины, почему он хотел отправиться на поиски Ла-Перуза.

Д'Антракasto был монархистом и контрреволюционером. Он со злобой следил за успехами революции, он боялся, что она не пощадит и его. Он понимал, что ему не мешает убраться из Франции, пока не поздно, убраться куда угодно, хотя бы на Тихий океан. Но Тихий океан привлекал его и сам по себе. Он был убежден, что стоит ему попасть в этот океан, как он сразу откроет множество богатых, никому неизвестных земель. Пока он будет плавать по Тихому океану и осчастливливать мир своими открытиями, король, конечно, раздавит „взбунтовавшуюся чернь“, вернет дворянам их земли, и все пойдет по-старому. Возвратившись, адмирал д'Антракasto будет пользоваться небывалою славою до конца своих дней.

И он немедленно решил использовать все свои связи, чтобы его назначили начальником отправляющихся в Тихий океан кораблей. Связи у него были огромные. Революция еще не успела поставить на все посты своих людей, и в морском министерстве еще сплошь сидели старые королевские чиновники. Мысль отдать оба корабля под начальство адмирала д'Антракasto им очень понравилась. Адмирал д'Антракasto был свой человек, а не какой-нибудь революционный булочник или сапожник. Просьбу его уважили без дальних разговоров.

Адмирал выбрал себе помощников из таких же монархистов, как он сам. Капитаном брига „Надежда“ он назначил своего приятеля Гюона де-Кармадека. А старшим лейтенантом на фрегате „Поиск“ был лучший друг адмирала — маркиз д'Орибо. Таким же образом он подобрал и всех остальных офицеров. Революционерами на обоих кораблях оказались только простые матросы да ботаник Ла-Биллардьер, сопровождавший д'Антракasto по постановлению Географического общества.

28-го сентября 1791 года „Поиск“ и „Надежда“ под начальством адмирала д'Антракasto вышли из Бреста в открытое море на розыски кораблей Ла-Перуза, покинувших этот порт за шесть лет перед тем.

НА ВЕРШИНЕ ТЕНЕРИФСКОГО ПИКА

Едва берега Франции скрылись из виду, как всем стало ясно, что адмирал д'Антракasto не потерпит у себя на кораблях революционных разговоров. Сразу же было строго запрещено всякое обсуждение политических событий. Обращение офицеров с матросами круто изменилось. Они не называли их больше „гражданами“, как в Бресте, они кричали на них и за малейшее непослушание сажали в карцер. Часто устраивались молебны, в которых экипаж должен был просить бога даровать долголетие и здоровье римскому папе, французскому королю и всему начальству. Немудрено, что матросы, все до единого сторонники революции, с самого начала путешествия были угрюмы и озлоблены.

13-го октября „Поиск“ и „Надежда“ прибыли к острову Тенерифу. Ла-Биллардьер решил во что бы то ни стало забраться на вершину пика.

— Меня письменами дьявола не остановишь, — хвастался он. — Монерон и Ламанон слишком полагались на своих проводников. А мне проводники не нужны.

В спутники себе он выбрал здорового матроса, и они вдвоем налегке отправились в путь. Для восхождения они воспользовались не тем склоном пика, по которому карабкались их предшественники, а противоположным. Это очень удлинило дорогу, потому что два дня им пришлось проплутать у подошвы горы, но зато выбранный ими склон оказался гораздо более пологим. Добравшись до соснового леса, они вступили в полосу густого едкого тумана. В двух шагах они не видели друг друга. Туман этот был большой тучей, нависшей над островом. Усталые, озябшие, промокшие до костей, они лезли все выше и выше и, наконец, выбрались из проклятой тучи. В синем небе над ними сверкала лысая острая вершина пика. Под ними простиралось облако, похожее на клокочущий океан.

— Глядите, глядите! — в страхе закричал матрос. — Нас здесь сторожат великаны! Недаром испанцы внизу говорили, что вершина этой горы заколдована.

Ла-Биллардьер обернулся. В первую секунду он и сам был испуган. В воздухе под ним реяли два огромных великана, ростом в версту.

— Это наши тени! — вскричал ученый, оправившийся, наконец, от изумления. — Наши тени легли на облако. На таких исполинских горах это часто

случается. Видишь, я подымаю ногу — и великан подымает ногу, я подымаю руку — и великан подымает руку.

Действительно, великан поднял сначала полустертовую ногу, потом такую же руку. Матрос захохотал и принялся прыгать, заставляя своего великана принимать самые забавные позы.

Налюбовавшись этим веселым зрелищем, оба путника полезли дальше. Часто отвесные скалы преграждали им путь, но всякий раз им удавалось найги какую-нибудь боковую тропинку, по которой можно было двигаться вверх. Они на четвереньках ползли по каменным карнизам, боясь глянуть вниз, в пропасть. Они с разбега перепрыгивали через ущелья. Лес кончился. Кругом были мох да камни. На многих камнях они находили высеченные гуанчами надписи. Ла-Биллардьер тщательно перерисовывал их к себе в тетрадку.

После четырехдневного восхождения им, несмотря на все трудности, удалось — первым из всех европейцев — достигнуть вершины Тенерифского пика. Три дня спустя они, полумертвые от голода и усталости, вернулись на „Поиск“. Путешествие к вершине горы заняло больше недели.

ЧЕСТОЛЮБИЕ И УПРЯМСТВО

23-го октября корабли д'Антракосто покинули остров Тенериф и направилась к мысу Доброй Надежды — самой южной оконечности Африки. Ла-Перуз достиг Австралии, плывя с востока на за-

пад, обогнув Америку, а д'Антраксто хотел попасть в Австралию, плывя с запада на восток, и ему предстояло обогнуть Африку. Путь вокруг Африки был короче, известнее и менее труден. Возле мыса Доброй Надежды расположен город Капштадт, принадлежавший в те времена Голландии. 18-го января 1792 года „Поиск“ и „Надежда“ вошли в гавань Капштадта.

В гавани стоял большой торговый английский корабль, на корме которого была надпись „Сириус“. „Сириус“ уже готовился к отплытию и подымал паруса. Увидев входящие в гавань французские корабли, командир „Сириуса“, капитан Гэнтер, решил посетить адмирала д'Антраксто. Таков был обычай: капитаны судов, стоящих на одном рейде, навязывают друг другу визиты. И едва французы бросили якоря, как на „Поиск“ явился капитан Гэнтер, привезя адмиралу в подарок ящик индийского вина. Д'Антраксто, человек надменный и гордый, встретил гостя учтиво, но холодно. Капитан Гэнтер попробовал завязать разговор, но д'Антраксто отвечал односложно и с явной неохотой. Тогда замолчал и Гэнтер. Просидев полчаса в адмиральской каюте и не сказав почти ни слова, английский капитан попрощался. Ла-Биллардьер вышел его провожать.

— Скажите, какая цель вашего плаванья? — спросил его на палубе англичанин. — Если это, конечно, не тайна...

— Совсем не тайна, — ответил Ла-Биллардьер. — Мы отправлены на розыски пропавших кораблей Ла-Перуза. Попутно мы рассчитываем заняться научными исследованиями и открытиями.

Капитан Гэнтер задумался, ничего не сказал, сел в шлюпку и уехал. Через полчаса „Сириус“ покинул Капштадтскую гавань и отправился в Англию.

Д'Антраксто поехал в город, чтобы посетить голландского губернатора. Вернувшись на „Поиск“, он вызвал к себе капитана Гюона де-Кармадека и Ла-Биллардьера.

— Господа, — сказал д'Антраксто. — Губернатор передал мне письмо, оставленное для меня одним французским судном месяц тому назад. Письмо это необходимо обсудить. Вот оно:

„Адмирал!“

В Калькутте мне сообщили очень важное известие. Некий Гэнтер, капитан английского торгового судна „Сириус“, плывя в прошлом году мимо островов Адмиралтейства, видел там дикарей, одетых в мундиры моряков французского флота. У меня явилась мысль, что несчастный капитан Ла-Перуз погиб у Адмиралтейского архипелага и фрегат его был разграблен туземцами. Считаю долгом поставить вас об этом в известность.

Командующий военными и морскими силами Франции в Ост-Индии

Генерал Сен-Феликс“.

— Невероятно! — вскричал Гюон де-Кармадек когда д'Антраксто кончил читать. — Каким образом Ла-Перуз мог попасть к островам Адмиралтейства? Ведь в бумагах, привезенных капитаном

Филиппом, ясно указано, что Ла-Перуз собирался сначала осмотреть берега Австралии, потом отправиться к островам Дружбы, а оттуда к Новым Гбридам. Да так было ему предписано и инструкцией морского министра. Адмиралтейский архипелаг расположен к северу от Новой Гвинеи, и туда Ла-Перузу было совсем не по пути.

— Я хорошо знал капитана Ла-Перуза, — сказал д'Антракто, бледнея от гнева. — Я имел несчастье быть его начальником. Он сумасброд и выскочка. От него можно ждать всего, чего угодно. Не стоит слишком доверять его словам. Он мог сказать, что едет на юг, а отправиться на север.

— Не стану с вами спорить, адмирал, — возразил Гюон де-Кармадек. — Но до встречи с капитаном Филиппом Ла-Перуз весьма точно исполнял инструкцию морского министра.

— Признаться, я не слишком доверяю письму генерала Сен-Феликса, — заметил Ла-Биллардьер. — Сен-Феликс не видел капитана Гэнтера. Он пишет по слухам. Капитан Гэнтер только что был здесь. Почему он ничего не сказал о французских мундирах на островах Адмиралтейства?

— Капитан Гэнтер не знал, что мы посланы на розыски Ла-Перуза, — возразил д'Антракто.

— Нет, знал, — продолжал Ла-Биллардьер.

— Откуда?

— Я сам ему сказал.

Д'Антракто стиснул свои упрямые, надменные губы.

— Обсудив вместе с вами создавшееся положение, я выполнил свой долг, — холодно произнес он. — Я выслушал ваши мнения, господа, но

я не согласен. Отсюда мы отправляемся к островам Адмиралтейства.

Дальнейший спор был невозможен. Ла-Биллардьер воспользовался пребыванием в Капштадте для изучения растений Южной Африки. Отдохнув и запасясь провизией, французские моряки 16-го февраля покинули Капштадтскую гавань и вышли в Индийский океан.

ТРУДНОЕ ПЛАВАНИЕ

Бурей, дождями и поры истым ветром встретил корабли Индийский океан. А им предстояло пересечь его в самом широком месте. Д'Антраксто держал курс на остров Тасманию. До Тасмании плыли больше двух месяцев. Моряки падали от усталости. Д'Антраксто опасался, что на судах начнется цынга. Реи ломались, паруса лопались. Обшивка обоих кораблей требовала серьезного ремонта. И только 21-го апреля, когда впереди появились лесистые горы Тасмании, угрюмые лица матросов несколько повеселели.

Но Тасмания была населена нищими, голыми дикарями, не знавшими ни земледелия, ни скотоводства. Запастись провизией здесь было невозможно. Тасмания могла предоставить морякам только дрова и пресную воду.

Берег не дал путешественникам даже отдыха. Нужно было немедленно приниматься за починку судов. Из гигантских эвкалиптов приготавливали новые мачты. Корпуса кораблей проконопатили и просмолили. Паруса свезли на берег и заштопали. Все эти работы заняли больше трех недель.

И все же на судах далеко не все было в исправности — для полной починки их следовало бы ввести в верфь.

16-го мая „Поиск“ и „Надежда“ снова вышли в открытое море. Через месяц они были уже у берегов Новой Каледонии. Там удалось наменять у туземцев кокосов и плодов хлебного дерева и этим прекратить начавшуюся было цынгу. Новокаледонцы поразили французов своими зверскими физиономиями и нескрываемым пристрастием к людоедству. Они хватали матросов за мякоть рук и ног, причмокивали и, облизываясь, повторяли слово „капарак“, что, очевидно, значит „вкусно“. Всюду валялись обглоданные человеческие кости. Моряки поспешили оставить эту ужасную землю.

9-го июля увидели гористые Соломоновы острова, заросшие до самых вершин лесом. Экспедиция передвигалась от одного острова к другому, всюду останавливаясь, но нигде не высаживаясь на берег. Это страшно злило Ла-Биллардьера, неутомимого исследователя, которому для собирания растений и животных необходимо было побывать на берегу. Но д'Антраксто считал, что задача мореплавателя состоит в открытии новых земель, а не в собирании птичьих чучел и разговорах с черномазыми дикарями, которых он презирал до глубины души. Честолюбивый адмирал метил прямо в Колумбы и на меньшее не соглашался. Но, как назло, Америки ему не попадались.

На кораблях снова свирепствовала цынга. Не помогли даже свежие фрукты. У Соломоновых островов кинули в воду несколько трупов.

ОСТРОВА АДМИРАЛТЕЙСТВА

Наконец, „Поиск“ и „Надежда“ прибыли к островам Адмиралтейства. На берегу толпились черные дикари и знаками приглашали белых посетить их. Ла-Биллардьер прилежно разглядывал дикарей в подзорную трубу. Он старался заметить на них хотя бы следы тех французских мундиров, о которых писал в своем письме генерал Сен-Феликс. Но дикари все до единого были голы. Только бедра свои они обертывали пестрой рогожкой.

Спустили шлюпку. Д'Антракasto поручил начальство над шлюпкой лейтенанту д'Орибо. Вместе с ним в шлюпку сел и Ла-Биллардьер, захвативший с собой бус и ножей для мены.

— Запрещаю вам высаживаться на берег! — крикнул им вслед д'Антракasto. — Остановитесь от берега в ста шагах, и, если дикари захотят начать с вами торговлю, пусть они добираются до вас вплавь

— Но нам необходимо высадиться, — возразил Ла-Биллардьер. — Как же, не высаживаясь, мы можем узнать что-нибудь о Ла-Перузе?

— Делайте то, что вам приказывают, — ответил адмирал. — Я не желаю ради Ла-Перуза рисковать жизнью вверенных мне людей.

Нужно было повиноваться. Напрасно дикари махали руками и выли, зазывая к себе европейцев. Шлюпка остановилась в ста шагах от берега и не двигалась дальше ни с места. Ла-Биллардьер стал издали показывать им бусы. В толпе появился человек, голова которого была украшена венком из мелких ракушек, нанизанных на веревку. Это, безусловно, был вождь. Все расступились перед

ним. Он дал одному из своих подданных кокосовый орех и, как догадался Ла-Биллардьер, приказал ему вплавь доставить этот орех на шлюпку. Посланный с ужасом глядел то на вождя, то на европейцев. Мало ли что могут сделать с ним в своей шлюпке страшные белые люди. Но вождь не привык, чтобы ему возражали. Он хлопнул труса палкой по животу, тот прыгнул в воду и доставил орех в шлюпку. Ла-Биллардьер наградил дрожавшего от страха посланца целыми связками бус и дюжиной ножей. Дикарь снова прыгнул в воду и поплыл к берегу. На берегу вождь сразу завладел всеми подарками белых и обвесился ими с ног до головы.

Вернувшись на „Поиск“, Ла-Биллардьер стал умолять д'Антраксто разрешить дикарям доступ на палубу судна.

— Может быть, нам здесь удастся получить от них какие-нибудь сведения о Ла-Перузе, — говорил он.

Но д'Антраксто теперь почти не скрывал, что он вовсе не стремится найти Ла-Перуза. Он отправился к островам Адмиралтейства, ибо это был предлог побывать в неизвестных и малоизвестных частях океана. Он надеялся открыть какие-нибудь неведомые земли и этим открытием прославить свое имя. Но ему не повезло. Он ничего не открыл и только измучил длинным плаванием своих подчиненных. А Тасмания, Новая Каледония и Соломоновы острова были уже до него знакомы европейцам.

— Стану я пускать этих грязных воров на палубу, — отвечал он. — Они только запакосят мне весь корабль.

„Ла-Перуз тоже не открыл никаких новых земель, если не считать Сахалина, — писал у себя в дневнике Ла-Биллардьер. — Но зато он оставил подробное описание стран, о которых в Европе почти ничего не знали, и этим оказал огромную услугу науке. А мы ничего не открыли и ничего не изучили. Чтобы изучить остров, недостаточно поглядеть на него издали. Нужно съехать на берег, познакомиться с нравами, языком и жизнью туземцев, собрать коллекцию животных и растений“.

ВНОВЬ ПО ВОЛНАМ БЕЗ ЦЕЛИ И СМЫСЛА

Покружив неизвестно для чего возле островов Адмиралтейства, д'Антраксто повел свои корабли на запад. 5-го сентября „Поиск“ и „Надежда“ вошли в гавань голландской колонии на острове Амбоине.

Около половины команды страдало цынгой. Моряки находились в плавании уже почти год. Они нуждались в продолжительном отдыхе. Кроме того, необходимо было починить суда, совершенно истреппавшиеся.

Голландские власти гостеприимно приняли французов. Экспедиция провела на Амбоине целый месяц. Цынга прекратилась в несколько дней. В порту оказалась маленькая верфь, которая взяла на себя починку судов. Чтобы обеспечить свою экспедицию продовольствием, д'Антраксто закупил множество кур, гусей, уток, коз, свиней, баранов, ямсу и тыкв. Одного не было на Амбоине — муки. А взя-

5-го сентября „Поиск“ и „Надежда“ вошли в гавань голландской колонии на острове Амбоине.

тая из Франции мука давно уже вышла. Дальнейшее плавание предстояло совершить без хлеба.

15-го октября французские корабли покинули гостеприимную Амбоину.

— Хорошо, — говорил д'Антраксто Ла-Биллардьеру. — Пусть будет теперь по-вашему. Мы плывем сначала в Австралию, потом к островам Дружбы, потом к Новым Гебридам. Никто не станет меня упрекать, что я не посетил тех мест, где мог погибнуть Ла-Перуз.

Ла-Перуз встретился с капитаном Филиппом у восточного побережья Австралии. Естественнее всего было начать розыски именно с восточного побережья. Но д'Антраксто направился к западному. Восточное побережье Австралийского материка было уже исследовано Куком, а западное посещали только голландцы, да и то двести лет тому назад, и не оставили о нем почти никаких сведений. И честолюбивый адмирал повел свои корабли к западному побережью, хотя искать там Ла-Перуза было бессмысленно.

Австралийский берег заметили 8-го декабря. Но подойти к нему оказалось невозможным. Вдоль берега тянулась полоса подводных рифов, мелей и водоворотов. Даже в открытом море было небезопасно — всюду, то там, то здесь, из воды торчали черные утесы. „Поиск“ и „Надежда“ медленно тащились к югу. Берег издали казался узкой синей полоской. На таком расстоянии не только нельзя было производить никаких наблюдений над страной, но даже карту приходилось составлять лишь приблизительно.

Погода с каждым днем становилась все хуже и хуже. Ветер крепчал, волнение усиливалось. Наконец, разразилась настоящая буря. Буря у берегов гораздо опаснее, чем буря посреди океана. Особенно у таких скалистых, диких берегов. Моряки с минуты на минуту ждали, что их разобьет о какой-нибудь риф. Они уже почти не сомневались в своей гибели. К счастью, офицеру Леграну удалось заметить бухту, вход в которую был свободен от рифов. Корабли лавировали перед бухтой всю ночь и, наконец, вошли в нее. Бухту назвали портом Леграна.

Высадившись на берег, французы увидели песчаную пустыню, где невозможно было запастись даже пресной водой. А в пресной воде на судах ощущался большой недостаток. Моряки развели костер из сухих водорослей и просидели на берегу четыре дня, пока не кончилась буря.

Едва волнение утихло и в облаках показалось солнце, „Поиск“ и „Надежда“ покинули бесплодный порт Леграна и пустились в дальнейшее плавание. Опять вдоль берега потянулись рифы, мешавшие производить наблюдения. Даже через

подзорную трубу нельзя было рассмотреть, лес ли на берегу, или пустыня, есть ли там реки, люди, животные. 1 600 километров прошли суда д'Антракasto вдоль западного побережья Австралии без всякой пользы.

6-го января 1793 года капитан Гюон де-Кармадек заявил адмиралу, что на „Надежде“ осталось всего восемь бочек пресной воды. „Поиск“ находился почти в таком же положении. Д'Антракasto оставил негостеприимную Австралию и отправился в Тасманию, богатую водой и лесом.

25-го января одуревшие от жажды моряки снова увидели горы Тасмании. „Поиск“ и „Надежда“ бросили якоря в той же бухте, что и в прошлом году. Высадившись на берег, моряки кинулись прежде всего к ручью — пить. Потом наполнили водой все пустые бочки. Затем принялись кое-как залечивать раны, нанесенные днищам кораблей австралийскими рифами. Эти работы, вместе с отдыхом и охотой на кенгуру, заняли больше месяца. 4-го марта д'Антракasto оставил Тасманию и повел свои корабли к островам Дружбы, на которых Ла-Перуз собирался побывать в первую очередь.

Д'АНТРАКАСТО У ОСТРОВОВ ДРУЖБЫ

Но д'Антракasto ехал к островам Дружбы вовсе не ради Ла-Перуза. Острова Дружбы, известные в то время европейцам только по описаниям открывшего их капитана Кука, были самым плодородным и населенным местом во всей западной части Тихого океана. Экспедиция д'Антракasto

после Тасмании уже не страдала от жажды, но на смену жажде явился голод. От запасов провианта, сделанных на Амбоине, остались одни крохи. Заросшая лесом и населенная голодными дикарями Тасмания не могла предоставить морякам ничего, кроме ракушек. И, чтобы не умереть с голоду, им оставалось одно — на всех парусах нестись к островам Дружбы.

23-го марта с кораблей был уже виден этот цветущий архипелаг. Вид обработанных полей, засаженных бананами и засеянных ямсом, привел моряков в восхищение. В подзорную трубу были видны многолюдные деревни, вокруг которых паслись стада жирных свиней.

„Поиск“ и „Надежда“ остановились возле острова Тонга-табу в той самой гавани, где останавливался Кук. Целая флотилия нагруженных фруктами лодок окружила корабли. Несмотря на недовольство адмирала, островитяне мигом запрудили палубу обоих судов. Голые светложелтые красавцы, они, как обезьяны, лазали по канатам и бесстрашно прыгали в воду. Завязалась торговля. Матросы, словно голодные звери, набросились на бананы и тут же их поедали. Купленных свиней сразу зарезали, и скоро из корабельных кухонь стал доноситься приятный запах жареной свинины. Островитяне в уплату за товары требовали бус и ножей. Моряки отдали островитянам несколько пудов этих драгоценностей, привезенных из Европы. Трюмы — ненасытные утробы кораблей — поглощали тонны плодов и орехов.

На другой день Ла-Биллардьер стал умолять д'Антракasto отпустить его на берег. Адмирал сначала не соглашался, но потом, увидев, что дикари

настроены действительно дружелюбно, разрешил ему ехать вместе с небольшим отрядом офицеров и матросов.

На берегу, ободренные ласковым приемом жителей, французы разбрелись во все стороны. Ла-Биллардьер сейчас же забрался в рошу и стал собирать листья и травы. Но ему не удалось как следует заняться этим делом. Среди французов, съехавших на берег, был кузнец — здоровяк и силач. За поясом он носил кинжал с позолоченной рукояткой. Этот кинжал своим блеском сразу привлек внимание островитян, и они предлагали за него кузнецу несколько свиней. Но кузнец очень дорожил своим кинжалом и ни за что не хотел с ним расстаться. Приехав на берег, он пошел гулять один вдоль бухты, с интересом разглядывая бамбуковые домики дикарей. Но едва он отошел от своих товарищей шагов на двадцать, как к нему подошел молодой островитянин, выхватил у него из ножен кинжал и пустился наутек. Рассвирепевший кузнец догнал вора и стал бить его кулаком по лицу. Их мигом окружила толпа туземцев. Кто-то замахнулся дубиной, ударил кузнеца по голове. Кузнец упал, обливаясь кровью, и умер.

Несколько матросов, заметивших это убийство, выстрелили в дикарей из ружей. Один островитянин взмахнул руками и свалился. Французы, услышав выстрелы, кинулись к шлюпкам. Островитяне угрюмо собирали камни, готовясь к нападению. Ла-Биллардьер прыгнул в лодку последним. Град камней посыпался с берега. Морские уже не надеялись живыми добраться до корабля,

Но это сражение заметил с „Поиска“ д'Антракasto. Он тотчас же приказал зарядить пушку картечью и выстрелить в толпу дикарей. Пушечный выстрел убил троих островитян. Перепуганная толпа бросилась бежать, берег мигом опустел, и шлюпки благополучно добрались до корабля.

Ла-Биллардьер не надеялся больше побывать на берегу и очень сожалел об этом. Но островитяне за ночь одумались и решили, что ссориться с белыми не стоит. На следующее утро к д'Антракasto явился король островов Дружбы, Тубо, и привез с собой связанного островитянина, того самого, который убил кузнеца.

— Убей этого разбойника, повелитель кораблей, — сказал он, передавая адмиралу своего провинившегося подданного. — И давай помирися. А вот нож, который он отнял у твоего младшего брата.

С этими словами он бросил к ногам д'Антракasto позолоченный кинжал кузнеца. Островитяне считали всех белых моряков братьями; адмирал был старший брат, а его подчиненные — младшие братья.

Трюмы кораблей были полны еще только наполовину. Нужно было во что бы то ни стало закупить у туземцев как можно больше провизии. Поэтому адмирал и сам стремился к миру. Не желая возбуждать к себе излишней ненависти, он решил проявить милосердие и подарил преступнику жизнь. Связанного островитянина высекли в присутствии всех ремнем и отпустили. Мир был восстановлен. Снова завязалась торговля. Но адмирал никого из своих подчиненных не пускал на берег.

Спустя несколько дней д'Антракasto заявил, что завтра корабли уходят. Король Тубо решил на про-

панье устроить праздник в честь своих гостей. Адмирал и все его „братья“ получили приглашение явиться на берег, чтобы принять участие в плясках и увеселениях. Д'Антракто, после долгих колебаний, принял приглашение короля. Но он потребовал от Тубо, чтобы праздник происходил на маленьком полуострове, который находился как раз под пушками „Надежды“. Если дикари окажутся изменниками, капитан Гюон де-Кармадек уничтожит их орудийным огнем.

Французы съехали на берег в пяти шлюпках. Ла-Биллардьер решил в празднестве участия не принимать. Он улизнул в лес собирать растения. На полуострове собралось много тысяч человек. Они расселись в траве широким полукругом. Белым, во главе с адмиралом, предоставили почетное место — по левую руку короля. Справа от короля находился оркестр, игравший на странных инструментах. Инструменты эти состояли из тростей разной длины, которые звучали, когда ими били по земле. Музыканты колотили тростями о землю, и получалась музыка. Сначала выступили певцы, которые пели то поодиночке, то хором. Потом начали плясать. В пляске приняли участие многие французские матросы. Проплясав часа три, утомленные островитяне снова уселись на траву и занялись изготовлением кавы.

Кава — алкогольный, пьянящий напиток, известный почти на всех островах Тихого океана. Делается он так: островитяне долго жуют корни одного едкого тропического растения и, когда они насвобзь пропитаются слюной, сплевывают свою жвачку в общее деревянное корыто. Потом в корыто наливает воды и пьют. Конечно, французы

Островитяне снова уселись на траву и занялись изготовлением кавы.

отказались от подобного угощения. К полуночи дикари все до единого были пьяны и улеглись спать на траву. Ла-Биллардьер вернулся из леса, и д'Антраксто приказал всем ехать на корабли.

На следующее утро, 6-го апреля, „Поиск“ и „Надежда“ покинули острова Дружбы и вышли в открытое море. За завтраком Ла-Биллардьер спросил адмирала:

— Вы разговаривали вчера с королем?

— Да, — ответил д'Антраксто. — Я отлично стал понимать его знаки и жесты.

— А вы спросили, не заходил ли сюда лет пять тому назад капитан Ла-Перуз?

— Нет, не спросил.

— Почему?

— Я забыл, — ответил адмирал.

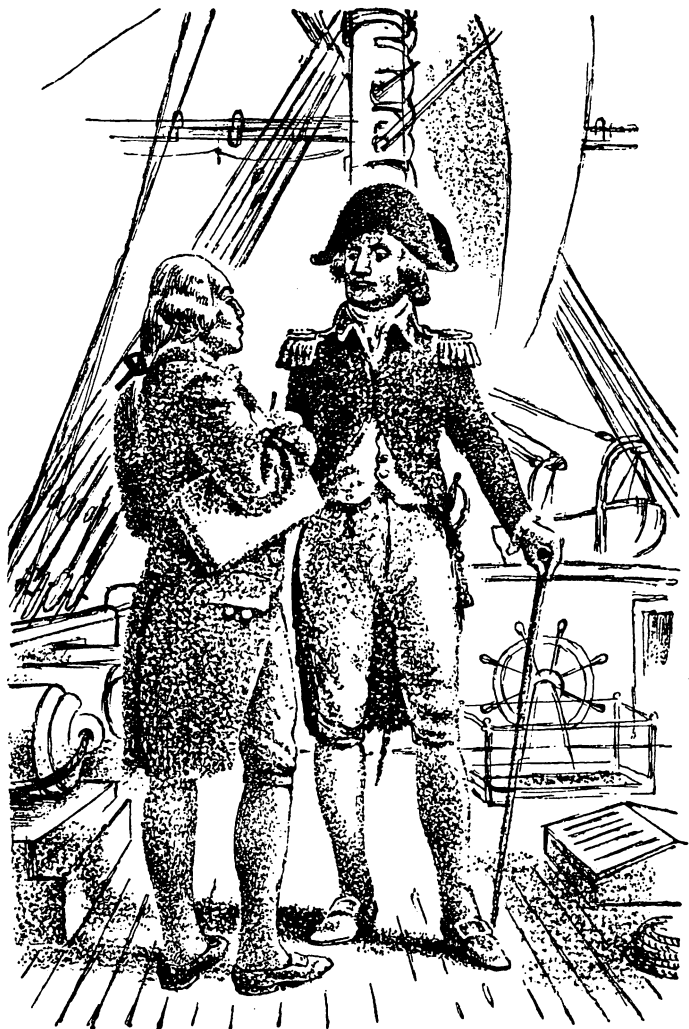
ОСТРОВ ПОИСК

Экспедиция вторично посетила Новую Каледонию. Там капитан Гюон де-Кармадек заболел тропической лихорадкой и через два дня умер. Д'Антраксто назначил начальником „Надежды“ лейтенанта д'Орибо. Покинув Новую Каледонию в начале мая, адмирал повел свои корабли к Новым Гебридам. Новые Гебриды — вулканические острова. Они еще не показались на горизонте, а мореплаватели уже видели столбы дыма, вырывающиеся из кратеров. „Поиск“ и „Надежда“ медленно плыли от острова к острову. Островитяне, такие же черные, как жители Соломоновых островов, зазывали путешественников к себе. Но д'Антраксто не нуждался в провизии и ни за что не хотел высаживаться на берег. Естественно, что ему и тут не удалось собрать никаких сведений о капитане Ла-Перузе.

К северу от Новых Гебрид моряки заметили большой остров, не обозначенный ни на каких европейских картах. Честь открытия этого острова всецело принадлежала адмиралу д'Антраксто. Адмирал был очень доволен. Наконец-то его планы об открытии неведомых земель начали исполняться.

— Пристанем к берегу, — предложил Ла-Биллардьер. — Этот остров никому не известен. Нужно узнать, какие люди его населяют, какие там водятся звери, какие растут растения. Нам необходимо внимательно исследовать его.

— С меня довольно и того, что я открыл этот остров, — надменно ответил адмирал. — А исследуют его пусть другие,

— С меня довольно и того, что я открыл этот остров, — надменно ответил адмирал,

Д'Антраксто назвал новооткрытый остров „Поиском“, по имени своего корабля.

И поплыл дальше.

БОЛЕЗНЬ И ВОССТАНИЕ

Между тем на корабле опять появилась цынга. На этот раз больным не помогали ни лекарства, ни свежая пища. Каждый день заболевали новые и новые моряки. Д'Антраксто, уже посетивший все места, где надеялись найти Ла-Перуза, считал себя в праве закончить свое путешествие. Он и сам был болен цынгой и мечтал возможно скорее добраться до какого-нибудь места, где жили европейцы. Европейцев можно было найти на принадлежавших Голландии Зондских островах. Чтобы добраться до этих островов, нужно было потратить несколько месяцев, но другого выхода не было. И экспедиция отправилась на запад, к Зондским островам.

Началось одно из самых страшных плаваний, известных в истории путешествий. К цынге присоединилась тропическая лихорадка. Чтобы зараза не передавалась дальше, д'Антраксто приказал складывать всех безнадежно больных в темный, удушливо-тесный трюм, населенный крысами. Матросы, боясь, что их заживо похоронят в трюме, скрывали свою болезнь до тех пор, пока могли держаться на ногах. Нередко они, почувствовав внезапное головокружение, срывались с мачт в воду. Здоровых почти не оставалось, некому было работать, и корабли, грязные, истрепанные, почти не подвигались вперед.

Каждый день умирало пять-шесть человек. Трупы выволакивали из трюма и швыряли в море. За судами неотступно следовала стая акул, терпеливо поджидавшая своей ежедневной порции человеческого мяса. Отчаяние овладело моряками. Матросы отлично понимали, что экспедиция не принесла в сущности почти никаких результатов. Чего же ради они терпят такие страдания, чего же ради они жертвуют своей жизнью? Снова вспыхнули заглушенные было разговоры о революции. „Офицеры и сам адмирал — сторонники короля, — рассуждали матросы. — Они просто удрали из Франции, чтобы сохранить свою жизнь. А до наших мучений им нет никакого дела. Ведь мы, простые люди, не дворяне и не аристократы, для них все равно, что рабочий скот. Если мы все подохнем, они огорчатся не станут“.

Недовольство на судах росло с каждым днем. Матросы не доверяли своему начальству и не исполняли приказаний. Офицеры на это отвечали карцером и плеткой. А карцер и плетка усиливали ропот.

„Поиск“ и „Надежда“ миновали Соломоновы острова и медленно ползли вдоль северного берега Новой Гвинеи. Д'Антраксто был болен тремя болезнями сразу — цынгой, лихорадкой и кровавым поносом. Он уныло смотрел, как выбрасывали за борт мертвецов. Неужели и ему придется стать добычею акул? Скорей бы добраться до голландских колоний. Только там ему удастся выздороветь. Его злило, что корабли движутся так медленно. Особенно раздражала его „Надежда“. Она ползла, как улитка, и „Поиску“ постоянно приходилось ее поджидать. Д'Антраксто решил бросить „Надежду“ одну, а самому уйти вперед на „По-

иске". Но моряки „Надежды“, боявшиеся остаться без всякой помощи у диких берегов Новой Гвинеи, напрягали все усилия, прибавили ход и ни на шаг не отставали от „Поиска“.

14-го июля 1793 года оба корабля подошли к острову Вайжеу, где, среди нищих дикарей, жило несколько голландцев-поселенцев. Адмирала немедленно свезли на берег.

Но на другой день д'Антркасто скончался.

Начальство над экспедицией принял лейтенант д'Орибо, командовавший „Надеждой“ после смерти капитана Гюона де-Кармадека.

Д'Орибо, увидев, что на нищем островке Вайжеу нельзя рассчитывать ни на какую помощь, решил вести свои корабли в порт Сурабайя, принадлежавший голландцам и расположенный на острове Яве. Сурабайя тогда был уже большим, вполне европейским городом, в гавани которого постоянно толпилось множество кораблей.

До Явы плыли почти три месяца. Болезнь не оставляла команду судов. Попрежнему ежедневно швыряли в воду несколько трупов, попрежнему жирели акулы, следовавшие за кораблями.

Наконец, 19-го октября „Поиск“ и „Надежда“ вошли в долгожданный порт Сурабайя. До Явы добралась только треть моряков, отправившихся из Франции в плаванье с д'Антркасто.

Здоровые, нагрузив шлюпки больными, съехали на берег. Там они сразу же слышали потрясающие новости: во Франции казнен король, изгнаны помещики и аристократы, провозглашена республика. Обрадованные, возбужденные матросы бросились назад на корабли и разорвали в клочья белое королевское знамя.

— Я вас всех сгною в тюрьме! — кричал д'Орибо, размахивая кулаками. — Я вас вздерну на реи!

— Бей королевских собак! — отвечали матросы. — Да здравствует свобода!

Ла-Биллардьер присоединился к восставшим. Но д'Орибо и офицерам удалось бежать и спрятаться во дворце голландского губернатора. Голландские власти, узнав о бунте на французских кораблях, пришли в ярость. Революционная зараза, пожалуй, распространится по всему острову, и тогда конец голландскому владычеству на Яве. Голландия находилась в войне с французской республикой и поддерживала французских монархистов. Губернатор приказал войскам и флоту во что бы то ни стало овладеть восставшими кораблями. После короткого кровопролитного боя измененные болезнями и лишениями матросы сдались. Их арестовали, зачинщиков расстреляли, а остальных посадили по разным тюрьмам Зондских островов. Во время сражения коллекции, собранные трудолюбивым Ла-Биллардьером, погибли почти полностью. Сам Ла-Биллардьер попал на родину только через много лет.

Так печально кончилось это бесцельное плавание сумасбродного адмирала.

О ЛА-ПЕРУЗЕ ЕЩЕ НЕ ВСЕ ПОЗАБЫЛИ

А между тем время шло. Франции, действительно, было не до Ла-Перуза. Республику со всех сторон осаждали враги — немцы, англичане и свои, французские, контрреволюционеры. Десять лет, почти не прекращалась, тянулась война. Нако-

нец, генерал Наполеон Бонапарт объявил себя императором Франции. Но это однако не принесло мира. После короткой передышки снова началась война и тянулась еще десять лет. В 1814 году русские и немцы заняли Париж. Французским королем стал Людовик XVIII. Через год Наполеон поднял восстание, но англичане разбили его и сослали на остров св. Елены. Да, Франции было не до Ла-Перуза. За все это время о таинственно исчезнувшем мореплавателе вспоминал только один человек — мальчик-сирота по имени Дюмон Дюрвиль.

Дюмон Дюрвиль родился в 1790 году, через пять лет после того, как фрегаты Ла-Перуза вышли из Бреста. Родители его умерли, когда он был совсем маленьким, и Дюмон воспитывался у дяди. Дядя хотел сделать своего племянника инженером, но маленький Дюмон Дюрвиль мечтал стать моряком.

В то бурное военное время многие мальчики стремились стать моряками. Но, мечтая о море, они все мечтали о кровавых морских сражениях, о взятии крепостей, о пушках, о десантах, об истреблении английского флота. А Дюмона Дюрвиля несколько не занимала война. Все свободное время он проводил в чтении путешествий великих мореплавателей. Он с завистью читал об открытиях новых материков и неизвестных островов.

„Ах, если бы и мне удалось открыть какой-нибудь островок!“ вздыхал Дюмон Дюрвиль, представляя себе, как он, окруженный матросами, выходит на берег, как его со всех сторон обступают раскрашенные дикари, стреляя из луков. Но он, конечно, скоро становится их другом, ди-

кари воздают ему божеские почести, и он едет дальше отыскивать новые земли.

Самым любимым его героем был капитан Ла-Перуз. Он вкладывал книгу о путешествиях Ла-Перуза в учебник истории и тайком читал ее на уроках в школе.

— Дюмон Дюрвиль! — вызывал учитель.

Дюмон Дюрвиль вскакивал и, ничего не понимая, хлопал глазами. Выслушивая длинный выговор учителя, он думал о Ла-Перузе.

„Каким образом могли исчезнуть два огромных фрегата с несколькими сотнями людей? Ведь в наше время в Тихом океане почти не осталось неизвестных островов. Неужели ни один из спутников Ла-Перуза не добрался до какой-нибудь земли, чтобы рассказать о гибели остальных? Неужели ни один обломок не был выброшен на какой-нибудь берег? Если бы добросовестно искали, непременно что-нибудь нашли бы. А вдруг участники этого печального плавания до сих пор живут на каком-нибудь заброшенном островке?“

— Садитесь, Дюмон Дюрвиль, — говорил учитель. — Вы ничего не знаете. Я оставлю вас сегодня без обеда.

Дюмон Дюрвиль окончил школу семнадцати лет. Дядя непременно хотел сделать его инженером. Дюмон Дюрвиль все лето готовился к экзаменам в Парижский политехнический институт. После экзаменов он вернулся домой веселый, сияющий.

— Выдержал? — спросил дядя.

— Нет, провалился, — ответил Дюмон Дюрвиль. Дядя пришел в ярость.

— Я не хочу держать у себя такого бездельника! — закричал он. — Убирайся из моего дома!

— Я только что хотел сказать тебе, дядя, что я поступил матросом на корабль, который завтра уходит в Испанию.

Много стран посетил Дюмон Дюрвиль, переходя на службу с корабля на корабль. Всюду обращали внимание на его необыкновенные сведения в географии и навигации. Еще бы, ведь он прочел в школе столько описаний морских путешествий! Способный, прилежный, здоровый молодой человек, он скоро выдвинулся. Сначала матрос, потом боцман, потом штурман, Дюмон Дюрвиль был, наконец, назначен помощником капитана на корабле „Раковина“. „Раковину“ послали в Малую Азию, где французы собирались заняться археологическими раскопками. Во время раскопок Дюмону Дюрвилю посчастливилось найти знаменитую греческую статую, известную под именем Венеры Милосской. Эта находка прославилась молодого моряка в ученых кругах всей Европы. В 1825 году Дюмон Дюрвиль был уже капитаном „Раковины“.

Наконец-то наступила пора осуществить все его юношеские мечтания. Он написал в Париж морскому министру письмо, в котором просил разрешить ему отправиться в Тихий океан на поиски исчезнувшей экспедиции Ла-Перуза. После долгих хлопот и мытарств разрешение было получено.

Тогда Дюмон Дюрвиль переименовал свой корабль. „Раковина“ превратилась в „Астролябию“.

— „Астролябией“ назывался один из фрегатов Ла-Перуза, — объяснил он своим удивленным друзьям.

Дюмон Дювилль.

25-го апреля 1826 года, через сорок лет после того, как Ла-Перуз вышел из Бреста, Дюмон Дюрвиль вышел из другого порта Франции — из Тулона.

ШЕСТНАДЦАТЬ ДНЕЙ НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Д'Антраксто не привез никаких сведений о Ла-Перузе. А с тех пор никто Ла-Перуза не искал. Во времена Дюмона Дюрвиля гибель „Компаса“ и „Астролябии“ оставалась такой же тайной, как за сорок лет перед тем.

И Дюмон Дюрвиль принужден был искать Ла-Перуза там же, где его искал д'Антраксто, — либо у островов Адмиралтейства, либо в районе островов Дружбы, Новых Гебрид и восточного побережья Австралии. Дюмон Дюрвиль считал невероятным, чтобы Ла-Перуз мог погибнуть у островов Адмиралтейства. Поэтому, обогнув мыс Доброй Надежды, он направился первым делом к островам Дружбы.

Острова Дружбы Дюмон Дюрвиль заметил 6-го апреля 1827 года, то есть почти через год после своего отплытия из Франции. Ветер дул с чудовищной силой. В подзорную трубу было видно, как гнулись на островах толстые столетние пальмы. Корабль, как шепка, то взлетал на гребень исполинской волны, то падал в пропасть между двумя волнами. Буря усиливалась с каждым часом. Дюмон Дюрвиль хотел как можно скорее войти в удобную гавань на острове Тонга-табу, в которой останавливался д'Антраксто. Ближай-

Риф приближался с каждой секундой.

ший путь к этой гавани шел по узкому проливу между островом Лонга-табу и островом Эоа. И Дюмон Дюрвиль, не задумываясь, направился в этот пролив.

В проливе ветер, сжатый с двух сторон островами, оказался еще сильнее, чем в открытом море. Он понес корабль с быстротою пушечного ядра. Дюмон Дюрвиль и опомниться не успел, как прямо перед кораблем выросла огромная стена кораллового рифа, огибать которую было уже слишком поздно.

— Все паруса долой! — приказал он, надеясь этим уменьшить скорость корабля.

Стали опускать паруса. Но корабль продолжал нестись с прежней скоростью. Слишком уж силен был ветер. Оставалось всего только одно средство.

— Якоря в воду! — крикнул Дюмон Дюрвиль. Два якоря плюхнулись в воду. Но ветер был так могуч, что корабль продолжал нестись, волоча за собой якоря по твердому гладкому дну. Риф,

о который с грохотом разбивались огромные волны, приближался с каждой секундой. моряки уже не надеялись на спасение. И вдруг якоря зацепились на дне за камни, цепи натянулись, словно струны, и корабль стал. Риф был в десяти шагах от корабля.

Обрадованные моряки кинулись друг другу в объятия, стали целоваться и прыгать. Но Дюмон Дюрвиль знал, что это только отсрочка. Стоит якорям соскользнуть, и через мгновение корабль будет превращен в древесную труху, в пыль. А разве можно при таком ветре положиться на эти проржавленные якорные цепи? Они не рассчитаны на такое напряжение. Стоит одному звену разорваться—и катастрофа произойдет так быстро, что люди не успеют даже вскрикнуть. Нет, нужно искать способа обезопасить если не корабль, то, по крайней мере, людей.

И Дюмон Дюрвиль стал разглядывать берег Тонга-табу. На берегу он увидел толпы островитян, несколько не изменившихся с тех пор, как их видел д'Антраксто, — голых, татуированных. Впрочем, он все же заметил одну важную перемену — почти у каждого вместо копья в руках было ружье. Человек двадцать дикарей выволокли из леса на берег пушку и направили ее жерло на корабль. Дюмон Дюрвиль почувствовал, что дело принимает совсем дурной оборот. Неужели несчастный корабль, оберегаемый от гибели двумя готовыми лопнуть якорными цепями, подвергнется еще, к довершению всего, обстрелу? Откуда у дикарей такое вооружение?

От берега отделилась флотилия лодок и понеслась к кораблю. Несмотря на бурю, лодки с такой

ловкостью, с таким бесстрашием неслись по волнам, что Дюмон Дюрвиль невольно почувствовал зависть и уважение. И все же до корабля добралась только одна лодка — остальные не рискнули подойти так близко к страшному рифу. Из лодки на палубу поднялось десять человек — плечистые здоровяки с ружьями в руках. У девяти из них кожа была желта, как сливочное масло. У десятого была белая кожа.

— Добрый сэр, — сказал по-английски белокожий дикарь, обращаясь к Дюмону Дюрвилю, — разрешите вам представить двух могущественных властелинов острова Тонга-табу: вот великий вождь Тагофа, а вот великий вождь Палу.

Палу был жирный, пузатый, важный. Тагофа был шуплый, жилистый, с хитрыми, злыми глазами.

— А меня зовут Томас Синглтон, — продолжал белый дикарь. — Я министр и пленник этих великих вождей.

Одежда Томаса Синглтона состояла из узкой рогожи, обмотанной вокруг бедер, а на груди его были вытатуированы пальмовые листья.

Оставаться на корабле было слишком опасно, и Дюмон Дюрвиль хотел переправить своих людей на берег. Нужно было задобрить островитян. Поэтому он принял своих гостей самым радушным образом. Палу и Тагофа получили множество топоров, ножей, стекляшек, и глаза их блестели от радости. Палу пожелал получить европейскую одежду, и капитан подарил ему красный генеральский мундир, в который толстый вождь тотчас же облачился. Улучив минутку, Дюмон Дюрвиль отвел в сторону Синглтона и объяснил ему, в каком катастрофическом положении находится корабль.

— Только не съезжайте на берег, — сказал Синглтон. — Пока вы на корабле, дикари ваши друзья, потому что у них одна пушка, а у вас сорок. Но, если вам придется покинуть корабль, вы погибли: Тагофа и Палу командуют двухтысячной армией, вооруженной ружьями английского образца. На берегу вас перестреляют, как куропаток. Они видят, что ваше судно в опасности, и радуются. Нет, я вам не советую съезжать на берег — оставайтесь на корабле. Быть может, цепи выдержат, и, если утихнет буря, вы спасены. А на берегу — верная гибель.

Дюмон Дюрвиль послушался Синглтона. И цепи выдержали. Шестнадцать суток ревел ураган, и шестнадцать суток корабль рвался с цепей, как дикий зверь. Шестнадцать суток моряки поджидали смерть. Но цепи выдержали.

Синглтон и вожди оставались на корабле почти все шестнадцать суток. Вожди радовались сытной корабельной пище, а Дюмон Дюрвиль, боясь с ними поссориться, кормил их доотвала.

— Откуда у этих разбойников столько ружей? — спрашивал Дюмон Дюрвиль Синглтона.

— Сюда за провиантом часто заходят китоловные торговые суда, сэр, — отвечал Синглтон. — А здешние вожди — люди не глупые. Они приказали в уплату не брать ничего, кроме ружей. Капитанам волей-неволей пришлось отдавать им ружья. И вот за двадцать лет у них накопился целый арсенал.

— А как попала на остров пушка?

— Пушка им досталась в одно время со мной, — объяснил Синглтон. — Двадцать лет назад я был матросом на одном купеческом корабле. Наш

корабль сел на мель возле Тонга-табу. Большую часть нашей команды во главе с капитаном островитяне заманили в лес и там убили. Нас на корабле осталось всего тридцать человек. С мели сняться мы не могли. Когда у нас вышла пресная вода, мы сдались. Захватив и разграбив корабль, островитяне свезли на берег и нашу единственную пушку.

— А что же стало с вашими товарищами?— спросил Дюмон Дюрвиль.

— Большая часть была убита еще в первый год нашей жизни на острове. Кой-кому удалось впоследствии попасть на проходившие мимо суда и уехать. Теперь я остался здесь один.

— А вы отчего не уехали, Синглтон?

— Ах, сэр, — вздохнул Синглтон. — Я живу на этом острове уже двадцать лет. У меня здесь жена и дети. Вожди обращаются со мной почти как с равным, и все меня уважают. А что меня ждет в Англии? Родные мои уже, верно, умерли, и денег у меня нет ни гроша. Видно, мне суждено умереть на этом острове.

На шестнадцатый день, 22-го апреля, буря улеглась, и ветер переменял направление. Спасители-якоря были подняты, и при громких криках моряков корабль отошел от рифа. Дюмон Дюрвиль повел его в бухту, в которой останавливался д'Антраксто. Теперь, когда опасность миновала, он решил приступить к главной своей задаче — розыскам следов пребывания Ла-Перуза на острове. Действовать нужно было осторожно, потому что, если Ла-Перуз погиб у островов Дружбы и дикари разграбили его фрегаты, они, боясь мести со стороны белых, станут молчать.

КОЛДУНЯ

На острове Тонга-табу не было старых людей. Только пятидесятилетние и шестидесятилетние старики могли помнить, останавливались ли сорок лет тому назад у их острова два французских корабля или нет. Но островитяне редко доживали даже до сорокалетнего возраста. Если человеку больше тридцати пяти лет, его называли „старик“. Виной этой недолговечности островитян были частые голодовки, приношения стариков в жертву богам и, главное, постоянные войны, которые вели между собой отдельные вожди. Сражения истребляли слишком много народу.

Дюмон Дюрвиль обратился за помощью к Синглтону.

— Неужели у вас на острове нет ни одного человека старше пятидесяти лет? — спросил он.

Синглтон задумался.

— В центральной области острова живет одна старуха, по имени Томага, — ответил он. — Сколько ей лет, я не знаю, но она гораздо старше всех здешних жителей. Она дочь царя Тубо, который, по преданию, правил островом полвека тому назад. Островитяне считают Томагу колдуньей и раз в год съезжаются к ней на поклон.

— Ведите меня к ней, Синглтон, — сказал Дюрвиль. — Я хочу поговорить с Томагой.

Но отправиться в глубь острова было опасно. Дюмон Дюрвиль стал уговаривать обоих вождей, Палу и Тагофу, остаться на корабле до его возвращения в качестве заложников.

— Я хочу поклониться вашей великой колдунье Томаге, — объяснил он вождям. — Оставайтесь пока

на корабле. А вернувшись, я вас выпущу и щедро награжу.

К его удивлению, вождей не пришлось долго уговаривать. Палу и Тагофа сразу согласились. Их с почетом заперли в капитанской каюте и, чтобы они не скучали, дали им множество разных сластей: изюму, пастилы, пряников и засахаренных орехов. У дверей каюты был поставлен вооруженный караул, который должен был сторожить заложников.

Дюмон Дюрвиль с небольшим отрядом моряков подъехал к берегу на двух шлюпках. Их сразу окружила несметная толпа вооруженных островитян. Но дикари держали себя очень дружелюбно.

— Пока Тагофа и Палу на корабле, вы в безопасности, — говорил капитану Синглтон. — Воины боготворят своих вождей и, опасаясь за их жизнь, не посмеют до вас пальцем дотронуться.

Небольшой отряд белых, сопровождаемый полчищем дикарей, направился в глубь острова. Остров был густо населен. В загородках возле хижин хрюкали большие черные свиньи. Дюмон Дюрвиль прошел через много деревень, оставил за собою много пашен и кокосовых рощ. Наконец, он увидел зеленый холм, на вершине которого стояла зеленая хижина. В этой хижине, вдали от всех, жила колдунья Томага. У входа лежали груды ямса и кокосов — приношения островитян колдунье. Томага вышла навстречу гостям. Это была сморщенная, лысая, крохотная старушонка с умными, подвижными глазами. Дюмон Дюрвиль преподнес ей топор, бусы и кусок красного сукна.

Завязался разговор. Синглтон служил переводчиком. Дюмон Дюрвиль стал задавать колдунье вопросы.

— Помнишь ли ты Кука, Томага? — спросил он.

— Помню, помню, — прохрипела старуха. — Кук был первый бледнокожий предводитель кораблей, который посетил нас. Я была тогда совсем маленькая девочка. Вот такая.

И она показала Дюмону Дюрвилю на стоявшую в толпе девочку лет семи-восьми.

— А помнишь ли ты, Томага, д'Антракто? — продолжал спрашивать Дюмон Дюрвиль.

— Ну, его я помню отлично, — ответила колдунья. — Когда он приехал, я была уже замужем. Мой отец, Тубо, властелин всего Тонга-табу, устроил в его честь праздник на берегу залива. Я тоже была на этом празднике. Мы сначала пели, потом плясали, потом выпили очень много кавы.

„Отличная память у этой старухи“, подумал Дюмон Дюрвиль. И задал ей третий вопрос:

— Скажи, Томага, а не видала ли ты здесь каких-нибудь кораблей после Кука, но раньше д'Антракто?

— Да, — ответила старуха. — После Кука, но раньше д'Антракто к Тонга-табу подходили два корабля, на которых было очень много пушек. Командира этих кораблей мы называли Луиджи. Он приехал на берег и подарил моему отцу много железа. Отец принял его очень хорошо, но один воин убил младшего брата Луиджи и отнял у него молоток. Все младшие братья Луиджи стали стрелять и убили много наших воинов. Тогда Луиджи увел своих младших братьев на корабль и уплыл в море.

— Ответь мне, Томага, — закричал Дюмон Дюрвиль, задыхаясь от волнения, — ответь мне, не помнишь ли ты, какое знамя было на кораблях Луиджи — с красными полосами, как у Кука, или белое, как у д'Антраксто?

— Помню, — твердо сказала колдунья. — На кораблях Луиджи было белое знамя.

— Это был Ла-Перуз, — прошептал Дюмон Дюрвиль, чувствуя, что у него кружится голова. — На фрегатах Ла-Перуза развевались белые французские знамена!

ПРЕДАТЕЛЬ

Он попросался с Томагой и пошел назад, потрясенный всем услышанным. Синглтон покинул его, обещав к вечеру приехать на корабль. Дюмон Дюрвиль сам повел свой отряд на берег, сопровождаемый несметной толпой. На берегу матросы, которых он оставил сторожить шлюпки, донесли ему, что в его отсутствие дикари вели себя беспокойно и угрожающе. Капитан приказал немедленно спустить обе шлюпки на воду и ехать. Но тут оказалось, что одна из шлюпок, меньшая, рассохлась и течет. Ее необходимо было законопатить. Дюмон Дюрвиль сел в большую шлюпку, а маленькую оставил девятерым матросам для починки.

— Когда почините, вернитесь на корабль, — сказал он и уехал.

Подъезжая к кораблю, он заметил на берегу суматоху. Матросы, чинившие шлюпку, подверглись нападению толпы вооруженных ружьями ди-

карей. В одно мгновение дикари связали несчастных моряков канатами и утащили в лес.

— Хорошо же! — вскричал Дюмон Дюрвиль. — За это предательство мне ответят ваши вожди!

И по спущенному трапу поднялся на палубу. К нему подошел старший лейтенант, бледный, взволнованный.

— Капитан, — доложил он, отдавая честь, — вождь Тагофа сбежал.

— Как! — вскричал Дюмон Дюрвиль. — Ведь я приказал сторожить их!

— И мы сторожили у дверей каюты, — ответил лейтенант. — Но он, очевидно, выпрыгнул в окно и уплыл.

Тут только Дюмон Дюрвиль понял, какой он сделал промах. Он забыл, что всякий дикарь с легкостью может проплыть полторы мили, отделяющие корабль от берега.

— А Палу?

— Палу тоже хотел выпрыгнуть в окно. Но он слишком толст. Он застрял в окне, словно пробка, и ни взад, ни вперед. Нам пришлось рубить топором раму, чтобы втащить его назад в каюту. Я приказал надеть на него кандалы и бросить в карцер.

На берегу все было в смятении. Дикари толпились вокруг своей единственной пушки. В подозрительную трубу Дюмон Дюрвиль увидел, что за пушкой стоят Тагофа и Синглтон. Синглтон вкатил в пушку снаряд и зажег фитиль. Грянул выстрел. Ядро пролетело между мачт корабля.

— Подлец! Изменник! — прошептал Дюмон Дюрвиль.

И крикнул:

— К пушкам!

Двадцать пушек правого борта выстрелили разом. Грохот был такой, что казалось, будто небеса раскололись пополам. Прибрежная деревушка обратилась в груды развалин. Пушка, из которой стрелял Синглтон, была сбита с лафета и лежала в кустах. Лодки дикарей, вытащенные на берег, пылали. Островитяне и большие черные свиньи толпой убегали в лес, но и лес не был им защитой. Ядра с треском валили столетние пальмы.

Тогда на берегу появились парламентареры, махавшие над головами зелеными ветвями. Это был знак мира. Дюмон Дюрвиль разрешил им подъехать к кораблю.

— Смилуйся над нами, властелин кораблей, — сказали они. — Мы возвратим тебе твоих младших братьев.

Через полчаса все девять матросов, целые и невредимые, были на корабле.

Дюмон Дюрвиль отпустил чуть не умершего от страха толстяка Палу, поднял якоря и вышел в море.

На островах Дружбы ему нечего было больше делать.

ПОТРЯСАЮЩЕЕ ИЗВЕСТИЕ

Итак, Дюмону Дюрвилю удалось напасть на след Ла-Перуза. Из слов Томаги он узнал, что Ла-Перуз заходил на острова Дружбы, имел там столкновение с дикарями и благополучно уехал. У Ла-Перуза был такой план: осмотреть восточное побережье Австралии, потом острова Дружбы

и, наконец, Новые Гебриды. Он погиб не у островов Дружбы, а позже. Следовательно, его нужно искать где-нибудь в районе Новых Гебрид.

Но плыть к Новым Гебридам сразу Дюмон Дюрвиль не мог. Он должен был сначала починить свой корабль, истрепанный двухнедельной бурей. И Дюмон Дюрвиль отправился в Тасманию.

Тасмания уже не была тем диким лесистым островом, каким ее застал д'Антраксто. С тех пор ее успела прибрать к рукам Англия. Английские поселенцы истребили миролюбивых беспомощных тасманийцев — всех до единого, — вырубили леса, развели фруктовые сады, расплодили овец и построили город Гобарт.

Во времена Дюмона Дюрвиля Гобарт был уже довольно большим городом с отличной гаванью и верфью. Лучшего места для починки корабля нельзя было себе и представить. После длительных стоянок у разных островов Дюмон Дюрвиль, в августе 1827 года, привел свой корабль в гавань Гобарта.

Английские власти приняли его очень радушно. Сам губернатор пригласил его к себе. Но Дюмон Дюрвиль долго не мог воспользоваться этим приглашением: он был занят на верфи ремонтом корабля. Только через месяц поехал он к губернатору.

— Что заставило вас посетить Тихий океан? — вежливо спросил губернатор. — Ведь вы, кажется, не купец...

— Нет, я не купец, — ответил Дюмон Дюрвиль. — Я занимаюсь изучением жизни и нравов народов, населяющих острова Тихого океана. Но главная цель моего путешествия заключается в том, что-

бы узнать, где и при каких обстоятельствах погиб наш великий путешественник Ла-Перуз.

— Ла-Перуз? — переспросил губернатор.

— Да, Ла-Перуз.

— Но ведь место гибели Ла-Перуза уже найдено.

Дюмон Дюрвиль не поверил своим ушам.

— Где? Когда?

И губернатор ему рассказал:

— Весной этого года здесь, в Гобарте, останавливался капитан Диллон, находящийся на службе у британской Ост-Индской компании. Он хвастался, что к северу от Новых Гебрид ему удалось отыскать остров, на который, по рассказам туземцев, сорок лет тому назад выбросило несколько десятков европейских моряков, спасшихся после гибели двух больших кораблей. Дикари утверждают, что белые прожили на их острове очень много лет и последний из них умер совсем недавно. По словам капитана Диллона, он нашел там множество европейских предметов: топоров, кастрюль, гвоздей, бус. Он даже показывал мне шпагу, купленную там у одного дикаря. На эфесе шпаги была изображена лилия...

— Лилия! — вскричал Дюмон Дюрвиль. Перед Французской революцией, во времена Ла-Перуза, лилии были изображены на всех шпагах французских офицеров!

— Совершенно верно, — сказал губернатор. — Вот именно поэтому капитан Диллон и заключил, что ему удалось отыскать место гибели Ла-Перуза.

— А где же находится остров, на котором побывал Диллон?

Губернатор улыбнулся.

— К сожалению, капитан Диллон держит это в секрете. Он купец. Он знает, что за его открытие французское правительство заплатит большие деньги, и поэтому он старается до поры до времени не сболтнуть лишнего. Сейчас он находится в Калькутте. Там он собирался просить у Ост-Индской компании позволения ехать во Францию...

ПЕРЕВОДЧИК ГЭМБЛТОН

„Ла-Перуз погиб к северу от Новых Гебрид, — думал Дюмон Дюрвиль, уходя от губернатора. — Гм... Довольно неточное определение. К северу от Новых Гебрид расположено два больших архипелага — Соломоновы острова и острова Санта-Круц. Их ли имел в виду капитан Диллон? Но в обоих этих архипелагах, по крайней мере, сорок островов... Да, нелегкая задача...“

Потом ему пришло на ум, что Соломоновы острова и острова Санта-Круц за последние двадцать лет почти ежегодно посещаются европейскими судами. Они известны вдоль и поперек. Неужели до капитана Диллона ни один моряк не обратил внимания на то, что у дикарей есть старинные французские шпаги военного образца? Нет, тут что-то не то... Не Соломоновы острова и не острова Санта-Круц имел в виду капитан Диллон, а какую-то иную, малоизвестную землю...

И вдруг его осенило. Дюмон Дюрвиль знал наизусть описание путешествия д'Антраксто. Он вспомнил, что к северу от Новых Гебрид сума сбродный адмирал открыл остров, которому дал

имя Поиск. С тех пор никто из мореплавателей не видел этого острова. Да и сам д'Антраксто у этого острова не останавливался. Вероятнее всего, что капитан Диллон именно там нашел следы экспедиции Ла-Перуза.

Дойдя до этого места своих размышлений, Дюмон Дюрвиль чуть не запрыгал от радости. Ключ был найден. Оставалось только подымать паруса и ехать.

„Если бы адмирал д'Антраксто, открыв этот остров, не поленился осмотреть его, он, пожалуй, назвал бы его не Поиск, а Находкой, — подумал Дюмон Дюрвиль. — Ведь во времена д'Антраксто большинство спутников Ла-Перуза было еще, должно быть, живо“.

Ремонт корабля тянулся очень долго, и Дюмону Дюрвилю удалось оставить Тасманию только 6-го января 1828 года. А 10-го февраля моряки уже увидели дымящиеся вулканы Новых Гебрид. У одного острова Дюмон Дюрвиль с отрядом моряков высадился на берег, чтобы запастись свежей водой. Там, в толпе черных курчавых дикарей, он увидел белого. Белый этот, оказавшийся молодым англичанином по имени Гэмблтон, бросился на колени перед Дюмоном Дюрвилем и со слезами рассказал очень грустную историю о том, как он спасся с какого-то разбитого корабля и как два года провел один среди дикарей. Гэмблтон умолял капитана взять его с собой на корабль.

Дюмон Дюрвиль был уже хорошо проучен предателем Синглтоном на островах Дружбы. Гэмблтон тоже показался ему подозрительным человеком. В те времена на островах Тихого океана

появилось много разных авантюристов и разбойников, которые грабили и туземцев и европейцев. Дюмон Дюрвиль не поверил грустной истории Гэмблтона, но заметил, что молодой англичанин отлично владеет языком жителей Новых Гебрид. Это решило все дело.

„Остров, открытый д'Антраксто, находится совсем близко отсюда,—подумал Дюмон Дюрвиль.—Тамошние жители, вероятно, говорят на том же языке, что и здешние. Я должен буду расспрашивать их о Ла-Перузе, и этот плут пригодится мне в качестве переводчика“.

Так Гэмблтон попал на корабль Дюмона Дюрвиля.

ТАЙНА РАЗГАДАНА

Покинув Новые Гебриды, Дюмон Дюрвиль взял курс на север, к острову, отмеченному на картах д'Антраксто. Остров заметили на горизонте 21-го февраля. Он весь зарос густым пальмовым лесом. Возделанной земли было очень мало. Войдя в узкую, неудобную гавань, где кораблю было трудно повернуться, Дюмон Дюрвиль отправился в шлюпке на берег, везя с собой множество подарков для дикарей. Но дикари приняли его холодно, равнодушно и неприветливо. Они неохотно подходили к белым и без всякой радости принимали щедрые подарки. Дюмон Дюрвиль увидел у них множество топоров, бус, гвоздей и понял, что капитан Диллон тоже проявил здесь исключительную щедрость и этим сбил цену европейским товарам.

Островитяне отлично понимали Гэмблтона, но избегали с ним разговаривать. В первый день ему удалось добиться только одного сведения: что туземцы называют свой остров Ваникоро. И это все. Если у какого-нибудь дикаря развязывался язык и он, под влиянием подарков, начинал отвечать на вопросы Гэмблтона, другие дикари подхватывали его сзади на руки и утаскивали болтуна в лес. Это было похоже на какой-то заговор молчания.

Гэмблтон был поражен такой скрытностью. Он утверждал, что жители Новых Гебрид, ничем не отличающиеся от жителей Ваникоро, народ очень разговорчивый. Но на другой день ему удалось выведать причину странной молчаливости островитян.

— Это все штучки нашего предшественника, капитана Диллона, — объяснил он Дюмону Дюрвилю. — Он сказал им, что сюда приедет много белых, чтобы отомстить за своих родственников, которые долго жили на острове, и посоветовал дикарям держать язык за зубами.

— Они, очевидно, неважно обходились со спутниками Ла-Перуза, если так боятся мести, — заметил Дюмон Дюрвиль.

Впрочем, это молчание только доказывало, что Ла-Перуз действительно потерпел крушение у этих берегов. В тот же день Дюмону Дюрвилю удалось найти другое, еще более веское доказательство. Гуляя со своими офицерами по берегу и отойдя на милю от бухты, он нашел в высокой траве большой медный колокол отличной европейской работы. Он весь был измят, словно его долго били камнями, чтобы расколотить на ча-

сти. Один из молодых офицеров влез на четвереньках внутрь колокола и прочел там надпись: „Фрегат Компас 1785“.

По приказу Дюмона Дюрвиля двадцать матросов с величайшим трудом втащили колокол в шлюпку и отвезли на корабль. Дюмон Дюрвиль старался понять, каким образом могли дикари вытащить из моря и вкатить на берег такую тяжесть. Их, очевидно, прельстил блестящий металл, из которого был сделан колокол. Им хотелось разбить свою находку на части, но это не удалось, и они кинули ее.

А между тем Гэмблтон рыскал по всему острову, из деревушки в деревушку, стараясь выведать хоть что-нибудь. Такое усердие очень трогало Дюмона Дюрвиля, и он стал лучше относиться к молодому англичанину.

Через несколько дней Гэмблтон привез на корабль сморщенного старого островитянина с трясушимися от дряхлости ногами.

— Это Моэмб, один из главных здешних вождей, — сказал Гэмблтон капитану. — Он обещал рассказать нам всю правду, если мы дадим ему пять метров красного сукна.

— Руж, — прошамкал старик.

„Руж“ по-французски значит „красный“.

Дюмон Дюрвиль задрожал от волнения.

— Он был близок с погибшими моряками Ла-Перуза, — объяснил Гэмблтон, — и знает несколько французских слов.

— Дать ему десять метров! — закричал Дюмон Дюрвиль. — Пятнадцать! Двадцать пять! Только пусть он рассказывает. Я награжу его так, что он купит весь этот остров со всем, что на нем находится.

И старик начал рассказывать. Гэмблтон переводил его слова.

— Я был мальчиком, — сказал старик, — когда однажды ночью мы услышали страшный грохот, доносившийся с моря. Вся наша деревня выбежала на берег. Мы слышали голоса людей и видели над водой огни. Дул страшный ветер, волны были выше пальм. На берег приехала лодка, полная белых людей. Они развели на берегу костер, и мы к ним не подходили. Волны принесли на берег очень много мертвых. Мы снимали с мертвых материю и длинные железные ножи. Когда рассвело, мы среди подводных камней, окружающих остров, увидели три мачты, вроде ваших. Они торчали прямо из воды. А дальше от берега мы увидели еще три мачты. На всех мачтах было много живых людей, привязанных веревками. Буря стала слабее, и белые, которые были на берегу, сели в лодку и поехали снимать своих товарищей с мачт. Они привезли их на берег, но те не могли ни стоять, ни сидеть, а только лежали.

— Сколько же человек спаслось? — спросил Дюмон Дюрвиль.

— Много, очень много, — ответил старик. — Но мертвых было еще больше. Мы сняли с мертвых очень много материи и хотели снять с живых. Но живые стали стрелять в нас из ружей, и мы убежали. Потом наступил мир. Я был другом белых и научил их говорить по-нашему. Когда больные выздоровели, белые стали строить большую лодку. Они строили ее два года и жаловались, что у них нет железных топоров. Когда лодка была готова, в ней поместилась только

половина белых, и то там было тесно. Лодка эта была как ваш корабль, с парусами и мачтами, но гораздо меньше. Те, кто поместились в лодку, обещали остающимся прислать за ними большой корабль. И уехали. И больше не приезжали.

— А в какую сторону поплыла лодка? — спросил Дюмон Дюрвиль.

— А вон туда, — ответил старик и махнул рукой на северо-восток.

„Ага, они, видно, хотели достигнуть голландских владений на Зондских островах, — подумал Дюмон Дюрвиль. — Но это им, конечно, не удалось, — слишком уж туда длинная дорога для маленького самодельного кораблика. Они, конечно, погибли где-нибудь в пути. Но где? На северо-восток отсюда лежат сначала Соломоновы острова, потом острова Адмиралтейства... Неужели английский капитан Гэнтер говорил правду, утверждая, что на островах Адмиралтейства он видел дикарей, одетых во французские мундиры?“

— А что же стало с теми, которые остались на острове? — спросил он старика.

— Они построили себе деревянную крепость, — продолжал старик. — В крепости были дома, сделанные из дерева, а не из соломы. Мы несколько раз воевали с ними, но потом мирились и снова жили дружно. Белые каждый день выходили на берег посмотреть, не пришел ли за ними корабль. Наконец, через несколько лет они увидели два больших корабля. Тогда они стали кричать и стрелять в воздух из ружей. Они говорили, что это корабли их собственного племени, потому что там были белые флаги. Но на

кораблях их не услышали: ветер дул в тот день в другую сторону. Корабли прошли мимо и не вернулись. Белые, оставшиеся на острове, плакали.

— Это был д'Антракто, — прошептал Дюмон Дюрвиль.

— Их с каждым годом становилось все меньше и меньше, — говорил старик, — Они умирали от болезней, и товарищи зарывали их в землю. Наконец, их осталось совсем мало. Время шло. В нашей деревне мальчики уже сделались стариками. А белые все ходили к морю смотреть, не пришел ли за ними корабль. У них вышли все пули, и их ружья не могли уже больше стрелять. Мы узнали это, разрушили крепость и взяли всех белых в плен. У нас им жилось очень хорошо, мы привыкли к ним и обращались с ними, как со своими. Но они скоро почти все умерли. Только четыре белых старика долго еще жили среди нас. Они все ждали корабля. Почему вы не приехали немного раньше? Они умерли всего три года тому назад.

Когда старик окончил свою речь, наступило долгое молчание. Слушавшие его моряки были глубоко потрясены этим трагическим рассказом. И вот заговорил Дюмон Дюрвиль.

— Возьми, сколько хочешь, красного сукна, Моэмб, — сказал он, — но отведи нас в то место, где была крепость белых. Мы хотим посмотреть ее своими глазами.

Старик согласился и повел их в самую чашу леса. Они увидели следы деревянного частокола. От него остались только груды трухлявых бревен. Стоило толкнуть их ногой, и они рассыпались

в прах. Посреди частокола, возле серебристого ручейка, стояло семь покосившихся домиков. Буйный тропический лес совсем задавил их. Многие деревья выросли прямо из земляного пола домов и, пробив крыши, распростерли над ними свои ветки. Осмотрев стены, Дюмон Дюрвиль заметил, что они построены без единого гвоздя. Видно, спутники Ла-Перуза испытывали на острове недостаток в железе.

— Скажи, Моэмб, — спросил Дюмон Дюрвиль, — капитан Диллон видел эту крепость?

— Нет, — ответил старик. — Мы ему не показали. Он нас все пугал и нам не понравился.

Внутри в домах было пусто. Никаких остатков мебели, посуды, одежды. Все, очевидно, успели давно разграбить предприимчивые островитяне. Но в самом последнем доме Дюмон Дюрвиль нашел огромную, во всю стену, кипарисовую доску, на которой была вырезана надпись: „Boussol“.

„Boussol“ по-французски значит „Компас“.

— Да ведь эта доска, судя по описаниям, была прибита к корме главного Ла-Перузова фрегата! — вскричал Дюмон Дюрвиль. — Она, верно, оторвалась и была вынесена волнами на берег. Они хранили ее на память о своем погибшем корабле.

Кипарисовую доску он отправил к себе на корабль.

На следующее утро было решено осмотреть те камни, среди которых погибли корабли Ла-Перуза. Спустили на воду две шлюпки. Моэмб вызвался быть лоцманом. По его указанию, шлюпки обогнули длинный мыс, и моряки увидели тянущийся вдоль всего берега коралловый риф с проломом

*Дюмон Дюрвиль нашел кипарисовую доску, на которой была
вырезана надпись: «Boussol».*

посредине. Издали казалось, что в этот пролом с легкостью может войти большой корабль. Но, когда шлюпки подошли ближе, Дюмон Дюрвиль понял, что это только обман зрения, что в проломе на глубине двух футов огромные подводные камни.

— Вот здесь погибли корабли белых людей, — сказал Моэмб.

— Понял! Понял! — закричал Дюмон Дюрвиль. — Ла-Перуз, верно, хотел через этот пролом подойти к берегу. Была ночь, бушевал ураган, и ему показалось, что тут настоящий пролив. А когда „Компас“ начал тонуть, „Астролябия“ пошла к нему на помощь и тоже разбилась о камни.

Моряки разглядели в воде что-то блестящее. Среди матросов нашлись добровольцы, которые разделелись и нырнули на дно.

— Это пушки! — кричали они, вылезая из воды.

Пушки находились совсем неглубоко. Одну из них удалось обмотать канатами и втащить с помощью блоков в шлюпку. Моряки чуть не надорвались. Пушка эта была дьявольски тяжела. Она обросла коралловой коркой в целый фут толщиной. На жерле была надпись: „Компас“.

Теперь, когда все обстоятельства гибели Ла-Перуза были выяснены, оставалось сделать только одно дело — поставить ему и его спутникам памятник. Для этого выбрали холмик на берегу, как раз около того места, где разбились оба корабля. Памятник этот построили из кораллов. Он имеет форму пирамиды, подножием которой служит куб, и стоит по сей день. Когда он был окончен, матросы отдали ему честь залпом из ружей, а корабль залпом из всех своих сорока пушек.

17-го марта капитан Дюмон Дюрвиль покинул остров, который туземцы называют Ваникоро, а адмирал д'Антракasto назвал Поиском, вместо того чтобы назвать его Находкой.

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Возвращаясь во Францию, Дюмон Дюрвиль остановился на несколько дней в Лиссабоне, столице Португалии. По какому-то делу он должен был повидать французского посла.

— Как зовут нашего посла в Лиссабоне? — спросил он одного лиссабонского жителя, часто бывавшего во французском посольстве.

И получил ответ:

— Бартоломей Лессепс.

— Единственный спутник Ла-Перуза, оставшийся в живых! — вскричал Дюмон Дюрвиль.

Бартоломей Лессепс был здоровый, веселый, розовый старичок. Ни одно несчастье не посетило его за всю жизнь.

Дюмон Дюрвиль рассказал ему о том, как он нашел место гибели Ла-Перуза. Посол выслушал его внимательно, но без особого любопытства. Он уже забыл путешествие, которое совершил сорок лет тому назад молодым человеком. Его теперь интересовали другие дела, куда поважнее, — деньги, чины, ордена.

Уходя из посольства, Дюмон Дюрвиль вспомнил, что на фрегате Ла-Перуза моряки называли Лессепса „счастливым“, и горько усмехнулся.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

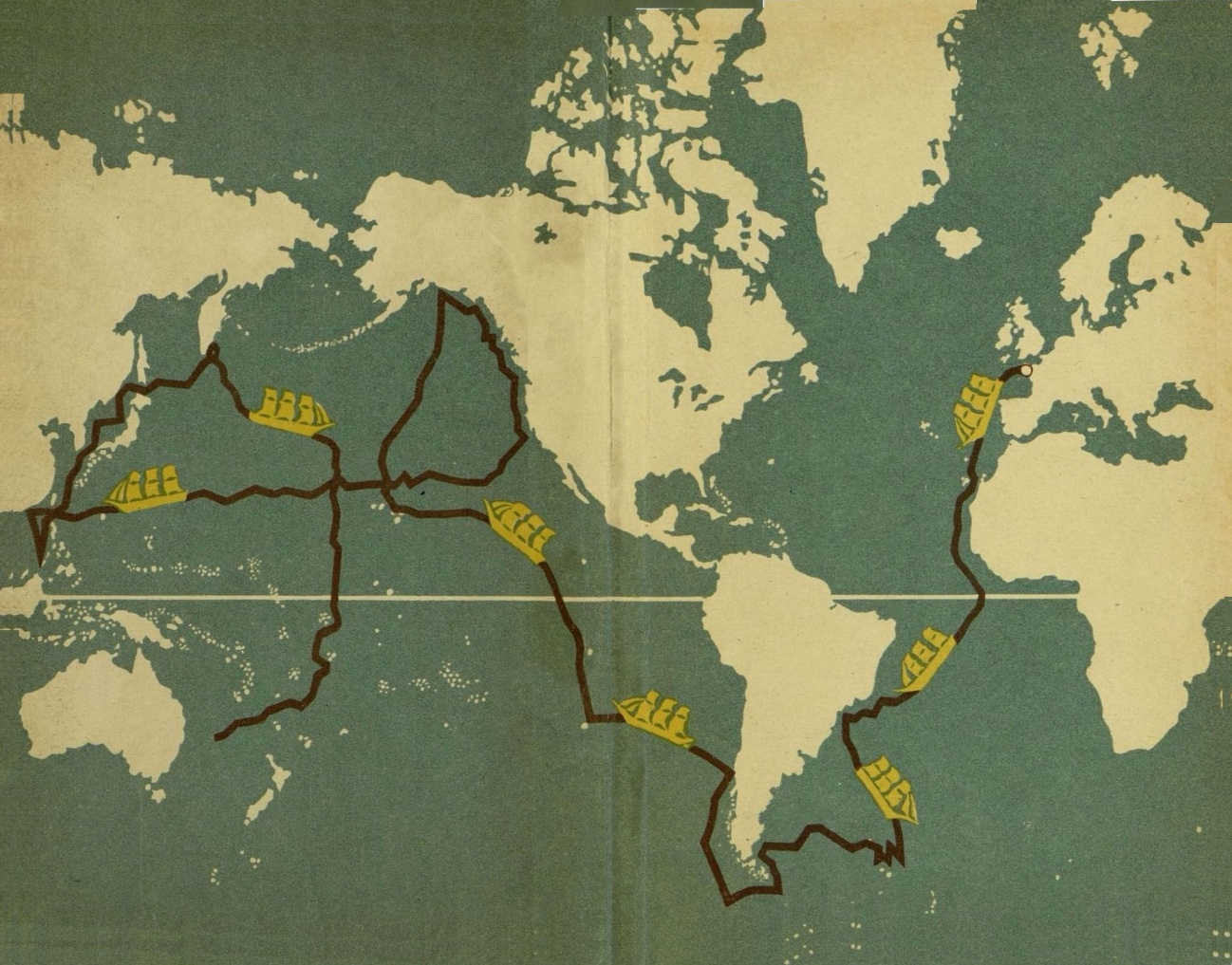
Часть первая

У министра	7
Сборы в путь	10
Непрошенный пассажир	13
Бартоломей Лессепс покупает вино	15
Восхождение на Tenerifский пик	20
Экваториальный ливень	25
Отважный комендант	28
В Бразилии	32
Лгун	36
У берегов Патагонии	38
Страшный мыс	40
Исчезнувший город	43
Чилийские нравы	48
Праздник	54
Прибытие на остров Пасхи	56
Похитители шляп	59
Вороватый король	66
Гавайский архипелаг	69
Мельник	77
Среди бурунов	80
В бухте	89
Нелепая гибель	95
Калифорния	100
В неведомом море	104
Подвиги пиратов	107

Нежданное богатство	111
Цветущая пустыня	114
Сахалин	118
В гостях у русских	120
Цынга	124
Одноглазый разбойник	123
Вода и кровь	130
Последняя встреча	140

Часть вторая

Адмирал д'Антракasto хочет прославить свое имя	147
На вершине Тенерифского пика	151
Честолюбие и упрямство	153
Трудное плавание	157
Острова Адмиралтейства	159
Вновь по волнам без цели и смысла	161
Д'Антракasto у островов Дружбы	164
Остров Поиск	170
Болезнь и восстание	172
О Ла-Перузе еще не все позабыли	175
Шестьнадцать дней на волосок от смерти	180
Колдунья	186
Предатель	189
Потрясающее известие	191
Переводчик Гэмблтон	194
Тайна разгадана	196
Старый знакомый	205

Цена 4 руб.